

ЭМИРОВА А. М.

**РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

Монография

Эмирова А. М.

**РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

Монография

Симферополь
2020

УДК 811.161.1:81'276

ББК 81.2Рус-3

Э 55

*Рекомендовано к изданию Учёным советом ГБОУВО РК
«Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова».
Протокол № 14 от 9 июня 2020 г.*

Рецензенты:

Мокиенко В. М. – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского университета, главный научный сотрудник Института филологических исследований СПбГУ, профессор Института славистики Эрнст-Моритц-Ардт-Университета г. Грайфсвальд (Германия).

Ковшова М. Л. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания Российской академии наук.

Э 55 **Эмирова А. М.**

Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. – Симферополь: ООО «Издательство «Научный мир», 2020. – 228 с.

ISBN 978-5-6042514-5-4

Монография посвящена анализу русской фразеологии (идиоматики) в коммуникативно-прагматическом аспекте. Дана комплексная характеристика семантики фразеологических единиц, определена специфика фразеологического значения, в том числе его прагматического компонента; разработана оригинальная семантико-грамматическая (частеречная) классификация идиом; предложен ментально-психологический анализ процессов первичного производства и воспроизводства идиом в речи; разработаны два варианта идеографической классификации фразеологизмов – на материале основных частеречных разрядов и на всём массиве идиоматики; впервые охарактеризована фразеология когнитивной деятельности человека и др.

Для научных работников, аспирантов, студентов-филологов и преподавателей русского языка высших учебных заведений.

УДК 811.161.1:81'276

ББК 81.2Рус-3

ISBN 978-5-6042514-5-4

© Эмирова А. М., 2020

© ООО «Издательство «Научный мир»,
макет, оформление, 2020

У ИСТОКОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

(Вместо предисловия)

Столбовая дорога развития науки о языке – это постепенное накопление языковых фактов и их научное осмысление. Новые научные парадигмы, как правило, формируются эволюционным путем в недрах старых парадигм, чаще всего – на стыке смежных гуманитарных знаний. Думается, данная тенденция так или иначе, чаще опосредованно, коррелирует с глобальными процессами социокультурного развития, происходящими в мировом сообществе на определённом этапе его развития.

Развитие гуманитарных наук в последней трети XX – начале XXI-го веков происходит под девизом «Человек – креативный феномен, демиург, познающий и творящий окружающий мир». Детальная разработка проблем человеческого фактора в речевой деятельности – ведущая тенденция развития новейшего языкознания. Основное предназначение языка – его глобальная коммуникативная функция – это накопление и передача знаний, приобретённых людьми в актах повседневной познавательной деятельности, осуществляемые в процессах коммуникации. Исследование языка в аспекте выполнения им его основной – коммуникативной – функции раскрывает онтологические особенности языка как специфически человеческого феномена. Всё в языковой системе, в том числе и на таком его участке, как фразеология (идиоматика), детерминировано основной функцией языка – быть средством формирования и выражения когнитивного и эмоционального содержания.

Когнитивная лингвистика как новое направление в рамках коммуникативной лингвистики начала активно формироваться в недрах старой – системно-структурной («бесчеловечной») – лингвистики с середины 70-х годов прошлого века. Именно в 70–80-е годы активно разрабатывались в рамках коммуникативного подхода такие направ-

ления в языкознании, как функциональная грамматика, лингвистика текста, логический синтаксис, теория референции, семиологическая грамматика, теория номинации и ономазиология, лингвистическая прагматика, теория речевой деятельности и др. В ранних работах данного направления стал встречаться термин *когнитология*, который позже был заменён на термины *когнитология* и *когнитивистика*. На наших глазах формировалась коммуникативная лингвистика как интегральная наука, стремящаяся дать адекватное описание всех аспектов функционирующего языка – его звуковой стороны, лексико-фразеологического состава и грамматического строя.

В моих работах 70–80-х гг. прошлого века поставлены и рассмотрены проблемы коммуникативной фразеологии как значимой составляющей коммуникативной лингвистики в целом. См. [Эмирова 1978а; 1978б; 1979а; 1979б; 1981; 1984; 1986, 1988 и др.]. Вот мнение В. Н. Телия по этому поводу: «Как пишет А. М. Эмирова, книга которой [1988, 6] как бы завершает постклассический период развития фразеологии и выдвигает новые для неё задачи, «коммуникативный анализ идиом предполагает описание всех их «составляющих» – содержания, структуры и употребления в речи – в свете выполнения ими коммуникативной функции, понимаемой как интегральное целое: формирование и передача знаний о реальной действительности, коммуникативные интенции говорящего и прагматический эффект» [Телия 1996: 44].

Говоря о развитии фразеологии как науки, В. Н. Телия отмечает, что в 70–80 гг. «<...> особое внимание уделяется семантике фразеологизмов, их номинативному и коммуникативному аспектам (В. Н. Телия, А. М. Эмирова) <...>» [Телия 1997: 609]. В круглых скобках – ссылка на монографию «Русская фразеология в коммуникативном аспекте» [Эмирова 1988], которая была издана в 1988 г. в Ташкенте в предельно сокращённом виде: некоторые значимые положения разрабатываемой в ней проблематики были опущены или затронуты поверхностно. Тем не менее, по сей день обращают на себя внимание ссылки на мои работы по фразеологии, чаще всего – на названную монографию. В сводном каталоге библиотеки Конгресса США в Вашингтоне эта монография зафиксирована в 41 позиции – она имеется в библиотеках разных университетов США: Стэнфордского, Гарвардского, Принстонского, Йельского, Питтсбургского и др. [Эмирова 2008: 83–86]. Она также отражена в би-

блиотечных фондах Венгрии, Канады, Германии, Польши, Франции, Швейцарии, Швеции и др.

Необходимость издания полного текста докторской монографии «Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении» (1988) обусловлена прежде всего тем, что в ней отражён очень важный период в истории развития отечественной науки о языке, в частности – фразеологии. В монографии на материале идиоматики были поставлены и рассмотрены такие общетеоретические и частные проблемы, которые по сей день остаются в центре внимания когнитивистики как комплексной науки о функционирующем языке, языке в действии.

А. М. Эмирова. 20 апреля 2020 г.

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия в языкознании имело место дальнейшее укрепление позиций фразеологии как особой отрасли науки о языке. Статус фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины проявился в том, что после длительного периода бурных дискуссий определился объект фразеологии, представленный двумя ипостасями – идиоматикой и шире – сочетаемостью слов (и словесных значений); сформировалась своя частная методология как совокупность приёмов и методов анализа фразеологического материала. Упрочение позиций фразеологии сопровождалось дальнейшей дифференциацией её объекта, что позволило исследователям ставить вопрос о выделении в лоне фразеологии относительно самостоятельных областей исследования – фразообразования, фразеологической морфологии, фразеологической стилистики, сравнительно-исторической и контрастивной фразеологии и др.

В каждой из этих областей происходит дальнейшее интенсивное накопление знаний и развитие теории, базирующееся на исследованиях не столько вширь, сколько вглубь: имеет место более углублённый анализ языкового материала, в основном уже введённого в научный обиход в предшествующие периоды. Теоретические исследования в области общей и русской фразеологии во многом сдерживаются, однако, отсутствием представительного словаря русской фразеологии. «Успехи идиоматических штудий всегда окажутся в прямой зависимости от лексикографической разработки идиоматики того или иного национального языка» [Бабкин 1979: 5].

В последние годы активизировались исследования в области компаративной и контрастивной фразеологии – сравнительно-сопоставительного анализа фразеологизмов языков как родственных, так и разных и подчас весьма далёких в генетическом и типологическом отношениях [Мокиенко 1980; Покровская 1977; Демьянович 1980; Балут 1982; Райхштейн 1980; Гоголицына 1979; Прасад 1978; Соло-

духо 1982а, 1982б, 1984] и др. Однако работа в этой области ведётся в основном нецеленаправленно, поэтому сегодня ещё мало работ обобщающего характера. Результаты таких исследований представляют большой интерес в плане общей фразеологии и типологии.

Фундаментальные работы в области исторической (диахронической) фразеологии позволили выявить механизмы развития фразеологической системы русского языка в целом и её отдельных участков. Углублённый анализ отдельных фразеологических пластов (фразеологии XVIII и XIX веков) вёлся с учётом диалектической взаимосвязи статики и динамики фразеологической системы – синхронии в диахронии и диахронии в синхронии [Мокиенко 1976, 1980; Гвоздарев 1977; Гусейнов 1977а, 1977б; Палевская 1972, 1977] и др.

Заметны достижения и в области прикладной фразеологии: составляются учебные пособия для средней и высшей школы [Эмирова 1972; Гаврин 1974; Чепасова 1974, 1983; Попов 1976; Молотков 1977; Копыленко, Попова 1972, 1978; Жуков 1978; Жуков, Жуков 1980; Жуков 1984; Ройзензон 1977; Мелерович 1979; Абрамец 1981; Ломов 1982; Бушуй, Салохиддинов 1980; Костючук 1983] и др.; интенсивно разрабатываются методы преподавания русской фразеологии, особенно в нерусской школе [Быстрова 1976, 1981]; составляются разного типа фразеологические словари [Жуков 1980; Шанский, Быстрова 1979; Быстрова, Окунева, Шанский 1984; Яранцев 1981] и др., в том числе и лингвострановедческого назначения [Фелицына, Прохоров 1980].

Следует отметить и определённые успехи в теории фразеографии: разработаны единые принципы составления учебных фразеологических словарей русского языка для национальной школы и для иностранцев – критерии отбора и минимизации языкового материала, структура словника и словарной статьи и др. [Ройзензон, Эмирова 1975; Эмирова 1977, 1984; Умарходжаев 1977; Шанский, Быстрова 1978] и др.

Специфика фразеологических единиц как единиц системы языка состоит прежде всего в своеобразии их семантики. Поэтому правомерным представляется тот глубокий интерес к проблемам фразеологической семантики, который наблюдается в отечественном языкознании последних лет. В ряде работ ещё раз поставлены и рассмотрены центральные для фразеологической семантики вопросы, такие как специфика фразеологического значения по сравнению со

значениями единиц других языковых уровней, языковой (семантический) статус слов-компонентов фразеологических единиц; охарактеризованы, на «свежем» языковом материале, такие системные (парадигматические) категории, как полисемия, синонимия, фразеологические поля (группы, сферы) и др. [Эмирова 1969, 1970, 1971, 1972, 1977, 1978; Жуков 1978; Копыленко, Попова 1972, 1978; Гвоздарёв 1977; Телия 1981; Шмелёв 1977; Мелерович 1979; Ивашко 1981; Сидоренко 1982] и др.

Как показал пристальный обзор фразеологических исследований последних лет [Эмирова 1987], основной концептуально-терминологический аппарат отечественной фразеологии за истекшие годы был подвергнут тщательной ревизии: некоторые научные установки были пересмотрены и отвергнуты (например, положение об отсутствии явления полисемии во фразеологическом составе языка), другие – углублены и развиты (понятие эквивалентности фразеологизма и слова, уровневый статус фразеологии, специфика фразеологической системы и др.) – в целом весь теоретический каркас фразеологии как науки был пристально рассмотрен в различных ракурсах, обновлён и укреплён. Такая ревизия дала возможность не только укрепить позиции фразеологии как самостоятельной научной дисциплины, но и наметить перспективы научных изысканий в данной области.

На поверхностный взгляд может сложиться впечатление, что всё фразеологическое «поле» современного русского языка, выражаясь фигурально, перепахано вдоль и поперёк и даже по диагонали, что на нём не осталось ни одного «огреха». В психологии имеется понятие – эффект ореола. Оно обозначает инерцию восприятия, сложившегося при первом знакомстве с объектом познания, стереотипы восприятия и оценки, которые очень часто мешают объективному познанию и оценке предмета, способствуют искажению его сущности. Думается, в таких условиях основным двигателем теории могут явиться попытки пересмотреть сложившееся положение вещей, подвергнуть устоявшиеся понятия и знакомые явления, факты «остранению» [Шкловский 1983: 15], увидеть их в новых, необычных ракурсах, как бы в первый раз, свободными от искажений, обусловленных научной традицией и принятыми научными стереотипами. И здесь до сих пор остается в силе императив Л. В. Щербы: «<...> Необходимо смелее подходить к традиционным понятиям и особен-

но терминам. Смешно спрашивать: «что такое предложение?»; надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области, а затем давать наблюдаемым явлениям те или иные наименования» [Щерба 1974: 44]. Выхваченные из ставшего привычным концептуально-терминологического антуража и включённые в новую парадигму [Степанов 1985: 4 и след.] языковые явления могут предстать в ином свете, проясняющем их онтологию.

Думается также, что новые результаты в научном исследовании могут быть получены на основе привлечения данных смежных наук, в нашем случае – философии, семиотики, психологии, логики, физиологии высшей нервной деятельности и др. История развития науки свидетельствует о том, что новые возможности для плодотворных исследований как фундаментального, общетеоретического, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, особенно общественных и естественных. Именно здесь исследователей могут ожидать интересные результаты и даже открытия.

Большие перспективы в развитии фразеологии, как нам представляется, открывают активизирующиеся в последнее время исследования в области ономазиологии, теории номинации, лингвистической прагматики, функциональной грамматики и шире – коммуникативной лингвистики, сосредоточивающих свое внимание на широком изучении функционирующего языка в его взаимодействии с мышлением и действительностью.

Как известно, активизация исследований в какой-либо области (в нашем случае – в области коммуникативной грамматики) стимулирует исследовательскую мысль в смежных, а порой и совершенно отдалённых областях науки. Мы бы назвали это эффектом расходящихся кругов. Анализ языковых явлений в коммуникативно-прагматическом аспекте вовлёк в свою сферу также «неканонические», межуровневые и даже маргинальные явления.

Все единицы системы языка создаются для выполнения языком его основной – коммуникативной – функции и потому несут на себе печать коммуникативной предназначенности. Оригинальная типология лексических значений, учитывающая зависимость номинации от занимаемого ею в структуре предложения синтаксического места (номинации экзистенциальные, идентифицирующие, предикатные и номинации-обращения), разработана в трудах Н. Д. Арутюновой [1973, 1976, 1977, 1980 и др.]. Иной подход к характери-

ке лексического значения в коммуникативном аспекте – на уровне минимальных составляющих семемы – сем – предложен в работе И. А. Стернина [1985].

Что касается русской фразеологии (идиоматики), то она не была до сих пор предметом всестороннего исследования в коммуникативном аспекте. Этим определяется актуальность темы данной работы. Выдвинутая нами научная тема диктуется логикой развития самой науки о языке, обратившейся сегодня к комплексному анализу языка как основного средства человеческой коммуникации.

Объектом анализа в нашей работе является идиоматика современного русского языка, извлечённая из лексикографических источников разного типа и назначения (см. список лексикографических источников), а также из текстов периодики последних десятилетий. Часть материала взята из картотеки Словаря русского языка Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, иллюстрации извлечены из текстов художественной литературы, частично – из ФСРЯ. Изредка используются примеры, сконструированные автором *ad hoc*. В картотеке автора около 5.000 фразеологизмов-идиом и более 10.000 употреблений.

Под идиомами понимаются устойчивые по форме, воспроизводимые экспрессивные сочетания слов, обладающие целостным, как правило, переносным значением (в семантической классификации В. В. Виноградова – это фразеологические сращения и фразеологические единства). Идиомы выполняют в высказывании функции именования и характеристики предметов и признаков (действий, состояний, процессов, свойств, качеств), а также – выражения человеческих эмоций. В предложении они являются его элементом, одним членом предложения, преимущественно – предикатом или же элементом, грамматически не связанным с другими членами предложения (модальные словосочетания, междометия).

Привлечение именно идиом в качестве объекта научного анализа не случайно. Идиомы – бесспорное ядро фразеологической системы, относительно которого исследователи единодушны при решении сакраментального вопроса об объёме и границах фразеологии. Возможно, именно эта бесспорность фразеологического статуса идиом и долголетняя традиция их изучения способствовали несколько «слепому» отношению к ним, притуплению исследовательского интереса к ним. Известно, что взгляды исследователей в последние

годы были направлены на поиски белых пятен во фразеологическом пространстве, на выявление и описание не изученных ранее структурно-семантических типов, групп, стилистических разрядов фразеологических единиц русского языка, часто в сопоставлении с языками иной генетической и типологической характеристик. См.: [Копыленко, Попова 1982].

Изучение идиом в широкой парадигме коммуникативной лингвистики, как единиц с ярко выраженной коммуникативно-прагматической предназначенностью, позволит, как нам кажется, пролить свет на их онтологические свойства: «Единство содержательной и формальной сторон языка, служащее основой коммуникативной лингвистики, монистическое представление о единстве коммуникативной функции языка, признание многоаспектности свойств и качеств языка в рамках его единой коммуникативно-содержательной сущности могут принести в дальнейшем определённые позитивные результаты не только в общетеоретическом, но и в конкретном плане – в исследовании *различных уровней и единиц* конкретных языков» [Колшанский 1984: 4]. (Курсив – наш. А. Э.) Кроме того, при узком объекте научного анализа – только идиомы – обеспечивается гомогенность языкового материала, что прогнозирует более высокую степень адекватности его научного описания и полученных результатов.

Коммуникативный анализ идиом предполагает описание всех их составляющих – структуры, содержания и употребления, функционирования – в свете выполнения ими коммуникативной функции, понимаемой как интегральное целое: коммуникативные интенции говорящего, формирование и передача знаний о реальной действительности и прагматический эффект. В центре нашего исследования находятся проблемы семантики во всём их комплексе, так как именно через семантику раскрывается коммуникативная сущность языка. Функциональная характеристика ФЕ, учитывающая, в узком смысле, их синтаксические роли в предложении и, в широком, их коммуникативное назначение, неразрывно связана с их содержательной характеристикой и вытекает из последней. Что же касается формальных особенностей идиом, лежащих «на виду», они привлекаются к анализу преимущественно в тех случаях, когда они релевантны содержательно. Названные стороны идиом, рассматриваемые под знаком коммуникативности, функционально синкретичны и разводятся лишь операционально.

Целью данного исследования является глобальное описание русской фразеологии (идиоматики) в коммуникативно-прагматическом аспекте. Данная цель конкретизируется и решается в следующих основных задачах:

1. Обосновать необходимость анализа русских идиом в коммуникативно-прагматическом аспекте, как специфических единиц, предназначенных для обслуживания коммуникативной сферы языка-речи.

2. Определить языковые функции фразеологических единиц.

3. Охарактеризовать специфику и структуру фразеологического значения: а) обосновать словный статус компонентов идиом, б) охарактеризовать знаковое значение идиом, в) вычленив прагматическое значение как компонент фразеологического значения и описать его структуру.

4. Дать характеристику основных семантико-грамматических (частеречных) разрядов фразеологизмов в коммуникативном аспекте: а) предложить новую функционально-семантическую классификацию идиом, б) разработать комплексную типологию фразеологических предикатов.

5. Охарактеризовать семантику идиом в ономазиологическом аспекте:

а) описать процессы первичного синхронического фразообразования в ментально-психологическом аспекте, б) охарактеризовать когнитивные механизмы воспроизводства готовых фразеологизмов в условиях коммуникации, в) определить объект фразеологической номинации.

6. Дать идеографическую характеристику идиом: а) определить предмет и задачи фразеологической идеографии, б) структурировать и охарактеризовать основные фразеологические поля.

Перечисленные выше задачи отражены в сжатом виде в следующих основных положениях:

I. Фразеологизмы-идиомы являются универсальным языковым средством, обслуживающим все стороны коммуникативно-прагматической деятельности человека. Они способны передавать коммуникативный смысл во всём его объёме, отражая взаимодействие объективной действительности и познающего её сознания-мышления. Этим обусловлена необходимость изучения идиом как объекта коммуникативной лингвистики. Разработана новая предметная область научного анализа – коммуникативно-прагматическая фразеология,

которая концентрирует под единым углом зрения различные актуальные проблемы фразеологии, имеющие отношение к избранному аспекту анализа, и предлагает их новое решение.

2. Репертуар выполняемых идиомами языковых функции гораздо шире, чем это принято считать в литературе вопроса: они выполняют функции коммуникативную, сигнификативную, кумулятивную, символическую, а также комплекс прагматических функций – экспрессивного выражения, эмоционального воздействия, фатическую (контактоустанавливающую), эстетическую и др.

3. Структура значения фразеологизмов-идиом формируется под влиянием выполняемых ими в процессах квалификативно-познавательной и коммуникативной деятельности человека языковых функций и корреспондирует с ними. Фразеологическое значение формируется и эксплицируется на многослойном ассоциативно-смысловом фоне, продуцируемом свободным словосочетанием в целом и его компонентами. Компоненты идиом сохраняют (в разной степени) словный статус, им свойствен особый тип лексического значения – синсемантическое значение, экспонирующее эпидигматические потенции слов. Знаковое значение идиом состоит из сигнификата, выражающего общее абстрактное понятие, денотата, обозначающего класс объектов (преимущественно – признаков), и прагматического макрокомпонента, представленного экспрессивным, апеллятивным, фатическим и эстетическим компонентами.

4. Существующая классификация частей речи во фразеологии не отражает адекватно сущности самих языковых явлений. Показана её некорректность, предложена новая функционально-семантическая классификация идиом, учитывающая их коммуникативную предназначенность: идентифицирующие (субстантивные и прономинальные со значением предметности), признаковые (глагольные, субстантивные со значением предметно представленного признака, адъективные, наречные), собственно прагматические (модальные и междометные). Основная масса русских идиом имеет признаковое (предикатное) значение: они обозначают и характеризуют признаки (действия, состояния, свойства, качества) предметов. Предложена комплексная типология фразеологических предикатов, учитывающая их соотносительность с реальной действительностью и характер включения в семантическую структуру предложения (связь с субъектом, объектом и др.).

5. Коммуникативный аспект анализа идиом предполагает характеристику процессов формирования мыслительного содержания и его «отливки» в языковую форму. С этим связана необходимость новых аспектов анализа, названных в работе фразеологической ономасиологией и фразеологической идеографией.

Проблемная область фразеологической ономасиологии – логико-психологические и семантические процессы первичного фразеологического образования и воспроизведения идиом в речи. Объектом фразеологической номинации являются не события, а сложные элементы ситуации, объективно существующие в качестве недискретных объектов с «включёнными» в них атрибутами (свойствами вещей).

6. Предмет фразеологической идеографии – фразеологические поля. Предложена структурация фразеосемантических полей эмоциональной сферы и когнитивной деятельности человека, обнаруживающих яркую антропоцентрическую направленность фразеологической семантики.

Коммуникативно-прагматическая характеристика фразеологии, предложенная в работе, позволяет выйти на более высокую ступень научного анализа, относящуюся к когнитивным аспектам языка. В работе рассмотрены состав и организация базы знаний (языковых и неязыковых), используемых в процессе функционирования фразеологических единиц, роль памяти в актах производства и воспроизводства в речи идиом, мыслительные операции категоризации, концептуализации, аналогии, абстрагирования, обобщения и др., лежащие в основе образования фразеологического значения, и др. Названные ментальные процессы являются объектом и предметом когнитологии – формирующейся сегодня комплексной науки о познавательно-мыслительной деятельности человека, о различных процессах усвоения, накопления и использования человеком знаний об окружающем мире, изучаемых лингвистикой, логикой, психологией, философией, нейрофизиологией, информатикой и др.

Научная новизна настоящей работы состоит в том, что в ней впервые в отечественном языкознании предлагается глобальное описание русской фразеологии (идиоматики) в коммуникативно-прагматическом аспекте. Выявлена новая проблемная область научного анализа, предложена её структурация, соответствующая целям и задачам настоящего исследования.

Как видно из заявленной выше проблематики, она покрывается широким подходом к коммуникации как деятельности, осуществ-

вляемой двумя (и более) коммуникантами – говорящим (субъектом, адресантом, отправителем, продуцентом информации) и слушающим (объектом, адресатом, получателем, реципиентом), которые перманентно меняются в актах речетворчества коммуникативными ролями.

Анализ фразеологизмов в коммуникативно-прагматическом аспекте предполагает выявление их роли в процессе выполнения языком его основной – коммуникативной – функции, позволяющей привести во взаимодействие реальную действительность и познающее её при посредстве языка мышление-сознание.

Правомерность и необходимость изучения русской идиоматики в коммуникативно-прагматическом аспекте обусловлены не только задачами нынешнего – интегрирующего – этапа в развитии науки о языке, но и вызваны общественной практикой – широким использованием русского языка как средства межнационального и международного общения и, как следствие из этого, изучением русского языка в качестве неродного (от содержания к форме).

Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русской фразеологии в высшей и средней школе, в теории и практике фразеологии при составлении фразеологических словарей разного типа и назначения – одно-, дву- и многоязычных, в том числе и учебных идеографических словарей.

Сказанное выше определяет теоретическую и практическую значимость настоящего исследования. Методологической базой работы являются принципы философии, которые лежат в основе современной концепции языка, утверждающей положения о социальной природе языка, его ведущей роли в общественной практике, деятельностной интерпретации процессов языковой коммуникации, о взаимосвязи языка и мышления, его отражательных возможностях и др.

Основным методом исследования языкового материала является описательный метод, представленный такими приёмами, как социологический (в том числе и опрос информантов), логико-психологический, оппозиционный, окружения и др. Использован полевый метод, опирающийся на компонентный (семный) анализ. В некоторых случаях мы обращались к статистическому методу, а также к семантическому анализу, опирающемуся на словарные дефиниции.

Структура монографии определяется её задачами. Она состоит из настоящего введения, 5-и глав, заключения и списка литературы.

Глава 1

ИДИОМАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Одна из главных тенденций развития науки о языке сегодня – это детальная разработка «проблем человеческого фактора в речевой деятельности» [Степанов 1985: 11]. Основное предназначение языка – его глобальная коммуникативная функция – есть передача знаний, сведений, добытых людьми в процессах познания окружающего мира, в актах повседневной познавательной деятельности, осуществляемая в процессах коммуникации. «Роль коммуникативной функции в процессе создания языка огромна. Можно без преувеличения сказать, что система материальных средств языка, начиная от фонемы и её конкретных реальных манифестаций и кончая сложными синтаксическими конструкциями, возникла и сформировалась в процессе употребления языка как средства общения. Многие специфические особенности языка, как-то: наличие специальных дейктических и экспрессивных средств, средств локальной ориентации, различных средств связи между предложениями и т. д., можно объяснить только исходя из нужд функции общения» [Серебренников 1970: 9].

Коммуникативная лингвистика – это комплексная, интегральная наука, стремящаяся дать адекватное описание всех аспектов функционирующего языка – его звуковой стороны, лексической и фразеологической систем и грамматического строя [Колшакский 1979б]. Она представлена сегодня такими своими ипостасями – стыкующимися и частично накладывающимися друг на друга направлениями, как функциональная грамматика в различных её вариантах [Бондарко 1984; Золотова 1982; Норман 1978; Проблемы функциональной грамматики 1985], лингвистика текста [Николаева 1978; Новое в зарубежной лингвистике 1978; Гальперин 1981], логический син-

таксис, теория референции [Арутюнова 1976, 1982; Семантические типы предикатов 1982; Новое в зарубежной лингвистике 1982; Падучева 1985], семиологическая грамматика [Степанов 1977, 1980, 1981а, 1983, 1985], теория номинации и ономазиология [Языковая номинация 1977а, 1977б; Кубрякова 1978; Торопцев 1970, 1974, 1980; Габинская 1981], теория речевых актов, лингвистическая прагматика [Киселёва 1978; Ахманова, Магидова 1978; Степанов 1981б; Булыгина 1981; Арутюнова 1981; Новое в зарубежной лингвистике 1985, 1986], психолингвистика, теория речевой деятельности [Лурия 1975, 1979; Найссер 1981; Психолингвистические проблемы семантики 1983; Психолингвистика 1984; Смысловое восприятие речевого сообщения 1976], теория речевой коммуникации, или собственно коммуникативная лингвистика как интегральная наука [Колшанский 1978, 1980, 1984; Николаева 1984; Всесоюзная конференция «Коммуникативные единицы языка» 1984] и др.

Как видно из приведённой выше номенклатуры направлений коммуникативной лингвистики и выполненных в их русле работ, основное внимание исследователей привлекает грамматика языка. И это не случайно: в наибольшей степени коммуникативно релевантна именно грамматика, так как коммуникация осуществляется на уровне высказывания, дискурса.

Теорию номинации, ономазиологию, теорию референции, лингвистическую прагматику, лингвистику текста и др. объединяет в едином исследовательском пространстве какая-то общая платформа, без учёта которой они не в состоянии решить свои частные исследовательские задачи. Такой общей платформой является функционирующий язык, «язык в действии».

Проведение чёткой демаркационной линии между научными направлениями, по-видимому, невозможно в силу того, что у них единый объект, рассматриваемый в разных ракурсах (но различные предметные области), и потому можно констатировать лишь, что они находятся в отношениях дополнительности. Такая демаркация затрудняется также в связи с тем, что объект изучения в широком смысле, функционирующий язык, находясь в постоянном движении, поворачивается к исследователю различными своими гранями, сторонами, демонстрируя языковые категории разных уровней в их сложном переплетении, взаимодействии, отражающем сложность, многогранность объективной действительности и познающего её человеческого сознания-мышления.

Интерес к механизмам функционирования языка наблюдался в истории языкознания и ранее. Общие проблемы коммуникативной грамматики были поставлены на повестку дня еще в работах Л. В. Щербы. (См. его идеи об активной грамматике [Щерба 1974: 46–47, 56]). Члены Пражского лингвистического кружка, кроме номинативной деятельности – вычленения отдельных элементов действительности и их закрепления словарным составом языка (предмет функциональной ономотологии), выделили в коммуникации и синтагматическую деятельность – сочетание слов, «если речь идёт не об устойчивом сочетании» [Тезисы Пражского лингвистического кружка 1967: 22], средства и способы объединения названий в предложения (предмет функционального синтаксиса) [Матезиус 1967а, 1967б]. Однако «замысел создания функциональной ономотологии, должествующей учитывать участие в процессах номинации человеческого фактора в виде коммуникативного намерения «будущего говорящего», претерпел существенную метаморфозу и, по сути дела, остался неосуществлённым» [Телия 1981а: 101–102].

Попытки выяснения онтологии функционирующего языка поставили сегодня исследователей, изучающих различные уровни языковой системы, перед необходимостью консолидации научных усилий, интеграции научных поисков под общим знаменем – коммуникативной функции языка. Свои первые шаги коммуникативная теория языка делала на почве грамматики в качестве коммуникативно-ориентированной грамматики, описывающей и объясняющей «назначение грамматических форм языка, их функционирование в соответствии с речевой обстановкой, структурой речевого акта, интенциями говорящего» [Забавников 1980: 69]. Обращает на себя внимание следующее заявление автора цитируемой работы: «Такого рода развёрнутой теории ещё не существует, хотя уже сделаны многочисленные шаги, необходимые для её создания» [Там же]. Ср. более широкое определение предмета коммуникативной грамматики: «Коммуникативная грамматика сосредоточивает своё внимание на изучении механизма построения и использования языковых единиц *различных уровней* (Курсив – наш. А.Э.) в условиях конкретных ситуаций речевого акта и в контексте «знаний о мире»» [Звегинцев 1981: 23]. См. также: [Чахоян 1980].

Как видно из вышеприведённого определения, на наших глазах происходит расширение предметной области коммуникативной

грамматики. Отсюда – один шаг до определения коммуникативной лингвистики как интегральной науки, которую в самой общей форме можно интерпретировать в качестве раздела языкознания, изучающего языковую (речевую) коммуникацию комплексно, во всей широте и сложности этого феномена, с учетом всех его компонентов и аспектов. По мнению Г. В. Колшанского, «предметом коммуникативной лингвистики является исследование собственно структуры языка, всеобщих закономерностей организации речевого общения: взаимодействие семантической и синтаксической структуры высказывания, закономерности построения текста, соотношение интра- и экстралингвистических факторов (многозначность языковых единиц, пресуппозиция, паралингвистика), соотношение прагматических целей, структура высказывания и текста и ряд других вопросов» [Колшанский 1984: 9]. Исследование языка как объекта коммуникативной лингвистики включает в себя следующие аспекты: а) лингвистический (вербальный и паралингвистический), б) психологический, в) социально-культурный и г) семиотический [Там же: 23]. Из сказанного следует, что разделы науки о языке, изучающие указанные аспекты, – ономазиология, теория номинации, теория референции, прагматическая лингвистика, психолингвистика (теория речевой деятельности), лингвистика текста, лингвoseмиотика и др. – могут рассматриваться как составные части широко трактуемой коммуникативной лингвистики.

«Стыкуются» с коммуникативной лингвистикой традиционно имеющие самостоятельный статус области анализа – социолингвистика, риторика, современная стилистика во всем объеме своей проблематики, литературоведение. Более того, исследование языка в коммуникативном аспекте намечает в перспективе интеграцию таких областей научного анализа, которые принадлежат нефилологическим наукам, – логики, психологии и др.

Адекватное описание языковой системы в коммуникативном аспекте – основная задача коммуникативной лингвистики – является одновременно и прагматическим описанием, так как говорящий, творящий текст субъект, передает слушающему своё восприятие и осознание реального мира – окружающих его предметов, явлений, их свойств и отношений, преследуя при этом цель достигнуть прогнозируемый им прагматический эффект – воздействовать на слушающего таким образом, чтобы вызвать с его стороны опреде-

лённое речевое или неречевое действие. «Назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями (познавательный акт) передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определённым действиям (интеллектуальным или материальным)» [Колшанский 1984: 65]. Таким образом, анализ языковых явлений в коммуникативном аспекте с полным основанием и вытекающей отсюда необходимостью может быть назван коммуникативно-прагматическим.

В нашей работе прагматика понимается максимально широко – как такое использование языковых средств различных уровней, которое позволяет творящему текст человеку выразить своё отношение к действительности – интеллектуальное и эмоционально-оценочное – в конкретных коммуникативных условиях, включающих не только реальную ситуацию, но и слушающего (как «элемент» данной ситуации), ориентация на которого в конечном счёте определяет и содержание, и форму высказывания (шире – дискурса).

Прагматический анализ языковых единиц есть по существу анализ коммуникативный и наоборот. Коммуникативно-прагматическая структура высказывания (шире – дискурса) состоит из следующих компонентов: говорящий (как социальный тип – с определёнными интенциями, эмоциями, оценками, соответствующими принятым в данном социуме нормам морали, этики, права), слушающий (также социально портретированный), содержание высказывания (информация о реальном мире, отражённом в сознании и эмоциях говорящего), ситуация реальной действительности (место, время и др., в том числе разнообразные фоновые знания коммуникантов, связанные с конкретной коммуникативной ситуацией), в которой происходит речевое действие. Указанные компоненты коммуникативно-прагматической структуры высказывания могут выражаться с помощью средств разных уровней языковой системы, чаще – в их различных комбинациях друг с другом. (См. об этом далее.)

В таком широком понимании прагматика языка коррелирует с модальностью – объективной и субъективной. Думается, членение категории модальности на данные субкатегории носит до известной степени условный характер (отношение содержания высказывания к действительности с обязательностью включает в себя момент субъективности) и с позиций прагматики нерелевантно. Категорию мо-

дальности можно рассматривать как основное средство выражения коммуникативно-прагматического содержания речи. Прагматический анализ языковых фактов позволяет включить в сферу исследования производителя и получателя речи в их социальной и психической ипостасях. В фокусе прагматического анализа языковых сущностей (виртуальных и актуализированных) находится конкретный человек с его интенциями, желаниями, эмоциями – в конкретных речевых условиях.

Прагматический аспект анализа языковых единиц позволяет преодолеть узость, ограниченность, неполноту «бесчеловечного» анализа языка, из которого обычно выпадает говорящий – творящий текст, думающий и чувствующий человек.

Прагматический, resp. коммуникативно-прагматический, анализ языковых сущностей, концентрирующий в едином исследовательском поле данные не только лингвистики, но и смежных наук, прежде всего психологии, логики, социологии и др., позволяет дать более адекватное описание исследуемых явлений и языковой системы в целом как универсальной, специфически человеческой знаковой системы, выполняющей широкий спектр коммуникативных функций: констатации факта, утверждения, отрицания, предположения, вопроса, волеизъявления и др. – в их направленности на собеседника и/или на самого говорящего.

Коммуникативную лингвистику интересуют прежде всего те языковые единицы, в которых реализуется коммуникативный смысл. Такими единицами являются высказывания и совокупности высказываний, образующих дискурс, коммуникативно законченный текст. Основу высказывания составляет пропозиция – смысловое ядро, отражающее отношения элементов реальной действительности и репрезентируемое связью субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого). Идиоматика современного русского языка представлена преимущественно признаковыми, предикатными единицами, обозначающими признаки предметов реальной действительности. Семантическая категория признака в идиомах, относящихся к разным семантико-грамматическим разрядам, реализуется по-разному: в глагольных фразеологических единицах – в виде действия, состояния предметов, в собственно адвербиальных – в виде признака действия и состояния, в предикативных – в виде признака и состояния предмета. В предложении такие идиомы выполняют преимуще-

ственно синтаксические функции глагольных сказуемых и предикативов (именных сказуемых). Сказанное объясняет необходимость и правомочность изучения идиоматики современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Как было указано выше, собственно лингвистический аспект коммуникативной лингвистики включает в себя изучение не только вербальных, но и паралингвистических средств, сопровождающих коммуникацию. И в этом плане фразеология даёт в распоряжение коммуникативной лингвистики уникальный языковой материал – двуплановые в семантическом отношении устойчивые словесные комплексы, обобщённое фразеологическое значение которых сформировалось на основе переносного употребления словосочетаний, обозначающих различные жесты, мимику, телодвижения (*махать рукой* на кого-что-либо, *открывать рот*, *ходить на цыпочках* перед кем-либо, *кланяться в пояс* кому-либо и др.). Такие единицы уже были объектом научного анализа – в формальном и содержательном аспектах – под названием «совмещённая омонимия» [Ройзензон, Абрамец 1969]. Для нас же такие единицы представляют интерес как специфические коммуникативно-прагматические средства, отражающие совокупно условия протекания коммуникативных актов.

Коммуникативный подход к описанию фразеологических единиц требует учёта «интересов» обоих участников коммуникативного процесса. Следовательно, коммуникативный аспект семантического анализа фразеологии должен сочетать ономазиологический анализ (от содержания к форме) – подход говорящего – с анализом семасиологическим (от формы к значению) – подход слушающего. Номинативный и прагматический аспекты семантического анализа ориентированы одновременно и на говорящего, и на слушающего. Номинативность в нашей работе, как выше уже указывалось, понимается максимально широко – как соотносённость языкового знака с предметом объективной действительности, которая осуществляется в актах коммуникации как говорящим, так и слушающим. Говорящий в процессе речетворчества, создавая новые или, что гораздо чаще, воспроизводя уже известные фразеологические единицы, реализует с их помощью (в комплексе с другими элементами высказывания) свои коммуникативные интенции и выражает свои эмоции и оценки. Слушающий же, воспринимая эти языковые единицы, определённым образом реагирует на них – интеллектуально, эмоционально

или деятельностно, симультанно соотносит их с названными с помощью данных фразеологизмов или соотнесенными с ними предметами, осуществляя тем самым повторные («зеркально отражённые») акты номинации (resp. референции) тех же фрагментов внеязыковой действительности.

Ономасиологический анализ семантики фразеологических единиц предполагает, таким образом, характеристику процессов первичного идиообразования, а также их воспроизведения (извлечения из памяти) в процессах повторяющихся коммуникативных актов. Последнее – извлечение из памяти – диктует обращение к идеографической характеристике идиом: известно, что ассоциативно-смысловые и тематические поля языковых, в том числе и фразеологических, единиц являются основной формой «упаковки» и хранения в памяти знаний об объективной действительности.

Описание фразеологии в коммуникативно-прагматическом аспекте должно учитывать не только функциональные характеристики фразеологических единиц – их функции в языке, роль и назначение в составе высказывания, но и их системные параметры – внутреннюю и внешнюю организации, синтагматические, парадигматические и эпидигматические свойства и др. Системные свойства фразеологизмов и их коммуникативные роли в высказывании взаимно детерминированы. Все системные характеристики фразеологических единиц, как известно, возникают, шлифуются в речи и, лишь пройдя через речевое, коммуникативное «горнило», откладываются в их виртуальном содержании. С другой стороны, функционирование фразеологизмов в речи определяется типом их системного значения, которое обуславливает характер «развёртывания» фразеологизмов в речи, их актуализацию, их сочетаемость с другими элементами высказывания. Следовательно, коммуникативной характеристике фразеологизмов-идиом должна предшествовать их характеристика в системной аспекте. Такая взаимная детерминация системных и функциональных свойств, как известно, характерна также для единиц других уровней языковой системы. Так, специфика функциональной грамматики, по мнению А. В. Бондарко, «может быть выявлена лишь на основе принципа единства системно-структурного (системно-категориального) и функционального аспектов грамматики как целого» [Бондарко 1984: 3].

Сказанным выше определяется необходимость следующей главы – «Природа фразеологического значения и его структура».

Предложенное в последующих главах решение актуальной задачи открывает новое перспективное направление в развитии теории общей и русской фразеологии, вписывающееся в интегральное русло коммуникативной лингвистики и – шире – когитологии, а также корреспондирующее с актуальными и активно протекающими сегодня процессами гуманизации всех сторон жизни нашего общества.

Глава 2

ПРИРОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЕГО СТРУКТУРА

2.1. Слово в составе идиомы

Основной единицей номинативного инвентаря языка принято считать такое слово, которое указывает своим значением на обозначаемые им феномены действительности. Кроме слов со свободным значением, система номинации современного русского языка располагает и большим количеством связанных значений, которые реализуются при участии других слов. Слова со связанным значением представлены двумя рядами: 1) связанные значения, актуализирующиеся совместно со свободными значениями (в составе так называемых фразеологических сочетаний), и 2) связанные значения, реализующиеся в сочетании со связанными же значениями (в составе идиом – фразеологических сращений и фразеологических единств).

В первом случае комбинаторного взаимодействия словесных значений переосмысливается один компонент словосочетания, получая способность выполнять номинативную функцию только в сочетании с другим словом, являющимся семантически ключевым и номинативно опорным для сочетания в целом. Во втором случае мы имеем дело с идиообразованием, приводящим к формированию словосочетания с целостным значением, выполняющего целостную же номинативную функцию. Словные компоненты идиом, как мы постараемся показать ниже, не полностью утрачивают свойственную им в свободных контекстах номинативную функцию, но выполняют её в «стёртой форме».

Связанное значение первого типа во всей широте и глубине проблемы исчерпывающе описано в работах В. Н. Телия: рассмотрены семантико-синтаксический, коммуникативно-функциональный и коннотативный аспекты связанного значения – описаны знаковые

функции связанного значения слова как компонента синтаксических структур; выявлена специфика связанного значения как особого типа вторичной косвенной номинации, формирующейся на основе комбинаторно-регламентирующей номинативной деятельности; рассмотрена отнесённость связанного значения к миру, т. е. описаны те свойства значения этого типа, которые связаны с классификационно-отражательной деятельностью сознания; исследован коннотативный аспект связанного значения, т. е. те ассоциативные признаки (ингерентные и адгерентные), которые проявляются в способности слов сочетаться друг с другом при формировании высказывания [Телия 1977а, 1980а, 1981а, 1981б]; см. также [Гвоздарев 1973].

Связанные значения второго типа, формирующие на основе процессов идиообразования несколькословные наименования с целостным идиоматическим (фразеологическим) значением, и сформированные при их участии идиомы не были до сих пор объектом такого всестороннего анализа в семантическом аспекте. В указанных выше работах В. Н. Телия идиомы выделяются в особый тип косвенной номинации – несколькословные номинации с идиоматическим значением. Они чётко отграничиваются от фразеологических сочетаний, в составе которых реализуется связанное значение слова, но подробно не рассматриваются. Намечены некоторые особенности идиом, отличающие их от других типов косвенной номинации.

Располагая сочетания с несвободным значением одного из компонентов между свободными словосочетаниями и идиомами, В. Н. Телия тем самым постулирует мысль об отличии слов со связанным значением от слов – компонентов идиом. При этом первым она не отказывает в словном статусе, признавая их словами с особым типом лексического значения: «собственно смысловая специфика связанного значения проявляется в его синсемантической, т. е. способности указывать на мир только при совместной реализации с семантически ключевым словом» [Телия 1981а: 61]. Лексические компоненты идиом рассматриваются как особый вид косвенной номинации: они соотносятся с действительностью не автономно, а совместно с другими словами в составе идиомы. Номинативная функция, следовательно, присуща не компонентам идиомы, а идиоме как целостной единице [Телия 1977а: 152–154]. Определяя значение компонентов идиом как «предел» полисемии, В. Н. Телия отмечает, что у *большинства* (курсив наш – А. Э.) таких значений нет связи с системой значений многозначного слова [Там же: 153].

Как видно из вышесказанного, различие связанных значений слов в составе фразеологических сочетаний и идиом только намечено. Так ли резко отличаются эти два разряда слов (и, следовательно, их лексические значения) друг для друга? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к лексико-фразеологической концепции акад. В. В. Виноградова, в которой предложена комплексная типология лексических значений слова и фразеологических единиц.

В системе значений, выражаемых словом, В. В. Виноградовым выделяются прежде всего значения «прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание» [Виноградов 1953: 12]. Остальные значения по отношению к основному номинативному значению являются производными. Выделены экспрессивно-синонимические значения слов, значительная часть которых лишена прямого, свободного номинативного значения. Такие значения направлены на действительность не непосредственно, а через доминанту синонимического ряда, в состав которого они входят (*облечь* ‘одеть’). Свободным значениям противопоставлены различные типы несвободных, связанных значений, реализующихся у слов в условиях каких-либо ограничений: фразеологически связанные – у слов с ограниченной лексической сочетаемостью (*безвыходное положение*); функционально-синтаксически ограниченные – у слов, выполняющих в предложении строго определённую синтаксическую функцию, чаще всего – сказуемого, реже – обращения (*нетух* – ‘забияка’ в применении к человеку); конструктивно-обусловленные, актуализирующиеся в определённых синтаксических конструкциях (*плакаться на что-либо* – ‘жаловаться’). Последние три типа значений, как указывал В. В. Виноградов, могут совмещаться.

Как следует из вышесказанного, В. В. Виноградов считал, что разные типы лексических значений лежат в основе различных процессов фразеологического образования, и, следовательно, предложенные им типологии лексических и фразеологических единиц взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Что же происходит со словами в составе фразеологических единиц разного типа: фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний? Какие типы лексических значений в них реализуются?

В составе фразеологических сращений слова теряют, по мнению В. В. Виноградова, свои словные качества и превращаются, с точки зрения современного языка, в аморфные лексические части, находящиеся с однозвучными словами языка в омонимических отношениях. Во фразеологических же единствах слова сохраняют свой потенциальный смысл, значение целого здесь является производением, «вытекающим из слияния значений лексических компонентов» [Виноградов 1946: 59]. «Фразеологические единства как бы поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла» [Там же: 62]. К фразеологическим единствам В. В. Виноградов относит также и так называемые крылатые выражения, литературные цитаты, составные термины, пословицы, поговорки и др., в составе которых слова не теряют своих словных признаков. Что же касается фразеологических сочетаний, то их словные компоненты довольно тесно связаны друг с другом, но, несмотря на это, они воспринимаются носителями языка как самостоятельные слова, имеющие отдельные значения. Как известно, один из словных компонентов в составе фразеологического сочетания имеет так называемое фразеологически связанное значение: его лексико-семантическая самостоятельность ограничена вследствие того, что слово актуализирует свое значение лишь в сочетании с узким кругом слов. Но даже и такое слово в составе фразеологического сочетания, по мнению В. В. Виноградова, не теряет своей семантической раздельности [Там же: 66].

Традиционно принято считать, что только в составе фразеологических сочетаний реализуется фразеологически связанное значение слова. Но прямых указаний на это в цитируемых работах акад. В. В. Виноградова не имеется. Связанные значения – это значения, ограниченные строго определёнными синтактико-фразеологическими условиями реализации, замкнутые в пределы узкого контекста [Там же: 63]. Далее автор отмечает, что фразеологически связанное значение трудно определимо, так как его концептуальное, логическое ядро не выступает так выпукло, как у слов со свободным значением. Оно «не так резко выражено, не так однородно и не так сомкнуто, не так сконцентрировано, как значение свободное» [Там же: 66].

Как видно из приведённых определений, фразеологически связанное значение противопоставляется только свободному значению, определяется на его фоне. И это не случайно, так как слово – компо-

нент фразеологического единства по своей семантической природе практически не отличается от слова с фразеологически связанным значением в составе фразеологических сочетаний (ср.: *замкнутый круг – круг друзей*): оно тоже замкнуто в пределы узкого контекста, оно также трудно определимо, так как признаки его семантической раздельности выражены слабо.

Сходство между этими типами лексических значений (реализующихся в составе фразеологических сочетаний и фразеологических единств) особенно убедительно проявляется в случаях, когда одно и то же слово является компонентом и фразеологических сочетаний и фразеологических единств. Ср.: *крошечный ад* 1) ‘мучительно тяжелая жизнь, невыносимые взаимоотношения между кем-либо’, 2) ‘невыносимый шум, суматоха, хаос’ и *крошечная тьма* – ‘очень густая темнота’. Как видно из примеров, слово *крошечный* (*крошечная*), являясь квалификатором высокой степени проявления какого-либо качества или состояния, реализует в обеих единицах одно и то же значение.

Актуализация фразеологически связанного значения (или оттенка значения) словных компонентов фразеологизмов разного типа – идиом и фразеологических сочетаний – очень часто затрудняет дифференциацию таких единиц в практике преподавания русской фразеологии в вузе и составления фразеологических словарей разного типа. Показательны в этом плане фразеологические гнезда (парадигмы) с компонентами *держать, держаться, давать, брать (взять), войти* и др. В ФСРЯ фразеологическая парадигма слова *держать*, например, насчитывает 30 единиц, слова *держаться* – 7 единиц. Сопоставление словарных дефиниций указанных выше слов (в СРЯ) и фразеологизмов, включающих в свой состав данные слова (в ФСРЯ), обнаружило, что в составе фразеологизмов реализуются, как правило, производные значения слов или их оттенки (которые, как известно, подаются в толковых словарях после знака //). Например, в составе фразеологизмов *держать в почтительном отдалении, держать на почтительном расстоянии* ‘не допускать с кем-либо близких, коротких отношений’, *держать в черном теле* ‘строго обращаться с кем-либо, притеснять кого-либо’, *держать под своим крылышком* ‘опекать, оберегать, покровительственно относиться к кому-либо’ актуализировано 4-е значение слова *держать* – ‘заставлять находиться в каком-либо состоянии, положении’ или оттенок

этого значения – ‘обращаться с кем-либо, относиться к кому-либо тем или иным способом’. Оттенок 5-го значения лексемы *держаться* ‘вести себя, поступать каким-либо образом’ реализован в содержании фразеологизмов *держаться себя* ‘поступать каким-либо образом, придерживаться какой-либо линии поведения’, *держаться себя в узде* ‘сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле’, *держаться себя на вожжах* ‘уметь управлять собой’, *держаться себя в рамках приличия* ‘соблюдать нормы, правила поведения’ и др.

Во многих из перечисленных выше случаев можно было бы поспорить с составителями ФСРЯ относительно статуса лексем *держаться*, *брат*, *давать* и др.: компонент фразеологизма или слово-сопроводитель, без которого значение фразеологизма не актуализируется? См. оборот *держаться в ежовых рукавицах*, из которого вычленена инвариантная форма идиомы *в ежовых рукавицах*, а слово *держаться* квалифицировано в качестве обязательного окружения – подано полужирным курсивом [ФСРЯ: 396].

Вышесказанное даёт нам достаточное основание полагать, что фразеологически связанное значение реализуется не только в составе фразеологических сочетаний, но и во фразеологических единствах.

Вернёмся ещё раз к фразеологическим сращениям. Устойчивые сочетания слов, относимые к данному разряду, как известно, неоднородны: в составе одних имеются архаизмы – лексические и/или грамматические (*ничтоже сумняшеся*, *у черта на куличках*, *притча во языцах*), другие состоят из слов, понятных и свободно употребляемых в современном языке (*как пить дать*, *показать Москву кому-либо*, *собаку съест в чем-либо*). И в тех, и в других случаях семантическая неделимость фразеологических сращений связана с полным забвением их внутренней формы (забвением мотивирующего признака, ситуаций, в которых была порождена фразеологическая единица, выпадением «промежуточного звена» в системе многозначного слова в составе устойчивого комплекса и др.) Однако не прекращающиеся – от А. А. Потебни и до наших дней – попытки этимологизации идиом (см. многочисленные этимологические этюды в словарях В. М. Мокиенко, а также в справочнике [Шанский, Зимин, Филиппов 1987]) свидетельствуют о том, что семантический механизм образования фразеологических сращений и фразеологических единств один и тот же – переносное употребление свободных

словосочетаний – прототипов фразеологических единиц. Учтём при этом неоднократные свидетельства самого акад. В. В. Виноградова о зыбкости, неопределённости границ между всеми тремя типами фразеологических единиц, о наличии многообразных переходных, промежуточных случаев. См. квалификацию оборота *быть на какой-нибудь ноге – дружеской, короткой, приятельской, равной* и др. [Виноградов 1946: 59].

Думается, что высказанные выше соображения позволяют нам утверждать, что слова в составе идиом (фразеологических единств и фразеологических срощений) тоже обладают связанными значениями. В отличие от фразеологически связанного значения, реализующегося в составе фразеологических сочетаний, связанные значения такого типа могут актуализироваться не только в условиях ограниченной лексической сочетаемости, но и в жестко заданных синтаксических конструкциях, выполняющих определённую синтаксическую функцию (преимущественно – предикативную). Такой тип связанного значения с большим основанием может быть назван синсемантическим, в то время как за связанным значением слова, реализующимся в составе фразеологических сочетаний, можно было бы сохранить термин, предложенный акад. В. В. Виноградовым, – фразеологически связанное значение.

Связанный характер значения слов в составе фразеологических сочетаний не даёт исследователям основания отрицать их словный характер – они квалифицируются в качестве слов с особым типом лексического значения. Что же касается слов-компонентов идиом, то по отношению к ним, как известно, имеются диаметрально противоположные мнения: 1) компоненты идиом лишены основных признаков слова; 2) такие слова сохраняют свой словный статус. Первая точка зрения наиболее категорично выражена в работах [Молотков 1967, 1977; Жуков 1975, 1978], вторая представлена в работах [Шмелёв 1977; Попов 1970; Чепасова 1974, 1983; Федоров 1980; Копыленко, Попова 1972, 1978 и др.].

Компонент фразеологизма, по мнению А. И. Молоткова, это десемантизированное слово: оно утратило лексическое значение и различные грамматические категории (падежа, числа и др.), которые были присущи его генетическому источнику – слову в свободном употреблении. Лексическая десемантизация компонента иллюстрируется тем, что значение фразеологизма не поддается семантическо-

му членению по составляющим. Грамматическая десемантизация обнаруживается в том, что все компоненты фразеологизма утратили формы изменения слова, так как ни парадигматические формы фразеологизма (формы словоизменения грамматически стержневого компонента глагольных фразеологизмов, служащие для выражения лишь связей и отношений фразеологизма в целом со словами предложения), ни формальные варианты фразеологизма (ср. *испокон века – веку, веков*) не выражают лексико-грамматических особенностей слов в составе фразеологических единиц [Молотков 1977: 23–26].

Сравнивая компоненты фразеологической единицы со словом и морфемой, выявляя семантические свойства компонентов, определяя смысловой центр фразеологизма, В. П. Жуков пытается последовательно провести свой взгляд на компонент фразеологизма как деактуализированное в семантическом отношении слово. Такое определение компонента фразеологической единицы, однако, не всегда убедительно аргументировано, а в отдельных случаях находится в противоречии с теоретическими установками автора. Так, утверждая, что компонент фразеологизма – деактуализированное слово, лишённое отдельного лексического, словообразовательного и грамматического значений, утратившее свойственную ему в свободном употреблении предметную (денотативную) соотнесенность, автор в то же время допускает, что «отдельные компоненты обнаруживают семантическое тяготение, смысловую соотнесенность (но не тождество!) с однозвучными словами свободного употребления» [Жуков 1978: 14–15], что «компоненты многих фразеологизмов часто не полностью утрачивают связь с одинаково звучащим словом свободного употребления» [Там же: 81].

Признавая неоднородность, неоднотипность семантической структуры фразеологических единиц разных разрядов, В. П. Жуков намечает своеобразную типологию фразеологических единиц, отражающую градацию семантической самостоятельности компонентов фразеологизма. Аргументы в пользу выделения смыслового центра фразеологической единицы явно противоречат идее семантической деактуализации слова в составе фразеологической единицы [Там же: 91]. Косвенным доказательством словного характера компонента фразеологизма выступает также положение о тесной связи категориального значения фразеологизма (как составной части фразеологи-

ческого значения) с характером грамматического значения опорного слова фразеологизма. В частности, отсутствие во фразеологическом составе русского языка единиц, соотносительных с именами числительными и местоимениями, объясняется отсутствием в составе фразеологизмов в качестве опорных слов числительных и местоимений.

В теории фразеологии последних лет всё большей популярностью пользуется мысль о словном характере компонентов фразеологической единицы, и тонкий семантический анализ, проведённый В. П. Жуковым, на наш взгляд, является косвенной аргументацией этого положения.

Типология компонентов фразеологических единиц с точки зрения степени их семантической (лексической) самостоятельности предложена Ю. А. Гвоздарёвым [1977: 38–147, 154–160]. В чём-то можно не соглашаться с Ю. А. Гвоздарёвым (он стоит на позициях широкого понимания объёма фразеологии), но в целом он достаточно убедительно показал, что в составе фразеологических единиц даже идиоматического характера (*мокрое дело, не показывать носа, белая кость* и др.) компоненты фразеологизмов могут реализовать свои лексические значения или же оттенки значений, продуцируемые их ассоциативно-смысловым ореолом.

Предложенная А. М. Мелерович методика семантического анализа фразеологических единиц, учитывающая основные проявления изоморфизма между значением и формой фразеологических единиц, позволяет выявить те элементы фразеологического значения, которые могут быть соотнесены с отдельными лексическими значениями компонентов или сочетаниями компонентов. При этом обнаруживается, что отдельные элементы фразеологического значения, например, так называемые непосредственно эксплицированные, «выражаются отдельными словами-компонентами ФЕ и соотносятся или совпадают в основном с определёнными системными значениями данных слов» [Мелерович 1979: 44; 1982: 21]. Так, в идиомах *добывать хлеб, отбивать хлеб* компонент *хлеб* реализует свое системное значение ‘средства к существованию’.

Думается, словный характер компонентов идиом наиболее ярко иллюстрируют такие устойчивые словесные комплексы, в составе которых не отдельные, а все компоненты актуализируют присущие им словарные значения или их оттенки. Особенно репрезентатив-

ны в этом плане идиомы *заваривать кашу*, *каша заварилась*, *расхлебывать кашу*. Приведём толкования значений компонентов этих идиом, взятые нами из четырёхтомного словаря русского языка: *каша* – 3. перен. Разг. Беспорядочное смешение чего-л., путаница [СРЯ 2: 42]; *заварить* – 3. перен. Прост. затеять, начать что-л. сложное, требующее хлопот, деятельности и т. п. [СРЯ 1: 499]; *завариться* – 3. перен. Разг. затеяться, начаться (о чем-л. сложном, хлопотливом) [СРЯ 1: 449]; *расхлебать* – 2. перен. Разг. распутать, поправить, уладить что-л. запутанное, неприятное [СРЯ, 3: 679].

Сочетаемость этих слов не ограничивается лишь указанными выше фразеологическими контекстами, она шире, что нашло отражение в тех же словарных статьях: *живая каша*, *заварить свадьбу*, *заварить бойню*, *заварилась кутерьма*, *заварилось дело*, *расхлебывать беду* и др. Лексическая самостоятельность этих слов в составе идиом может быть подчеркнута говорящим с помощью прономинального детерминатива, который обычно находится в препозиции к слову *каша* (или его свободному субституту): *А монтажникам приходится эту кашу расхлёбывать* (ЛГ, 25 дек. 1985). *Но бывает же, один так взбудоражит коллектив, такую склоку заварит, что никто уже о деле и не думает* (Изв., 15 янв. 1986).

Убедительными представляются также аргументы Д. Н. Шмелёва в пользу словного статуса компонентов фразеологической единицы, который считает, что сознательная установка говорящего на трансформации фразеологизмов в речи, их синонимические субституции объясняются именно тем, что компоненты фразеологизма осознаются говорящим в качестве слов, которые он может заменять другими, близкими в семантическом и тематическом отношениях или же противопоставляемыми в данном словосочетании словами [Шмелёв 1977: 303].

На богатом фактическом материале варьирования в классе русских идиом Е. И. Диброва [1979; 1980] убедительно показала, что даже в синхронном состоянии языка в составе фразеологизмов-идиом компоненты сохраняют свою лексическую самостоятельность. Не соглашаясь с традиционно принятым во фразеологии мнением о невыводимости значения фразеологической единицы из суммы значений её компонентов, Е. И. Диброва считает необходимым обратиться к диахроническому, ретроспективному анализу идиом. Результаты такого анализа убеждают, что «компонентная соотнесённость или

несоотнесённость со значением ФЕ генетически отражают разную степень участия «первоначального» значения в конечном результате. Значение компонентов (слов в их современном лексикографическом толковании) по-разному «проглядывает» сквозь значение единицы» [Диброва 1979: 50]. Среди причин, «затемняющих» семантическую самостоятельность слов в составе идиом, Е. И. Диброва указывает на то, что толкование значений идиом, их семантизация на современном этапе развития языка может производиться разными учеными по-разному. И здесь можно вспомнить полемику А. М. Бабкина с А. И. Молотковым, которого, как редактора «Фразеологического словаря русского языка», А. М. Бабкин упрекал в излишней «этимологизации» толкований [Бабкин 1979]. Если сравним толкования значений фразеологических единиц в ФСРЯ и их эквиваленты, предложенные А. М. Бабкиным, то увидим, что сквозь «этимологизированные» толкования проступают исходные значения слов-компонентов, в то время как более абстрактные толкования перечеркивают соотнесенность семантических определений со значениями слов-компонентов идиом. Ср.: *на редкость* – ‘такой, что редко встречается’ / ‘превосходный, великолепный’; *не говоря худого слова* – ‘не вступая в пререкания, излишние разговоры’ / ‘сразу, тотчас’; *ни с того ни с сего* – ‘неизвестно почему, без каких-либо явных оснований, видимых причин’ / ‘внезапно, неожиданно’ и др.

Оригинальная теория денотативно-коннотативного анализа семем (содержательной стороны лексико-семантического варианта слова), разработанная М. М. Копыленко и З. Д. Поповой [1972, 1978], также исходит из тезиса о словном характере компонентов фразеосочетаний. Предложенная ими типология семем (денотативные – Д1, Д2 и коннотативные – К1, К2, К3) учитывает особенности их соотнесения с предметами реальной действительности. Денотативные семемы являются единственными знаками денотатов (основные номинативные и производно-номинативные значения, по классификации В. В. Виноградова); коннотативные (К1 и К2) семемы являются производными значениями, соотнесенными с денотатом, уже обозначенным в языке с помощью другой лексемы. К3 выражаются лексемой, которая утратила денотативную семему. Коннотативным семемам М. М. Копыленко и З. Д. Поповой в классификации В. В. Виноградова соответствуют разные типы переносных и несвободных значений [Копыленко, Попова 1978: 43–44]. В составе фразеосочетаний, в

том числе и идиоматического характера – К1К1, К1К2, К1К3, К2К2, указанные семемы реализуют свое виртуальное значение.

Проведённый нами всесторонний семантический анализ предложно-именных фразеологических единиц современного русского языка [Эмирова 1969] позволил прийти к выводу о том, что не только знаменательные, но и служебные слова (прежде всего предлоги) в составе фразеологических единиц даже идиоматического характера не полностью утрачивают своей семантической самостоятельности. Более того, некоторые предлоги принимают достаточно активное участие в формировании фразеологического значения.

Предлоги русского языка характеризуются, как известно, различной степенью лексической и семантической самостоятельности: на одном полюсе – предложные наречия, на другом – формализованные («пустые») первообразные предлоги. Среди односложных предлогов, однако, имеются такие, которые, обнаруживая большую самостоятельность, не присоединяются к глаголам в качестве приставки, например *для*, *к*, а также такие, в которых конкретные пространственно-временные значения всё ещё ощущаются как живые, несмотря на то, что им свойствен комплекс производных значений. К последней группе относятся предлоги *под*, *перед*, *до*, *над*, *при* и др. Особое положение среди таких предлогов занимает предлог *без*, в котором очень явно проявляется значение отрицания, отсутствия предмета или признака [Виноградов 1972: 533]. Входя в состав фразеологических единиц, такие предлоги не теряют своей смысловой самостоятельности и содействуют формированию общего фразеологического значения.

Так, предлоги *для*, *ради* с родительным, выражающие финальные, целевые отношения, обуславливают значение фразеологических единиц *для отвода глаз*, *для (ради) красного словца*, *(не) для (ради) прекрасных глаз* и др. Отчётливо осознается целевое значение предлога *про* в составе фразеологических единиц *про чёрный день*, *про запас*. Значение предлога *без*, служащего для выражения отношений абляции, мотивирует значение фразеологизмов *без глазу*, *без души*, *без оглядки*, *без памяти*, *без зазрения совести* и др. Пространственно-временные значения с оттенком степени, предела, выражаемые предлогом *до* с родительным, сохраняются также во фразеологических единицах *до точки*, *до петухов*, *до белого каления*, *до гробовой доски*, *до седьмого пота* и др. См. также [Беляева

1985]. Своё основное значение отрицания, совмещённое со значением усиления, категорического отрицания, актуализирует в составе идиом и частица *ни*: *ни души, ни рыба ни мясо, ни два ни полтора* и др.

Диапазон семантической автономности слов в составе фразеологизмов-идиом довольно широк: на одном полюсе – системное значение, отражённое в словаре в виде лексико-семантического варианта (семемы) или оттенка значения, на другом – одна из сем – архисема, дифференциальная или потенциальная – в составе семемы, выражаемой этим же словом в свободном, нефразеологическом контексте, или же полная аннигиляция одной из семем. Между этими полюсами наблюдаются многообразные переходные случаи.

В идиоме *за деревьями не видеть леса*, например, глагольный компонент реализует оттенок номинативно-производного значения, отражённого в словаре: 3. Сознать, понимать, чувствовать // Находить, обнаруживать [СРЯ 1: 173]. Именные же компоненты *деревья* и *лес* в данной семантической оппозиции актуализируют архисемы – соответственно ‘часть’ (гипонимическая сема) и ‘целое’ (гиперонимическая сема). Глагол *повернуть* в составе фразеологической единицы *повернуть оглобли* актуализирует оттенок своего словарного значения: 2. // перен. Дать иное направление чему-либо [СРЯ 3: 157]. Именной же компонент *оглобли* подвергся семантической аннигиляции. В составе идиомы *как в воду кануть* глагол сохраняет свое словарное значение: 3. перен. Пропасть, исчезнуть, скрыться [СРЯ 2: 27]. Компоненты *в воду* также реализуют здесь свои виртуальные свободные значения, так как вводятся во фразеологический контекст с помощью сравнительного союза *как*.

По затронутому вопросу о словном характере компонентов идиом очень убедительный материал представлен и в словарях-справочниках НС3–71, НС3–84, а также в серии справочников «Новое в русской лексике» [СМ–77, СМ–78, СМ–79, СМ–80, СМ–81, СМ–82]. Обращают на себя внимание возросшие фразообразовательные потенции отдельных слов, формирующих целые фразеологические серии: *белый* – *белая жатва* ‘уборка хлопка’ [СМ–78: 34], *белое золото* ‘бивни слонов’ [СМ–78: 34], *белый панцирь* ‘скопление льдов’ [СМ–78: 35], *белый тигр* ‘снежная лавина’ [СМ–78: 35], *белая смерть* ‘наркотики’ [СМ–77: 28], *белый дьявол* ‘наркотики’ [СМ–78: 35] и др.; *чёрный* – *чёрное золото* ‘нефть’ [СМ–81: 248], *чёрное пятно* ‘место-

рождение нефти' [СМ-79: 295], *чёрная книга* 'в экологии – фиксация загрязнения окружающей среды' [СМ-79: 295]; *зелёный – зелёная революция* 'значительное повышение урожайности в связи с интенсификацией сельского хозяйства' [СМ-79: 93], *зелёная аптека* 'дикорастущие лекарственные растения' [СМ-80: 78] и др.

Такие активные во фразеобразовательном отношении слова реализуют в составе фразеологических единиц, как правило, присущие им словарные (зафиксированные в толковых словарях) значения или оттенки значения. Так, основное значение слова *белый* 'светлый, приближающийся к цвету снега, молока, мела' актуализируется во фразеологических новообразованиях *белое золото* 'бивни слонов' [СМ-78: 34], *белые акулы* 'служители здравоохранения в капиталистических странах' [СМ-77: 28], *белые балахоны* 'куклусклановцы' [СМ-82: 27], *белые воротнички* 'лица наёмного труда, занимающиеся умственной работой' [СЗ-84: 140] и др.

Оттенок этого же значения – 'светлокожий' – реализован во фразеологических единицах *белое семейство* 'правящие круги ЮАР, представляющие интересы белого меньшинства страны' [СМ-81: 31], *белые банды* 'расисты' [СМ-81: 31] и др. В составе новых фразеологических единиц наблюдается актуализация и потенциальных сем слова *белый*, восходящих к его основному значению. Так, в содержании фразеологизмов *белый тигр* 'снежная лавина' [СМ-78: 35], *белая смерть* 'снежная лавина' [СМ-78: 34] можно обнаружить потенциальную сему 'имеющий отношение к снегу', а в значении единицы *белый панцирь* 'скопление льдов' – 'имеющий отношение ко льду' [СМ-78: 35].

Аналогичным образом можно реконструировать внутреннюю форму новых фразеологизмов с компонентом *чёрный*. Так, в значении единиц *чёрные береты* 'специальные войска США, предназначенные для проведения диверсионных операций в других странах и называемые так за их форму' [СМ – 80: 256], *чёрный дракон* 'сель, грязевой поток' [СМ-81: 248] актуализировано основное значение лексемы *чёрный* – 'цвета сажи, угля'. Потенциальная сема 'имеющий отношение к нефти, нефтяной', восходящая к основному значению, реализована в значении фразеологизма *чёрное золото* 'нефть' [СМ-81: 248]. Ср. также: *чёрная волна* 'волна, загрязнённая нефтью' [СМ-78: 244], *чёрный прибой* 'шторм, приносящий воду, загрязнённую нефтью' [СМ-78: 245], *чёрный прилив* 'нефтяное пятно на море, образующееся в результате аварии судов' [СМ-78: 245] и др.

Подводя итоги сказанному о компонентах идиом как словах, обладающих особым – синсемантическим – типом лексического значения, можно высказать предположение, что общее значение идиом должно принципиально отличаться от других типов языковых значений – лексического и грамматического.

2.2. К вопросу о фразеологическом значении

В русском языкознании традиционно выделяются два типа языковых значений – лексическое и грамматическое. Лексическое значение – это индивидуальное значение слова, которое определяется его соотносённостью с понятием, являющимся ядром лексического значения, а также парадигматическими связями данного слова с другими словами в лексической системе языка [Шмелёв 1977: 58]. Известно, что существуют различные подходы к определению значения слова – содержательный, реляционный, собственно лингвистический и др. [Там же: 54–58]. Не вдаваясь в существо разногласий по этому вопросу, мы считаем, однако, необходимым отметить, что придерживаемся содержательного (отражательного) определения значения слова: значение слова – особая языковая форма отражения объективной действительности. Под грамматическим значением понимаются наиболее абстрактные облигаторно выражаемые значения, свойственные целым классам, разрядам слов, словесных форм и словесных конструкций.

В языкознании неоднократно отмечались трудности дифференциации лексического и грамматического значений [Стеблин-Каменский 1974: 3–19; Алпатов 1977]. В некоторых семантических теориях и концепциях, получивших известность в последние десятилетия, различие лексических и грамматических значений нивелируется и может вообще сниматься самой методикой анализа. Так, в теории компонентного анализа постулируется возможность перехода отдельных элементов лексического значения (сем) в ранг грамматических: архисема, отражающая признаки, свойственные целым классам объектов, на определённой ступени анализа может совпасть с грамматическим значением. Например, лексемы *ехать* и *говорить* обладают архисемой ‘действовать’ [Гак 1977а: 14]. Ср. также: «<...> анализ по семам в грамматике осложняется лексическим влиянием, так что иногда не удаётся провести грань между семами чисто грамматическими и лексическими. Сопоставляя те и другие, мы наблюда-

даем часто их совпадение. Оно происходит как бы в одностороннем порядке, т. е. нет такой грамматической семы, которая не имела бы эквивалентной лексической семы, но не наоборот» [Шендельс 1962: 78]. И наконец, высказывается категоричное мнение о необходимости отказаться от корреляции лексическое значение / грамматическое значение, как неадекватной явлениям языковой семантики [Мигирин 1982].

Взаимодействие лексических и грамматических значений наиболее отчётливо обнаруживается при частеречной транспозиции языковых единиц. В научной литературе имеет хождение точка зрения, согласно которой лексические значения некоторой группы производных, различаясь от производящих общекатегориальным значением, тождественны последним по своей семантике (так называемые синтаксические дериваты) [Земская 1973: 185]. Это в основном слова с отвлечённой семантикой признакового типа: отглагольные существительные со значением отвлечённого действия (*раздумывание, перелёт, ходьба*), отадективные существительные со значением отвлечённого признака (*весёлость, доброта, синева*), отсубстантивные прилагательные, обозначающие неконкретизированное в производном общее отношение к тому, что названо производящей основой (*вкусовой, автомобильный, лесной*). Согласно данной теории прилагательные *автомобильный, лесной* имеют те же лексические значения, что и существительные *автомобиль, лес*, но в отличие от последних они выражают их в виде значения признака – ‘относящийся к автомобилю’, ‘относящийся к лесу’ [Там же: 185].

В литературе вопроса существует и противоположное мнение, подвергающее сомнению данное утверждение: слова с разными категориальными значениями, например, предмета (*автомобиль, лес*) и признака (*автомобильный, лесной*), не могут иметь тождественные лексические значения. В этих случаях правомерно говорить лишь о тождественности производящих основ [Золотова 1982: 50–51].

Лексическое значение, по нашему мнению, не может существовать вне связи с грамматическим значением, которое по отношению к нему выступает в качестве специфической формы. Лексическое значение всегда «отливается» в форме категориально-семантического значения, свойственного основным частям речи – глаголу, именам существительному, прилагательному и наречию. Только будучи «упаковано» в общекатегориальное (частеречное) значение, лекси-

ческое значение может выполнять свою основную функцию – отражать онтологические категории внеязыковой действительности – субстанции (в форме имени существительного) и признака (в форме глагола, абстрактного существительного, прилагательного и наречия). Следовательно, при частеречной транспозиции изменяется не только категориально-грамматическое, но и лексическое значение языковой единицы. Например, в случае опредмечивания глагола (*переливать – переливание*) отглагольное имя теряет способность глагола отражать действие в динамике относительно пространственных и временных координат. Лексическое и грамматическое значения в слове сопутствуют друг другу и реализуются симультанно и совместно: лексическое значение всегда проявляется в «упаковке» грамматического значения (но не наоборот) [Жуков 1978: 30–31].

Помимо лексического и грамматического значений, в отечественном языкознании последних лет выдвинуты и разработаны, в качестве языковых значений особого типа, понятия словообразовательного [Улуханов 1977; Кубрякова 1977б, 1980а, 1980б, 1981], стилистического [Винокур 1980; Долинин 1978], фонетического [Журавлев 1974] и др. значений. (Разные подходы к определению словообразовательного значения в современной лингвистике даны в [Ширшов 1979]). Подробно охарактеризованы также более частные типы традиционно выделяемых языковых значений: связанное значение слова как особый тип лексического значения [Телия 1976, 1977а, 1980а, 1981б], идентифицирующие и предикатные значения как функциональные типы лексического значения [Арутюнова 1976, 1977б, 1978а, 1978б, 1980] и др.

Содержание фразеологических единиц до последнего времени не обозначалось специальным термином, вводящим его в ряд системных значений: лексическое значение, грамматическое значение, словообразовательное значение и др. Внутренняя сторона фразеологических единиц обозначалась преимущественно описательно: содержание фразеологизма, семантика фразеологизма, значение фразеологической единицы и др. [Межжерина 1974]. И даже если в научных штудиях встречалось терминологическое сочетание *фразеологическое значение*, то оно обычно понималось как ‘значение фразеологических единиц’, безотносительно к их типологии и значениям языковых единиц других уровней языковой системы [Молотков 1977: 19–61, 104–125]. Естественно, что такое широкое понимание

термина *фразеологическое значение* не акцентирует внимания на специфике значения фразеологизмов в отличие от других типов языковых значений. Если при этом учтём, сколь неоднородны, разнотипны (в плане и содержания, и формы) сами единицы, относимые к категории фразеологических, то такое некорректное употребление термина станет ещё более неинформативным, не отражающим адекватно самого языкового явления.

Думается, что такое положение в какой-то степени определяется и тем, что после бурных дискуссий по проблемам уровневой организации языковой системы, проходивших в начале 70-х годов, когда высказывались полярно противоположные мнения относительно уровня статуса фразеологии, отстоялось мнение, принимаемое сегодня большинством исследователей, согласно которому фразеология, не образуя отдельного уровня языковой системы, представляет собою, тем не менее, относительно самостоятельную подсистему в пределах лексико-семантического уровня [Эмирова 1971].

В немногочисленных работах последних лет словосочетание *фразеологическое значение* встречается уже в терминологическом употреблении при попытках выявить специфику фразеологического значения в ряду языковых значений другого типа. Здесь прежде всего следует назвать работы В. П. Жукова [1978], А. М. Мелерович [1979, 1982] и др.

В монографии В. П. Жукова сделана попытка последовательно разграничения фразеологического и лексического значений и тем самым – обоснования особого статуса фразеологического значения в ряду языковых значений другого типа (прежде всего – лексического). Исходной установкой при этом является мнение о том, что входящие в состав фразеологизма слова «деактуализируются в семантическом отношении, утрачивая при этом предметную (денотативную) направленность, былую способность расчленяться на дифференциальные семантические признаки» [Жуков 1978: 7].

Фразеологическое значение определяется как обобщенно-целостное значение, присущее фразеологической единице; основные признаки его устанавливаются описательно, путем сопоставления различных аспектов фразеологического и лексического значений: а) у апплицируемых (налагаемых) фразеологизмов с целостным значением типа *брать быка за рога* все знаменательные компоненты принципиально равноправны, в то время как морфемы в структу-

ре слова отличаются бóльшей специализацией (смыслообразующая функция всегда принадлежит корневой морфеме); б) значение большинства фразеологизмов не обусловлено значениями его отдельных компонентов и значениями слов, входящих в переменное словосочетание, в то время как любое производное слово мотивировано значением мотивирующего; в) фразеологическое значение образуется в результате слияния понятийного содержания с категориальным значением, а лексическое формируется путем слияния понятийного содержания со словообразовательным и категориальным значениями; г) внутренняя форма фразеологизма не является компонентом его значения, в то время как в содержание лексических единиц может входить мотивирующий признак, и как следствие из этого – этимологическое значение в слове слито с актуальным, а во фразеологизме они отделены друг от друга и др. [Там же: 14–25].

Таким образом, в рецензируемой работе фактически отсутствует целостная дефиниция фразеологического значения, она «собирается» постепенно из отдельных «блоков». Такой «сборно-блочный» метод в описании фразеологического значения, по-видимому, может быть оправдан в связи с особой сложностью, многоплановостью, многогранностью феномена фразеологического значения.

В работах А. М. Мелерович также декларируется мысль о том, что фразеологическое значение – это «языковое значение особого типа, закрепившееся за устойчивым сочетанием слов, в той или степени абстрагированное от семантики языковых элементов, образующих форму его выражения, и в результате этого не распределяющееся непосредственно и полностью между входящими в состав оборота словами» [1979: 14]. Своёобразие фразеологического значения, по мнению А. М. Мелерович, проявляется в таких аспектах, как внутренняя форма фразеологизмов, языковая мотивированность фразеологического значения и фразеологическая абстракция. Подробная характеристика названных аспектов «подкрепляет» приведённое выше определение фразеологического значения.

В содержании фразеологической единицы А. М. Мелерович выделяет два основных типа семантических элементов: 1) элементы фразеологического значения: денотативно-сигнификативное (предметно-логическое) содержание и коннотация; 2) семантические элементы формального характера: категориально-грамматическое значение фразеологической единицы, грамматические признаки словоформ и

синтаксических конструкций, внутренняя форма, языковая мотивировка фразеологического значения. На следующих этапах анализа выделяются основные компоненты семантической структуры фразеологической единицы, которые должны, по мнению автора, более полно раскрыть специфику фразеологического значения: пропозитивная номинация и предикативность, фразеологическая коннотация (эмоциональный, оценочный, экспрессивный и функционально-стилистический компоненты), внутренняя форма и др.

Концепция фразеологического значения, предложенная А. М. Мелерович, представляется в целом корректной и адекватной сущности изучаемой содержательной категории. Сомнение вызывает лишь правомочность её приложения к тому гетерогенному языковому материалу, который привлекается к научному анализу, – к фразеологии в широком смысле.

Наличие у устойчивых сочетаний слов специфического фразеологического значения, состоящего «из образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типа, через которое называется денотат и даётся его коннотативная характеристика в сигнификате», признаёт и А. И. Федоров [1980: 15]. При этом он полемизирует с А. И. Молотковым, утверждающим, что фразеологическим единицам присуще лексическое значение [Молотков 1977: 19–61, 104–125].

Фразеологические единицы, по мнению А. И. Молоткова, это особые единицы языка, обладающие свойственным только им набором категориальных признаков, одним из которых является лексическое значение. Целостное лексическое значение фразеологизма так же, как и значение слова, не связано со значением составляющих его компонентов, не членится по составляющим. Сходство лексических значений слова и фразеологизма проявляются в том, что они могут находиться в синонимических отношениях (ср.: *сматывать удочки* – *сматываться*), что лексическое значение – постоянный, неотъемлемый признак и слова и фразеологической единицы.

Термин *лексическое значение* применительно к фразеологизму представляется А. И. Молоткову «наиболее точным для обозначения его номинативного значения (равно как и слова), ибо лексическое значение как таковое может быть противопоставлено грамматическому значению фразеологизма. Попытка же раскрыть номинативное значение фразеологизма через обозначение его «фразеологиче-

ским значением» нелепа сама по себе, ибо это последнее как раз и нуждается в разъяснении» [Там же: 22].

В литературе вопроса встречается и крайнее мнение – отказаться от термина *фразеологическое значение* ввиду его противоречивого и нечёткого толкования [Гинзбург 1974]. М. М. Копыленко и З. Д. Попова считают, что введение в научный обиход термина *фразеологическое значение* сопровождается терминологической неувязкой, могущей вывести фразеологическое значение не только за пределы теории фразеологии, но вообще за пределы науки о языке. Между фразеологическим и лексическим значениями, по их мнению, нет глубокого онтологического различия. Явственное различие обнаруживается лишь в плаке выражения таких значений: фразеологическое значение выражается сочетанием лексем, а лексическое – одной лексемой [Копыленко, Попова 1978: 27].

Мнение авторов носит декларативный характер: оно было заявлено в синоптическом разделе их книги, характеризующем современное (1974–1977 гг.) состояние фразеологии [Там же: 5–42], но тем не менее ими намечены перспективные в этом плане направления исследования лексического и фразеологического значений – анализ их семного состава и понятийной природы.

Наш краткий обзор различных точек зрения по вопросу о специфике содержательной стороны фразеологических единиц следовало бы заключить определением, отражающим наше понимание существа вопроса. Однако мы воздерживаемся здесь от дефиниций и ограничиваемся лишь декларацией о специфике содержания идиом, позволяющей определить это содержание термином *фразеологическое значение*, вводящим его в ряд: *лексическое значение* / *фразеологическое значение* / *грамматическое значение* и др. Дело в том, что в языкознании, как и в других сферах познания, имеются такие категории, которые, будучи сущностными для данной сферы и, следовательно, взаимосвязанными с другими её онтологическими категориями, не могут быть дефинированы априори и тем самым чётко отграничены от смежных или иноуровневых категорий. К таким категориям в лингвистике относятся категории знака, значения и др. Адекватное определение такие категории получают не дедуктивным путем, а индуктивно: будучи приняты в качестве аксиом, по ходу научного анализа они наполняются адекватным содержанием и в конечном счете получают логическую определённость и дефиницию.

Такой способ введения и определения теоретических понятий и тем самым такой путь развития теории является вполне закономерным [Степанов 1974: 12–13; Лосев 1982: 33–34].

Таким образом, понятие фразеологического (идиоматического) значения в настоящей работе, наполняясь в процессе научного описания объекта изучения адекватным содержанием и уточняясь, получит свое обобщённое, законченное определение апостериори.

2.3. Структура фразеологического значения

Введение в научный обиход термина *фразеологическое значение*, на наш взгляд, может стимулировать исследования в плане выявления специфики значения фразеологических единиц определённого структурно-семантического типа (в нашем случае – идиом). В любом случае пристальное изучение значений фразеологических единиц, понимаемых в качестве языковых семантических функций, является не только самоценным, но может иметь выход в сферу фундаментальных понятийных категорий, отражающих в сознании человека отношения между феноменами объективной действительности. (О понятийных категориях и реализующих их семантических функциях, выступающих как значения морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических и др. языковых средств, см. [Бондарко 1978: 72–94]).

Категориальная специфика фразеологического (идиоматического) значения может быть выявлена лишь при обращении к коммуникативному аспекту содержания фразеологических единиц, формирующегося под влиянием их роли в сообщении. Как мы уже говорили, процессы коммуникации (передача знаний, сообщение информации etc.) осуществляются на базе номинации (вычленение в актах классификационной деятельности человека каких-либо предметов, явлений действительности и их название с помощью языковых средств) и одновременно с ней. Поэтому коммуникативный подход к анализу семантики есть по существу номинативно-коммуникативный, отражающий знания говорящего об объективной действительности и его интенции в их обращенности к собеседнику.

Номинативно-коммуникативная характеристика фразеологических единиц предполагает их исследование в семиологическом и собственно лингвистическом аспектах, которые находятся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости. В практике научного анализа

эти аспекты не удаётся чётко развести, отграничить друг от друга, но тем не менее можно наметить круг вопросов, относящихся преимущественно к тому или иному аспекту исследования. Семиологический аспект анализа охватывает следующий круг вопросов: языковые функции фразеологизмов; их содержательная структура в плане соотношения концептуального ядра и коннотации; объект фразеологической номинации (что именуется с помощью фразеологических единиц – элементы или события, ситуации реальной действительности); репертуар участков действительности, покрываемых идиомами; логико-психологические процессы, лежащие в основе формирования значения идиом и их воспроизводства в актах речетворчества, и др. Собственно лингвистический подход к фразеологической семантике связан с выявлением специфики фразеологического значения как особого типа языкового значения; определением типа фразеологической номинации – как фразеологические единицы соотносятся с обозначаемой действительностью – автономно (прямая номинация) или через посредство другого наименования (косвенная номинация); выявлением типовых категориально-грамматических (частеречных) значений в классе идиом и типологии фразеологических предикатов и др.

Мнение о фразеологических единицах как излишествах, украшениях, без которых язык якобы вполне может выполнять своё основное номинативно-коммуникативное предназначение, не выдержало, как известно, испытания временем и сегодня никем не разделяется. Наоборот, исследования последних лет укрепили мысль об особой роли фразеологических единиц в номинативно-коммуникативной деятельности человека, об их облигаторности, универсальности как специфических коммуникативно-прагматических средств, об особом характере их семантики, отражающей «невидимые миры» – эмоциональные и ментальные состояния и оценки человека.

Структура фразеологического значения во многом обусловлена языковыми-речевыми функциями, выполняемыми фразеологическими единицами в процессах квалификативно-познавательной и коммуникативной деятельности человека,

2.3.1. Языковые функции фразеологических единиц

В данном подразделе работы мы обращаемся к типологии языковых функций, предложенной в работе [Пазухин 1979]. Конститутивная функция – это функция, определяющая природу языка.

Сущность языка – в его способности быть средством общения, следовательно, конститутивная функция языка есть функция коммуникативная. Субфункции – это функции отдельных составных элементов языка. Эпифункции – функции, характеризующие употребление языка в конкретной ситуации. Эпифункции трактуются иногда как функции речи. Ср. [Уфимцева 1974: 39 и след.].

Фразеологические единицы (идиомы), как и слова, выполняют фактически весь репертуар языковых функций: конститутивную (функцию сообщения), субфункции – обозначения (номинативную), обобщения (сигнификативную), символическую и др., а также эпифункции – прагматические функции экспрессивного выражения, эмоционального воздействия, фатическую, эстетическую и др. Коммуникативная функция фразеологических единиц определяется их ролью в качестве и в составе предикативных единиц в речи: в системе языка основная масса идиом представляет собой пропозитивные свёртки с признаковым значением (так называемое первичное – семиотическое – означивание), легко развёртывающиеся в речи в пропозитивное ядро высказывания, определяющее его актантную конфигурацию (вторичное – семантическое – означивание) [Бенвенист 1974: 87–88].

Соотносясь с элементами внеязыковой действительности и обозначая свойства, качества, действия, состояния предметов и их отношения (номинативная функция), фразеологические единицы тем самым обобщают результаты познавательной деятельности человека (сигнификативная функция), что позволяет им выполнять и так называемую кумулятивную функцию – функцию фиксации и накопления в своем содержании общественно значимого опыта, информации о постигнутой действительности [Верещагин, Костомаров 1982: 92]. Ср. «В развитом языке <...> слово не только выделяет признак и не только обобщает вещь, относя её к определенной категории, оно производит автоматическую и незаметную для человека работу по анализу предмета, передавая ему опыт поколений, который сложился в отношении этого предмета в истории общества» [Лурия 1979: 44].

Под символической функцией языковых единиц традиционно понимается их знаковая функция, т. е. способность языковых единиц быть представителем, репрезентантом предметов (как любых объектов познания) объективной действительности. Применитель-

но к идиомам символическая функция может пониматься и более узко – как их способность именовать различные ритуальные, символические действия, совершавшиеся или совершаемые с помощью символических предметов, жестов, поз, служащих знаком какого-либо понятия, какой-либо идеи. Такая символическая функция присуща довольно значительному в количественном отношении разряду преимущественно глагольных фразеологических единиц. Например, символическое значение слова *меч* (символ войны) сформировало символическое значение серии фразеологических единиц: *поднять меч на к.-н., опустить меч, перековать мечи на орала* и др.; символическое значение слова *лавр* (символ славы) легло в основу символического значения фразеологических единиц *увенчать лаврами к.-н., мечтать о лаврах, почитать на лаврах* и др. См. также значения идиом *устилать путь розами, закрывать двери перед к.-н., показывать на дверь к.-н., ударить по рукам к.-н., падать на колени перед к.-н., посыпать голову пеплом* и др. См. [Попова 1979].

Как видно из примеров, символическое значение фразеологических единиц связано с их внутренней формой; современные же регулярные значения единиц этого разряда, оторвавшись от этимологического значения, приобрели более абстрактный и широкий характер. Например: *Добровольность решения бригады у меня почему-то вызывает сомнение, хотя допускаю, что все подняли руки* (Изв., 15 янв. 1986). Это особенно заметно в тех случаях, когда внутренняя форма идиом обозначает такие ритуальные и символические действия, которые исчезли из современной жизни: *курить фимиам к.-л.* ‘льстиво перевозносить, восхвалять к.-л.’, *посыпать голову пеплом* ‘предаваться глубокой скорби’, *рвать на себе волосы* ‘приходить в отчаяние, сильно досадовать, горевать’, *бросать перчатку к.-л.* ‘вступать в борьбу, вызывать на борьбу’ и др. См. также [Ройзензон, Абрамец 1969; Гвоздарев 1975, 1977: 160–166]. Такие фразеологические единицы могут быть квалифицированы в качестве своеобразных иконических знаков, т. е. образных знаков, воспроизводящих предметы или явления в их конкретности или граничащих с художественными образами. См. [Лосев 1982: 86–88].

И наконец, можно предложить толкование символической функции фразеологических единиц как их способности быть индикатором элементов подсознательного. Образное значение фразеологизмов, формирующееся на основе различных типов переноса (метафоры,

метонимии и др.), являясь средством выражения субъективности, индивидуальности в речи, одновременно репрезентирует глубинные структуры психики говорящего. Символика подсознательного находит свое отражение в совокупной образной системе, актуализируемой в концептуальном содержании используемых в речи фразеологических единиц. Такая трактовка символической функции фразеологизма подводит нас к вопросу о роли языка в психоанализе [Бенвенист 1974: 115–126]. Этот аспект исследования фразеологического символизма может привести к интересным, на наш взгляд, наблюдениям и находкам, значимым для различных сфер человековедения: общего языкознания (проблема взаимосвязи языка и сознания-мышления), психолингвистики, социолингвистики, теории художественной речи (проблема *образа автора* в его различных ипостасях – повествователя, комментатора, персонажа [Винокур 1984]), общей психологии, психологии творчества, учения о высшей нервной деятельности, психопатологии и др.

Прагматические функции фразеологических единиц связаны с облигаторным прагматическим компонентом в их содержании: идиомы не только обозначают и называют предметы объективной действительности и понятия о них, но одновременно являются специальным языковым средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его. К прагматическим функциям можно отнести и такую эпифункцию, как императивная – функция воздействия говорящего на слушающего. (Ср. понятие перлокутивного акта в теории речевых актов – воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата и проявляется в изменении его психо-физиологического состояния или поведения.) Императивная функция, понимаемая нами как функция воздействия на слушающего через разум, тесно связана с функцией эмоционального воздействия и, следовательно, также присуща идиомам.

Фатическая – контактоустанавливающая – функция, приводящая в соприкосновение не практические интересы, а внутренние миры людей, может реализоваться у фразеологических единиц, например, в условиях начальных аккордов общения знакомых, малознакомых или незнакомых людей, иногда с установкой говорящего на игровой момент – проведения своего рода социально-лингвистического мини-эксперимента. Употреблённые говорящим в качестве своеобраз-

ного теста фразеологизмы вызывают определённую реакцию слушающего (нулевая реакция – также значима), характеризующую его в социально-личностном аспекте (уровень образования, степень эрудиции, склонности и интересы и т. п.) и тем самым информирующую говорящего о степени его «близости» к слушающему, об иерархии их социальных рангов. Такой (не всегда осознанный) речевой эксперимент может иметь следствием установление взаимопонимания между коммуникантами и стимулировать их контакты или, наоборот, может сигнализировать о необходимости прекращения дальнейших контактов.

Фатическая функция свойственна различным разрядам фразеологии в разной степени. Наиболее ярко она проявляется у фразеологических единиц, маркированных в стилистическом отношении, – книжной и просторечной фразеологии.

Простейшие случаи реализации фатической функции – это использование в речи устойчивых формул речевого этикета (идиоматического характера). В зависимости от речевых условий – контакт со знакомым или незнакомым человеком – в современном русском языке используются различные формулы речевого этикета: *Кого я вижу! Где ты пропал? Какими судьбами! Сколько лет, сколько зим!* и др. – обращения к знакомому, с которым у говорящего дружеские, непринужденные отношения. *Будьте добры; будьте любезны; скажите, пожалуйста; не будете ли вы так любезны (сказать)* и др. – обращение к незнакомому с целью привлечения их внимания [Формановская 1982, 1984; Акишина, Формановская 1983].

Значение таких речевых клише на первый взгляд представляется аддитивной суммой значений составляющих их слов. В действительности же комплексное фразеологическое значение их является более широким и абстрактным по сравнению со значением их свободных субстратов. Использование в речи таких клише регламентируется так называемыми прагматическими правилами – условиями актуализации, зависящими от социального статуса коммуникантов, их социальных отношений, от ситуации общения и типа коммуникативного акта [Моррис 1983: 67–68]. Воскликая: *Кого я вижу!* – говорящий не имеет в виду сообщить кому-либо, кого именно он увидел. Спрашивая при встрече: *Где ты пропал?*, – говорящий не интересуется местом «пропадания» собеседника, тем более что последний, как правило, никуда не пропал, а просто давно не встречался

говорящему. Прагматическое значение этих речевых формул иное: ‘Я рад тебя видеть, мы находимся в дружеских непринуждённых отношениях, давно не виделись, давай поговорим, обменяемся новостями’ и т. п.

Идиоматичность значения этикетных речевых формул часто обусловлена ситуативно-контекстуальным эллипсисом: *Сколько лет, сколько зим (я тебя не видел)! Какими судьбами (ты здесь оказался)! и др.*

Эстетическая (гедонистическая) функция, тесно связанная с функцией экспрессивного выражения, понимается нами как использование фразеологических единиц с целью возбудить у участников коммуникативного акта чувство удовольствия, эстетического наслаждения, вызванного образностью фразеологических единиц, обладающих живой или обновлённой (с помощью различных приёмов структурно-семантической трансформации) внутренней формой, способной генерировать вокруг фразеологизмов образно-ассоциативные поля. Использование фразеологических единиц в эстетической функции отражает эмоциональное состояние и творческие потенции говорящего, гибкость и остроту его ума, которые проявляются в речевом мастерстве. Эти качества говорящего лежат в основе его селекционной и комбинаторной речевой деятельности: они детерминируют отбор говорящим из номинативно-экспрессивного инвентаря языка именно этой, а не другой единицы, определяют необычные сцепления единиц, их преобразования и т. п. Языковая игра – преобразование, разложение формы языковых единиц, метафорическое использование первичных номинаций (окационализмов), узуальных фразеологических единиц – не есть только показатель особенностей характера человека, но является одной из форм реализации эстетических и творческих потенций говорящего [Земская и др. 1963: 173–174]. «В уме нечутком не место шуткам» (Вильям Шекспир).

Думается, убедительной иллюстрацией к сказанному являются юмористические миниатюры популярного эстрадного артиста Вадима Тонкова (Вероника Маврикиевна), названные им «Интервью с животным миром», в которых «препарирована» внешняя и внутренняя формы фразеологизмов *сосать лапу, медведь на ухо наступил, белая ворона*:

– *Как вы считаете, – спросили Медведя, – что главное в вашей жизни?*

– Главное, – отвечал Медведь – иметь лапу.
– А как вы относитесь к музыке? – снова спросили его.
– Позвольте я вам **на ухо** скажу, – вкрадчиво попросил косолапый.

Вороне задали вопрос:

– Каковы ваши намерения по отношению к **Белой Вороне**?
– **Очернить** её, – коротко ответила Ворона [ЛГ, 28 авг. 1985].

В связи с вышесказанным представляет большой интерес художественное свидетельство известного советского писателя С. П. Залыгина, творчество которого отличается глубоким психологизмом: «Вообще Строчковский, общаясь с людьми, как будто только и делает, что испытывает их на сообразительность, на остроумие. <...> А вот головоломки на юмор и другие качества ума он ей задавал, потом поглядывал: как-то она отреагирует, поймёт – не поймёт? Она понимала, ей было даже интересно, она знала, что у неё в это время краснеют щёки и вся она становится тоже интереснее» [Залыгин 1974: 95–96].

Эстетическая функция фразеологических единиц наиболее ярко проявляется в художественной речи. Художественная речь является, как известно, феноменальной творческой лабораторией, в которой под рукой художника слова языковые единицы «преобразуются и преобразуются, получая дополнительные характеристики, обнаруживают «приращение смысла», расширение связей и взаимодействий, выступая в художественной речи как качественно новые единицы, реализуя свои *эстетические* (курсив наш. – А. Э.) потенции выразительности» [Поэт и слово 1973: 60]. Эстетическая функция фразеологизмов-идиом проявляется, в частности, в эффекте фразеологической «иррадиации» – способности фразеологических единиц генерировать в художественном тексте систему ассоциативных образов, которые выражаются с помощью различных изобразительно-выразительных средств – тропов и стилистических фигур (авторских сравнений, метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, литоты, аллегории, олицетворения и др.) Взаимодействуя с ними, «поддерживая» их, фразеологизмы способствуют созданию объёмного художественно-эстетического эффекта.

В качестве примера такого образно насыщенного художественного текста, сформировавшегося под воздействием ассоциативно-смыслового поля фразеологической единицы *пить (испить) чаю*,

можно привести стихотворение М. Ю. Лермонтова «Чаша жизни»: *Мы пьём из чаши бытия / С закрытыми очами, / Златые омочив края / Своими же слезами. / <...> Тогда мы видим, что пуста / Была златая чаша, / Что в ней напиток был – мечта / И что она – не наша!* Как видно из текста, фразеологическая единица *пить (испить) чашу* генерирует цепь образов-ассоциаций: *чаша бытия, златая чаша, пустая чаша, напиток в чаше* и др.

Эффект фразеологической иррадиации проявляется в условиях развёрнутой метафоры: сквозной образ, выраженный с помощью узуальной или окказиональной фразеологической единицы, получает в тексте (художественном и публицистическом) дальнейшее развёртывание, что находит свое выражение в использовании образных лексико-фразеологических средств, образующих открытую систему.

Пример развёрнутой метафоры из публицистического текста, генерированной фразеологической единицей *карающая десница* и реализованной в рамках одного высказывания: *Размахнувшись из всех сил, карающая десница опускается на головы виновных, настолько ослабев, что сил этих хватает лишь для того, чтобы **погрозить им пальцем*** [Изв., 25 янв.1966].

Образ, отражённый во фразеологической единице, может выполнять архитектурную функцию, скрепляя художественно-эстетический каркас целого произведения. Таким сквозным образом-метафорой, развёртывающимся в художественном пространстве всей повести В. Токаревой «Длинный день» [Токарева 1986], является авторская фразеологическая единица *танк, усыпанный розами*, портетирующая внешний и социально-психологический облик главной героини повести – Вероники: *«Внешне Вероника нежная женщина, похожая на «Весну» Боттичелли, с тем же самым беззащитным полуизумлённым взглядом <...>. Если пойти от первого впечатления ко второму и углубиться в третье, то перед вами **танк, усыпанный розами**. Кажется, что это клумба, а если подойти поближе, то под хрупкой зеленью и розовостью проступает железная броня. Что очень важно, Вероника использовала свои гусеницы только в общественных интересах, в интересах человечества, чтобы заставить его социально мыслить. **Ни по чьим телам эти гусеницы не шли** [Там же: 79]. За этими прозрачными глазами он услышал **лязг гусениц** и понял, что легче вложить средства и время, чем связываться с этой журналисткой и её газетой [Там же: 82]. От Веро-*

никиной **танковости** ничего не осталось. Она сама находилась **под гусеницей** [Там же: 86]. Когда зав заглянул в комнату, он ничего не понял. Вместо сломленной в плаче Вероники сидел **маленький портативный танк**, отделанный натуральным шёлком и прибалтийским янтарём. **Моторы** его были **разогреты**, **жерло** направлено на цель [Там же: 93]. Сорок минут потребовалось на обретение образа. Вероника остановилась на смешанном типе: взгляд Весны, прямая спина королевы и, если понадобятся, **интонации гусеницы** [Там же: 94]. Она была уже **не танк, а боевая ракета с запрограммированным управлением**. И свернуть её с курса могла только другая такая же **ракета** [Там же: 99].

«Развёртывание» метафоры как творческий приём актуализации фразеологических единиц является ёмким смысловым и ярким образительно-выразительным средством, генерирующим у коммуникантов – и у говорящего, и у слушающего – сильное эстетическое чувство.

Все перечисленные языковые функции выполняются фразеологическими единицами не изолированно, не в «чистом» виде, а, как правило, в комплексе, синкретично, в различных комбинациях друг с другом. При этом в речевых актах, различных по коммуникативным интенциям говорящего, на первый план могут выступать те или иные функции фразеологизмов.

Особенно тесно переплетены друг с другом прагматические функции фразеологизмов, как специфических единиц, обслуживающих прагматику языка. Функция экспрессивного выражения имеет следствием функцию воздействия на слушающего, но одновременно – и на самого говорящего. Именно в акте коммуникации осуществляется саморегуляция речевого поведения говорящего, корректируется определённым образом структура его дискурса в целях достижения необходимого прагматического эффекта. Функция эмоционального воздействия, будучи обращена и на самого говорящего, способна изменить его психическое состояние и, в конечном счёте, сформировать у него определённую установку. (Установка в психологии – «психическое состояние, определяющее реальное и потенциальное поведение личности» [Надирашвили 1974: 10].) Это положение подтверждается известными фактами речевого самогипноза говорящего – его способностью генерировать в себе определённое психическое состояние. Наиболее благоприятными условиями реа-

лизации такой способности говорящего являются интраперсональные речевые акты аффективного характера (речевая деятельность одного индивида, обращающегося к самому себе, отсутствующему оппоненту, богу, року, судьбе и т. п.) и практика сценического искусства, в том числе и художественное чтение. Сказанное подтверждается свидетельствами учёных, интроспекциями ораторов, актёров и зрителей о поведении ораторов и актёров, вошедших в образ всерьёз, а не имитирующих перевоплощение с помощью профессиональных приёмов. По свидетельству римского оратора и теоретика ораторского искусства Квинтилиана (I в. н. э.), ему доводилось видеть актёров, которые настолько глубоко вживались в роль несчастных, скорбящих людей, что и по возвращении домой продолжали стелать и плакать. Сам Квинтилиан тоже неоднократно имитировал сильное чувство с целью максимально воздействовать на своего собеседника, которое вызывало соответствующую физиологическую реакцию его организма: слезы, бледность и т. п. [Монтень Мишель 1960: 72].

Выше мы говорили о языковых функциях, свойственных фразеологическим единицам как особым языковым знакам. При этом мы исходили из того, что перечисленные функции, особенно прагматические, выполняются фразеологическими единицами не «в одиночку», а при поддержке других элементов высказывания, во взаимодействии с ними. Фразеологизмы как предикатные единицы, являясь пропозитивными свёртками высказывания, формируют не только его грамматическую структуру, но и определяют лексико-семантическое наполнение актантных (преимущественно субъектных и объектных) позиций. Способность фразеологических единиц определять структуру высказывания в языкознании последних лет характеризуется как их фразообразующие (текстообразующие) потенции. (См. работы И. И. Чернышёвой, Ю. Ю. Авалиани, А. В. Кунина и др.) Эта функция фразеологических единиц, являющаяся одновременно и базой для реализации перечисленных выше языковых функций, может быть названа «строевой». Так, глагольные идиомы, актуализируясь в речи, могут заполнять левую актантную позицию субъекта со значением липа, формируя двусоставные предложения: *Ослепительная секретарша, по сравнению с которой звезды Голливуда мелко плавают, занята <...>* [ЛГ, 13 нояб.1985]. *Второй слушай – когда сам человек из кожи вон лезет не за своё дело взяться <...>* [ЛГ, 13 нояб.1985].

Глагольные фразеологические единицы, помимо обязательной для них субъектной валентности, могут обладать и одноместной или, реже, двухместной объектной валентностью, формируя при актуализации как двусоставные, так и односоставные предложения разного типа: *Знаете, в детстве время у большинства из нас течёт сквозь пальцы, его как бы не жаль* [ЛГ, 27 ноября 1985]. *В способности ко лжи и кощунству на пятки ЦРУ наступает полиция американского города Филадельфия* [ЛГ, 25 дек.1985]. *Приезжайте к нам в Людиново и хватайте нас за руку* [ЛГ, 25 дек.1985]. *Да разве мы не знаем, как ярлык склочника вешают на принципиального, болеющего за дело человека* [Изв., 15 янв.1986] и др.

Свойственные им языковые функции фразеологические единицы выполняют в качестве целостного языкового знака. Знаковое значение фразеологизмов, однако, мотивировано значением свободного словосочетания – прототипа фразеологизма; значение же свободного словосочетания, как известно, формируется на основе значений составляющих его слов по законам семантической синтагматики. В связи с этим словные компоненты фразеологических единиц можно рассматривать в качестве частичных знаков, знаковые функции которых проявляется в «стёртой форме». Свою номинативную функцию компоненты фразеологических единиц выполняют не самостоятельно, но в составе целостной единицы, в качестве её элементов с синтагматически закреплённым – синсемантическим – лексическим значением, что, однако, не снимает задачи содержательного определения и описания их соотношения с внеязыковой действительностью.

2.3.2. Знаковое значение фразеологических единиц

Выполняя коммуникативную, номинативную, сигнификативную и прагматическую функции, фразеологизмы, как и другие полнозначные языковые единицы, не только обозначают (имеют закреплённое за ними виртуальное значение), но и означают (являются знаками внеязыковых сущностей). Знаковое значение фразеологизма, его семиологическая ценность проявляется в нескольких планах: он обобщает результаты познавательной деятельности, даёт познанию наименование, сообщает о нём и выражает отношение, чувства и оценки говорящего в их проекции на слушающего.

В содержании фразеологизма как языкового знака следует различать следующие ингредиенты: содержание, свойственное данному

фразеологизму; категориально-семантическое содержание, присущее семантическим категориям слов и фразеологизмов (например, значения лица и предмета у субстантивных единиц, действия, состояния, процесса – у глагольных единиц и др.), и грамматическое, свойственное самым крупным классам языковых единиц (частеречное значение) [Уфимцева 1970: 135, 1980: 64].

Основу знакового значения фразеологической единицы составляют денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты; при этом оно осложнено частеречным значением и содержанием семантических разрядов в пределах частеречного значения.

В литературе вопроса отмечаются различные, не всегда соотносимые друг с другом толкования понятий *денотат*, *сигнификат*, *референт*. Денотат понимается, например, как внеязыковая реалья, обозначаемая с помощью языкового знака в речевых актах, и тогда он отождествляется с референтом – конкретным единичным предметом, с которым соотносится данный языковой знак (так называемая частная предметная отнесённость). Денотат толкуется и как понятие о классе однородных предметов (так называемая общая предметная отнесённость), и в таком случае понятия денотат и сигнификат совпадают. Так, И. А. Стернин определяет денотат как выделяемую мыслью совокупность реальных признаков предмета в их отвлечении от реальных предметов, отражаемую в понятии [Стернин 1979].

Под денотатом мы будем понимать класс объектов, выделенных на основе каких-либо признаков и соотносимых с языковым знаком; под сигнификатом – понятие об этом классе предметов; под референтом – объект, соотносимый с языковым знаком в его конкретном речевом употреблении. Эти понятия приложимы прежде всего к несингулярным нарицательным именам.

Можно допустить, что структура фразеологического значения во многом изоморфна структуре лексического значения. Различия касаются прежде всего типа когнитивного содержания, детерминированного характером, типом предметов (в широком смысле) реальной действительности, а также соотношением содержательных компонентов, их значимости в структуре фразеологического значения. Ядро фразеологического значения образует некоторое когнитивное, логико-предметное (сигнификативно-денотативное) содержание. В системе языка, вне реализации в речи, на первый план выступает сигнификативный компонент фразеологического значения, который

представляет собой абстрактное общее понятие о признаках, присущих целым классам предметов, – свойствах, качествах, состояниях предметов, действиях, ими совершаемых, отношениях между предметами и т. п. («Абстрактное общее понятие в логике – понятие, отображающее общий признак многих предметов, явлений, взятый отдельно от предметов, явлений» [Кондаков 1971: 11]).

Сигнификат идиом, как правило, не элементарен, не «аморфен», он состоит из минимального числа смысловых компонентов – сем. (В содержании понятия семам соответствуют признаки понятия, причём семы, составляющие сигнификат фразеологического значения, отражают преимущественно существенные или собственные признаки предметов [Кондаков 1971: 485, 507]). Семы могут быть разделены на дифференциальные и интегральные. Дифференциальные признаки сигнификата фразеологической единицы служат для её противопоставления с другими фразеологическими единицами (или словами) в составе ограниченной семантической группы (поля) и в количественном отношении ограничены пределами данной группы. Совокупность дифференциальных признаков образует структурированную часть сигнификата, которую обычно называют десигнатом [Степанов 1977: 295–296]. Кроме дифференциальных признаков, в сигнификате могут быть выделены также интегральные семантические признаки, которые не входят в оппозиции с признаками других языковых единиц, а представляют «индивидуальное» в сигнификате данной единицы. Число таких недифференциальных признаков в принципе не ограничено в связи с неограниченностью самого процесса познания (ограничения могут быть продиктованы только практическими соображениями описания). Учитывая специфику сигнификата фразеологизма (выражение абстрактного общего понятия), можно предположить, что он состоит преимущественно из дифференциальных признаков, по крайней мере, число интегральных признаков в нём должно быть сведено к минимуму. Адекватное описание десигната должно осуществляться в дефинициях толковых словарей; интегральные же признаки обычно не включаются в семантическое определение, они могут быть интерпретированы в качестве потенциальных семантических множителей [Гак 1977: 14] или свободного импликационала [Никитин 1933: 24–26] и входят в пресуппозицию фразеологического значения.

Например, в содержании фразеологической единицы *впиваться глазами в кого-что* можно выделить десигнат, состоящий из диф-

ференциальных признаков ‘смотреть’ и ‘пристально’. Кроме этих сем, в сигнификате данной единицы обнаруживаются – в конкретном речевом употреблении – потенциальные семы ‘с надеждой’, ‘с жадностью’, ‘нескромно’ и др. Ср. предложения: 1) *Все, затаивши дух, **впились** в даль **глазами** в ожидании берега.* 2) *Шурка передавал матери бумажки и **впивался глазами** в полки, заставленные ящиками с пряниками и орехами.* 3) *Желая смутить её и поставить в неловкое положение, он **впился** в неё **глазами**.* В (1) актуализирована потенциальная сема ‘с надеждой’, в (2) – ‘с жадностью’, в (3) – ‘нескромно’.

В процессе актуализации (употребления в речевых актах) концептуальное ядро фразеологического значения предстает в качестве денотативного значения. Денотатами фразеологических единиц могут быть действия, состояния предметов, их свойства, признаки, отношения, признаки действия, признаки состояния предметов, а также различные психические процессы и состояния (эмоциональные и интеллектуальные). В связи со спецификой фразеологических денотатов (признаки в широком смысле), которые, особенно отношения, не всегда могут восприниматься чувственно [Уемов 1963: 47], у исследователей иногда создается неверное впечатление о преобладании сигнификативного компонента над денотативным в концептуальном ядре фразеологического значения и даже об отсутствии последнего. В действительности же во фразеологическом значении наличествуют и сигнификативный, и денотативный компоненты.

Сигнификативное значение фразеологизмов реализуется обычно в высказываниях дефинитивного характера или в предложениях с общебытийным содержанием. Например: **Мотать на ус** – *это значит принимать к сведению, хорошо запоминать что-либо. Старших надо слушать и **мотать** их советы **на ус**. Сплошь и рядом в походах случается вымокнуть **до последней нитки**.* Референциальное значение фразеологических единиц обнаруживает себя в высказываниях, отражающих какую-либо конкретную ситуацию. В таких фразах имеются специальные актуализаторы, индексалы со значением места и/или времени, которые «привязывают» фразеологизмы к конкретной речевой ситуации: *Вот я слушаю тебя **сейчас** и **всё мотаю на ус**, В трёх верстах от станции стало накрапывать, и **через минуту** проливной дождь вымочил меня **до нитки**. **Под Грязным** дождь стал хлестать вовсю, в село приехали промокшими **до***

нитки. У Елены ни кровинки в лице не осталось, как только она услышала походку Инсарова. (В последнем примере индексалом является всё придаточное предложение).

Употребление терминов *сигнификат*, *денотат*, *референт* применительно к характеристике фразеологического значения представляет особые трудности, которые обусловлены во многом и логико-семантическими механизмами его формирования (см. 4.1).

Понятийно-предметное ядро фразеологического значения обуславливает системную ценность, значимость фразеологических единиц, которая представляет собой своеобразную транспозицию их системного значения на ось отбора (парадигматика) и ось комбинирования (синтагматика). Семантические множители, образующие в своей совокупности десигнат, определяют вхождение фразеологических единиц в разнообразные оппозиции в пределах определённых семантических групп и обуславливают их валентность, реализующуюся в конкретной актантажной рамке. При этом следует отметить, что сочетаемостные потенции фразеологизмов связаны с десигнатом не непосредственно, а опосредованно – через грамматическое (частеречное) значение и содержание семантических категорий и субкатегорий [Эмирова 1971].

Частеречное значение фразеологических единиц, являющееся «упаковочным материалом» денотативно-сигнификативного содержания, определяет характер их функционирования в высказывании (их синтаксическую роль, которая сводится преимущественно к роли сказуемого – глагольного или именного, реже – обстоятельства и определения), а также «поверхностную» структуру предложения (двусоставное / односоставное, личное / безличное и др.). Лексико-семантическое наполнение актантажных позиций фразеологического предиката зависит от семантической категории и субкатегории, воплощённых во фразеологической единице. Например, фразеологизм *карачун пришел* выполняет функцию сказуемого в составе безличного предложения, субъект которого, выражаемый на «поверхностном» уровне формами дательного падежа единственного или множественного числа, прогнозируется в категориях одушевленности и лица. Фразеологизм *каши просят (просят)* актуализируется в двусоставном предложении в роли именного сказуемого, субъектом при котором, в позиции слева, выступают имена с конкретным предметным значением – наименования обуви.

По характеру своих сочетаемостных потенций фразеологические единицы во многом изоморфны типам лексических значений слов, выявленным и описанным акад. В. В. Виноградовым [1952], хотя полной аналогии между ними провести невозможно.

Глагольные фразеологические единицы характеризуются относительно свободным в функционально-синтаксическом отношении типом значения: они выполняют свойственную им синтаксическую функцию сказуемого. Ограничения при их актуализации носят преимущественно конструктивный характер: грамматические формы субъекта и объекта при них задаются координацией и управлением, что эксплицируется даже в вокабулах (заголовках словарных статей) фразеологического словаря с помощью относительных местоимений: *затоптать в грязь кого, поджилки затряслись у кого, затыкать глотку кому, дух захватывает у кого* и др. Примеры: *Вы можете затоптать меня в грязь* (Л. Толстой). *Храбрится, а у самого поджилки трясутся* (Мельников-Печерский). *И он, казалось ему, всё рос выше, у него занимало дух* (И. Гончаров) и др.

Фразеологические единицы остальных семантико-грамматических разрядов – субстантивные, адъективные и наречные – могут актуализироваться в условиях двойных ограничений – в функционально-синтаксическом и конструктивном отношениях. Исходной синтаксической функцией для них является функция именного сказуемого, вторичными – обращения (для субстантивных единиц) и несогласованного определения (для субстантивных и адъективных). Наречные фразеологизмы по характеру выполняемой ими синтаксической функции делятся на следующие группы: 1) выполняющие функцию именного сказуемого, 2) выполняющие функции различных обстоятельств, преимущественно – образа действия, меры и степени, 3) совмещающие обе синтаксические функции. (Подробная грамматическая характеристика идиом дана в главе 3.) При этом часты и конструктивные ограничения, особенно при актуализации фразеологических единиц адъективного, наречного характера. Примеры: *Стреляный воробей этот бывший полицейский!* (А. Сабуров). *И вы думали обмануть меня, старого воробья!* (И. Гончаров). *Появился Гришка Челкаш, старый травленный волк* (М. Горький). *И если у тебя котелок варит, всегда можно проскочить* (А. Толстой). *Ассигнованные нам суммы – капля в море* (А. Толстой). *Денег у вас куры не клюют* (А. Чехов). Такого типа значения могут быть названы предикативно-характеризующими.

Таким образом, системная значимость фразеологических единиц, проявляющаяся на осях парадигматики и синтагматики, всецело обусловлена их логико-предметным содержанием, «упакованным» в соответствующие грамматические и категориально-семантические значения. Формальным средством выражения частеречного значения фразеологических единиц является прежде всего их синтаксическая структура: значение предметности выражается обычно с помощью субстантивных словосочетаний, значения действия и состояния – с помощью глагольных словосочетаний и т. п. Ср.: *стреляный воробей*, *шишка на розном месте*, *козел отпущения*, *ударить по рукам*, *вешаться на шею* и др.

В тех же случаях, когда категориально-грамматическое значение фразеологизма не «накладывается» на аналогичное значение его прототипа – свободного словосочетания (*под мухой* ‘пьяный, в состоянии опьянения’, *семи пядей во лбу* ‘очень умный, мудрый, выдающийся’, *под занавес* ‘скоро’, *кот заплакал* ‘очень мало’, *в костюме Адама* ‘нагишом, без всякой одежды’, *хоть топор вешай* ‘невыносимо душно’ и т. п.), частеречное значение фразеологических единиц определяется путем их семантизации, т. е. определения частеречного значения свободного словосочетания, являющегося словарным толкованием значения, и выявления типичной для них синтаксической функции в предложении. Последнее осуществляется в условиях простейшего речевого эксперимента: формируется коммуникативно минимальное высказывание путем заполнения обязательной актантажной рамки фразеологизма.

Значения семантических категорий обуславливаются частеречными значениями, «отягощёнными» лексическими значениями словных компонентов свободных словосочетаний-прототипов (прежде всего – их грамматически доминирующего компонента) в аспекте потенций их семантического (переносного) развития, а также с учётом их ассоциативно-смысловых полей. Так, субстантивные компоненты сочетаний: *вольный казак* ‘свободный, ни от кого не зависящий человек’; *казанский (казанская) сирота* ‘человек, прикидывающийся несчастным, обиженным, беспомощным, чтобы разжалобить кого-либо’; *кисейная барышня* ‘изнеженный, не приспособленный к жизни человек’; *маменькин сынок* ‘избалованный, изнеженный мальчик или молодой человек’; *соломенная вдова* ‘женщина, временно оставшаяся без мужа или не живущая с ним’ и др. – импли-

цируют семантический сдвиг в направлении расширения значения словосочетания с сохранением той же категориально-семантической принадлежности – лицо → лицо: *казак* – человек, *сирота* – человек, *барышня* – человек, *сын* – молодой человек, *вдова* – женщина и др.

Словам с конкретным предметным значением в составе идиом может быть свойственна семантическая деривация типа предмет → лицо: *тёртый калач* ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’; *дубина стоеросовая* ‘очень глупый человек’; *пятое колесо в телеге* ‘лишний, ненужный в каком-либо деле человек’; *пугало гороховое* ‘пустой человек, служащий всеобщим посмешищем’; *дутый пузырь* ‘человек с преувеличенно положительной, хорошей репутацией, совершенно не соответствующей тому, что он представляет на самом деле’; *сума перемётная* ‘человек, легко меняющий свои взгляды, убеждения’ и др. (*калач*, *дубина*, *колесо*, *пугало*, *пузырь*, *сума* → человек).

Для существительных одушевлённых со значением не-лица (преимущественно – наименований животных) наиболее типичен перенос значения на лицо: *травленный (старый) волк* ‘человек, испытавший в жизни многие лишения, невзгоды и приобретший опыт, знания’; *драная кошка* ‘худая, измождённая женщина’; *мокрая курица* ‘безвольный, бесхарактерный человек, имеющий жалкий вид’; *стреляный воробей* ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’; *белая ворона* ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, не похожий на них’; *желторотый птенец* ‘очень молодой, неопытный, наивный человек’; *важная птица* ‘человек, занимающий высокое служебное положение’ и др. (*волк*, *курица*, *воробей*, *птица* → человек безотносительно к полу, *кошка* → женщина безотносительно к возрасту).

Как видно из примеров, грамматическое и категориально-семантическое значения фразеологических единиц во многом обусловлены семантическими потенциями грамматически стержневых слов в словосочетаниях – прототипах фразеологизмов. Эти слова в составе фразеологических единиц развиваются в свойственных им в свободном употреблении направлениях семантической деривации. Так, известно, что зооморфизм – перенос наименования с животного на человека – свойствен основной массе зоонимов и формирует их символические значения: *заяц* – ‘трус’, *медведь* – ‘неуклюжий

человек’, *корова* – ‘толстая, неуклюжая женщина’, *осёл* – ‘глупый человек’, *свинья* – ‘грязный, неопрятный, невоспитанный человек’, *букашка* – ‘незначительный, невзрачный человек’ и др.

2.3.3. Прагматический (коннотативный) компонент фразеологического значения

Обязательным компонентом значения фразеологической единицы, по мнению исследователей, является так называемая коннотация. Анализ работ в области семантики показал, что в термин коннотация вкладывается узкое и широкое содержание. Традиционно под коннотацией понимается «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т. п.» [Ахманова 1969: 203–204]. Узкое понимание коннотации встречаем в работе И. А. Стернина [Стернин 1985: 40–78], который, выделяя коннотативный макрокомпонент лексического значения в ряду других макрокомпонентов – денотативного, функционально-стилистического и эмпирического, предлагает вычленять в его составе компоненты «оценка» и «эмоция». В качестве эмоционального, оценочного, экспрессивного и функционально-стилистического компонентов фразеологического значения рассматривает коннотацию А. М. Мелерович [1979: 16–18].

В последние годы в научных работах наблюдается более широкое понимание коннотации. Собственно, широкое понимание коннотации как «смыслового поля» слова – целой системы вызываемых им образов и ассоциативных значений – было намечено уже в ранних работах акад. В. В. Виноградова: «В языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части включает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношения к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями. В богатстве таких *отголосков* (Курсив – наш. А. Э.) и заключается ценность удачного названия или художественного выражения» [Виноградов 1953: 6]. Как видно из цитаты, под *отголосками* слова акад. В. В. Виноградов

имел в виду ассоциативно-смысловые признаки слова. В этом убеждают цитируемые им примеры со словами *борода* и *брада* из письма П. А. Плетнева Я. К. Гроту: первое слово рисует читателю Русь в виде её мужика, купца или попа, второе – переносит во времена иудейских патриархов, в жизнь восточных народов [Там же].

Широкое толкования понятие коннотации получило в недрах психологии и психолингвистики. Слово, по мнению А. Р. Лурия, не только указывает на определённый предмет, но и продуцирует дополнительные значения, связывающие его со словами, содержание которых включает предшествующий опыт говорящего или связано с речевой ситуацией. «Слово становится центральным узлом для целой сети вызываемых им образов и «коннотативно» связанных с ним слов, которые говорящий или воспринимающий задерживает, тормозит с тем, чтобы из всей сети «коннотативных» значений выбрать нужное в данном случае «ближайшее» или «денотативное» значение» [Лурия 1979: 40–41]. См. также [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977].

В плане широкого толкования термина *коннотация* очень ценным представляется разработанное Д. Н. Шмелёвым понятие деривационных в широком смысле – ассоциативно-смысловых – отношений слов в системе языка, которыми (помимо парадигматических и синтагматических отношений) определяется значение слова. Ассоциативно-смысловые признаки слова – это «те реальные, предметные ассоциации, которые достаточно устойчиво связываются с представлением о тех или иных явлениях окружающей действительности» [Шмелёв 1977: 226] и находят отражение в значениях слов, связанных отношениями производности, в том числе и многозначных. См. также [Гак 1973: 193]. Ассоциативный признак как бы потенциально сопутствует слову в его основном значении; он не отражается в семантических определениях слов (в словарных дефинициях), но может мотивировать производные значения слов [Шмелёв 1977: 227, 1982: 24]. Ср. понятие виртуэмы, предложенное В. Г. Гаком: «Виртуэмы, или потенциальные семы, отражают разнообразные второстепенные, иногда не обязательные признаки предмета, а также такие ассоциации, которые устойчиво связываются в сознании говорящих с данным предметом» [Гак 1972б: 151, 1977а: 15].

Широко понимает коннотацию и В. Н. Телия – как ассоциативные признаки, проявляющиеся у слов в способности «возбуждать

друг друга» в процессах выбора и комбинации. Коннотации (ассоциативные связи) слова, отображающие эмпирические знания о референтах этих имен, связанные с природой обозначаемого объекта, определяются ею как ингерентные. Адгерентные коннотации – ассоциативные признаки слов, которые возникают в сознании говорящего под действием аналогии. Примеры ингерентных ассоциаций, сопутствующих слову *пламя*, – представление о яркости, интенсивности; адгерентные коннотации слов *бой*, *спор* репрезентируются эпитетами *горячий*, *жаркий* и др. [Телия 1981: 223].

В понятие коннотации включаются также разнообразные фоновые знания этнического и исторического характера, не затрагивающие сигнификативного значения языковых единиц, но маркирующие его в национально-культурном (лингвострановедческом) отношении [Райхштейн 1982: 151]. Такую непонятную информацию Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предлагают называть лексическим фоном или непонятными семантическими долями, в противоположность понятным семантическим долям, входящим в десигнат (сигнификат) слова [Верещагин, Костомаров 1980: 15]. Непонятные семантические доли – это ассоциативно-смысловые признаки слов, присутствующие в массовом сознании носителей языка. Например, значение слова *вечер* толкуется в словарях как ‘время суток от окончания дня до наступления ночи’ [СРЯ 1: 159]. Однако в массовом сознании носителей языка при употреблении слова *вечер* могут «возбуждаться», имплицироваться дополнительные семантические доли: 1) пора завершения работы, 2) время, когда хозяин рассчитывается за подённую работу, 3) вся семья, все обитатели дома собираются вместе, 4) время для приёма пищи, 5) забота об устройстве на ночлег и др. [Верещагин 1982: 110].

Очень широкое понимание коннотации встречается в работе [Гозердовский 1982]. Коннотация, по мнению В. И. Гозердовского, это совокупность ассоциируемых со словом социально значимых сведений, значений; каждый элемент этого множества предлагается называть коннотемой. Выделено пять типов коннотации: эмоционально-экспрессивно-оценочный, тематический, контекстный, историко-языковой и историко-культурный, которые представлены двадцатью коннотемами. Так, эмоциональная коннотация фиксируется обычными толковыми словарями с помощью специальных помет, историко-культурный тип коннотации призваны отразить состав-

ляемые в последние годы лингвострановедческие словари. Остальные типы коннотации, по мнению автора рецензируемой работы, в словарях представлены слабо или совсем не представлены. В связи с этим он ставит перед собой задачу – разработать теоретические основы специального коннотационного словаря, теорию коннотации, мыслимую им как синтез теоретических положений лексикологии, лексикографии и психолингвистики. Задача теории коннотации определяется как описание употребления слов в речи [Там же: 214].

Прежде всего следует отметить, что столь широко толкуемое понятие коннотации стыкуется с таким понятием, как пресуппозиция – семантическая, прагматическая и др. [Арутюнова 1972: 296–297, 1973б: 82–84; Торопова 1978: 82–92] и даже частично накладывается на него. (Критику «протаскивания» понятия пресуппозиции в языкознание см. в работе [Ахманова, Гюббенет: 1977: 53–54]. Во-вторых, обращают на себя внимание глобальность и сложность задачи, стоящей перед В. И. Говердовским: теория коннотации, понимаемая им как максимально объёмное описание употреблений говорящим слов в речи, фактически совпадает с прагматической лингвистикой, которая как составная часть коммуникативной лингвистики всё ещё находится в стадии становления и уточнения своего объекта. (См. введение и главу 2 настоящей работы).

Коннотация как элемент языкового значения действительно связана с прагматической характеристикой языковых единиц. Трудности определения коннотативного и прагматического значений в их соотносённости друг с другом связаны во многом с неразработанностью лингвистической прагматики и её концептуального аппарата,

В системе языка имеются единицы, специализирующиеся на выполнении только прагматической функции (междометия, эмоциональные и прескриптивные частицы, модальные слова и др.), и единицы, в содержании которых, наряду с номинативным (сигнификативно-денотативным) компонентом, наличествует в качестве обязательного и прагматический компонент. К единицам второго типа относятся фразеологизмы, прежде всего идиоматического характера, которые одновременно с номинативной и коммуникативной функциями выполняют и прагматические функции.

Фразеологизмы – такой специфический разряд знаменательных языковых единиц, которые способны отражать различные аспекты прагматики языка. Они представляют собой универсальные (и по

широте охвата языковых категорий, отражающих различные аспекты коммуникации, и в качестве языковых универсалий) прагматические индикаторы, способные выражать эмоциональное состояние и квалификативно-оценочную деятельность говорящего, а также его коммуникативные интенции в их направленности на слушающего / читающего.

Способность фразеологических единиц выражать прагматику языка позволяет говорить о наличии в их содержании прагматического значения. В литературе вопроса существует несколько определению прагматического значения: 1) как внеязыковой (поведенческой) реакции слушающего [Апресян 1967: 6–7]; 2) как коммуникативного намерения говорящего, не вытекающего из сочетания значений употребляемых им слов [Булыгина 1981: 340]. По образному определению Н. Д. Арутюновой, формулой прагматического значения является известный парадокс: когда дипломат говорит «да», он хочет сказать «может быть», когда он говорит «может быть», он хочет сказать «нет» [Арутюнова 1981: 356]; 3) как содержания языковых единиц (или части этого содержания), связанного с выражением эмоций и разнообразных оценок говорящего, а также с воздействием на адресата. Так, прагматическое значение понимается Л. А. Киселёвой «как отражательная категория, как отображение в содержании слова (как единицы языка) особого типа понятий – эмоциональных понятий, являющихся единицами эмоционального мышления, и частной цели коммуникативной деятельности – воздействия на психику и человеческое поведение» [Киселёва 1978: 89]. Мы не останавливаемся здесь на понятиях эмоционального мышления, эмоционального понятия и других качественно-содержательных типах понятий, выдвинутых автором цитируемой работы. Отметим лишь, что типология понятий (научные и обыденные, рациональные, эмоционально-оценочные, художественно-образные, образно-эмоционально-оценочные) и соответствующие им типы мышления предложены ею лишь в плане постановки вопроса, но в литературе вопроса, кроме первой корреляции, не выделялись и не рассматривались [Киселёва 1978: 76–77, 89–90].

Прагматическое значение, по нашему мнению, это содержание языковых единиц (или часть этого содержания), которое характеризует говорящего по социально и психологически значимым параметрам его личности и ориентировано на реципиента. Прагматическое

содержание информирует слушающего об эмоциональном состоянии говорящего, его интеллектуальных потенциях, о принятых им как представителем определённой социальной группы оценках социальных моделей поведения (и, следовательно, о его социальном статусе), о его конкретных, в данном речевом акте, коммуникативных намерениях, проявляющихся в отношении к сообщаемому и в стремлении определённым образом воздействовать на эмоциональное состояние и поведение слушающего, и т. п.

Определение прагматического значения как «значения говорящего», встречающееся в работах по лингвистической прагматике, является, на наш взгляд, неполным. Прагматическое значение всегда ориентировано на реципиента и предполагает адекватное истолкование им текста. Более того, ориентация на слушающего – на его социальный статус, уровень образования, интеллектуальные возможности, степень знакомства с ситуацией общения и т. п. – предопределяет конкретные параметры порождаемого говорящим текста – отбор языковых средств и их сочетание друг с другом [Арутюнова 1981: 358]. Прагматическое значение, таким образом, может быть охарактеризовано как «значение говорящего / слушающего».

Представляется, что прагматическое значение хорошо иллюстрирует антропоцентрическую направленность языка, его детерминированность интенциями и потребностями коммуникантов. Прагматическое значение, на наш взгляд, ориентировано относительно трёх универсальных координат акта речи: «я – здесь – сейчас» – личного, пространственного и временного дейксиса [Степанов 1975: 131–143]. Координата «я» – говорящий с его интенциями, эмоциями и оценками; координата «здесь» – пространственная локация говорящего, характеризующая место речи, в том числе и слушающего как «элемента» пространственной локации; координата «сейчас» – временная локация, определяющая время свершения акта речи. При этом координаты «здесь» и «сейчас», в свою очередь, ориентированы относительно координаты «я». Реализуясь первоначально в речи, прагматические значения не только дают начало грамматическим категориям (например, координата «сейчас» регулярно передаётся категориями глагольного времени), но и «осаждаются» в содержании самостоятельных, значимых единиц языка в качестве эмоционально-экспрессивно-оценочных обертонов, ориентированных симультанно и на говорящего, и на слушающего.

Прагматическое значение фразеологических единиц – это комплексная содержательная сущность, состоящая из следующих основных компонентов: экспрессивного, апеллятивного, фатического и эстетического. Экспрессивный компонент – та часть прагматического значения, которая связана с выражением эмоций и оценок говорящего (в лексике и фразеологии – это так называемое эмоциональное, эмотивное, эмоционально-оценочное, экспрессивно-оценочное значение, в грамматике – субъективно-модальное значение). Экспрессивный компонент содержания фразеологических единиц, как известно, отражается в словарях с помощью помет *шутл.*, *бран.*, *ирон.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.* и др. Фразеологизмы *маменькин сынок*, *драная кошка*, *авгиевы конюшни*, *курам на смех* и др. способны выражать презрительное, пренебрежительное отношение говорящего, например, к партнёру по коммуникативному акту, которое порождается прозрачностью внутренней формы таких единиц. Они, как правило, находятся в рематической части высказывания и оформляются определёнными суперсегментными фонетическими средствами – соответствующей «презрительной», «пренебрежительной» интонацией, замедлением темпа речи, усилением звуков, эмфатическим ударением, удлинением согласных звуков (*м-м-маменькин с-с-сынок*) и др. Речь может сопровождаться адекватными выражаемым эмоциям паралингвистическими средствами – выражением глаз, мимикой, жестами, телодвижениями. Здесь уместно добавить, что основная масса идиом, как уже говорилось, выражает разнообразные отрицательные эмоции; соотношение фразеологических единиц, выражающих отрицательные и положительные эмоции, по нашим материалам, составляет 3 / 1 [Эмирова 1978].

Экспрессивный компонент содержания фразеологических единиц реализуется совместно с апеллятивным. Апеллятивный компонент – та часть прагматического значения, которая связана с воздействием – интеллектуальным, эмоциональным и, как следствие, поведенческим – на реципиента (в грамматике – так называемое императивное, побудительное, прескриптивное значение, в логике – эвокативное употребление языковых единиц). Воздействие на слушающего осуществляется комплексно – с помощью лингвистических и паралингвистических средств. Так, знание говорящим мотивирующего образа бегущего в панике зайца обуславливает отрицательную эмоциональную окраску фразеологической единицы *заячья*

душа. Адресованная слушающему в качестве оценки его морального облика и поведения фразеологическая единица *заячья душа* может вызвать у него адекватную содержанию и условиям протекания речевого акта эмоциональную и поведенческую реакцию.

Фатический, т. е. контактоустанавливающий, компонент прагматического значения информирует коммуникантов об их социально-психологическом статусе и предопределяет установление или прекращение между ними контакта. Такая информация извлекается ими из стилистической окраски, генетической характеристики фразеологических единиц. Думается, что особенно отчётливо она проявляется в содержании маргинальных функционально-стилистических пластов фразеологии – в книжной (прежде всего во фразеологии, генетически восходящей к мифологическим и библейским текстам, а также литературно-художественным источникам) и просторечной фразеологии. Фразеологические единицы данных пластов наиболее ярко маркированы в плане их преимущественного использования в речи представителей определённых социальных групп.

Эстетический компонент прагматического значения фразеологизмов – это та его часть, которая генерирует у коммуникантов чувство эстетического наслаждения, связанное со способностью говорящего отбирать из номинативно-экспрессивного инвентаря языка наиболее адекватные выражаемому смыслу, образные языковые единицы, творчески преобразовывать их, неординарно «сцеплять» друг с другом и со способностью слушающего по достоинству оценивать языковую компетенцию говорящего. Эстетический компонент наиболее полно и ярко эксплицируется в условиях языковой игры и художественной, особенно поэтической, речи. (См. об эстетической функции фразеологических единиц в подразделе 2.3.1 настоящей работы).

Все перечисленные компоненты прагматического значения диалектически взаимосвязаны друг с другом, взаимообуславливают друг друга, «переливаются» друг в друга. Так, экспрессивный компонент значения определяет «силу», степень проявления апеллятивного, а вместе они имплицитно эстетическое значение; фатический компонент вытекает из апеллятивного и, в свою очередь, лежит в основе эстетического значения.

Ингредиенты прагматического значения реализуются в речи не изолированно, а комплексно – с помощью языковых средств разных

уровней: фонетического облика единиц, в том числе звукописи, интонационного и ритмического рисунка, рифмы; словообразовательных средств в составе компонентов фразеологических единиц – суффиксов с уменьшительно-ласкательными, уничижительно-пренебрежительными и др. значениями; внутренней формой фразеологизмов, их ассоциативно-смыслового ореолом; эмоциональной и стилистической окраской фразеологических единиц в целом и их словных компонентов и др. Мы не заметили сколько-нибудь чёткой специализации перечисленных языковых средств в качестве экспонентов того или иного компонента прагматического значения фразеологических единиц. Так, с помощью внутренней формы (и, следовательно, ассоциативного поля) фразеологизмов и их стилистической окраски могут симультанно выражаться все компоненты прагматического значения – экспрессивный, апеллятивный, фатический и эстетический.

Функционально-стилистическая окраска языковой единицы часто квалифицируется в качестве элемента коннотации – в ряду с эмоциональным и экспрессивным элементами. Мы склонны рассматривать стилистическую окраску в качестве одного из средств выражения прагматического значения, так как считаем, что информация о функционально-стилистической принадлежности языковой единицы не имеет самодостаточной ценности. Выбор говорящим единиц того или иного стилистического разряда в типичных для него ситуациях общения является в определённой степени индикатором его социально-психологического статуса. Так, использование говорящим книжной, в особенности библейской и устаревшей, фразеологии ярко очерчивает социальный портрет говорящего. Во внутреннем монологе Ирины Викторовны Мансуровой, инженера, начальника отдела технической информации и библиографии НИИ, вполне уместны и оправданны книжные фразеологические единицы *сизифов труд*, *скупой рыцарь* и др.: *Упорно и с надеждой она создавала себя из своих платьев, зимних и летних, из причёски, из голоса, а что же всё-таки в результате получилось? Где итог? Или это был сизифов труд?* [Залыгин 1974: 19]. *Так что скупых рыцарей среди женщин нет и не должно быть* [Там же: 47]. Нас не интересуют здесь экстремальные, конфликтные ситуации общения (нападение хулиганов и т. п.), в которых человек вынужден иногда надевать сознательно отработанную маску агрессивности (несвойственные ему манера поведения, тон, словарь и т. п.) «как один из печально

необходимых, крайне нежелательных языков общения» [Леви 198: 185–185].

Для того чтобы дополнительно обосновать и укрепить наши заявления относительно прагматических потенций фразеологических единиц, приложим их содержание к различным аспектам речевого акта, как основы прагматических действий. Речевой акт, по мнению В. Г. Гака, состоит из следующих основных компонентов: 1) говорящий, 2) адресат, 3) исходный материал (пресуппозиция), 4) цель сообщения, 5) развитие, внутренняя организация речевого акта, 6) контекст и ситуация общения [Гак 1982: 12]. Каждый из перечисленных компонентов находит отображение в специфических языковых категориях, которые реализуются с помощью языковых единиц особых уровней и разрядов – знаменательных и служебных слов, грамматических форм, интонации и др. «Проекция» содержания фразеологических единиц на структуру речевого акта обнаружила, что с их помощью может быть выражено большинство речевых категорий, отражающих различные аспекты коммуникации. Так, из пяти категорий, характеризующих говорящего, четыре могут быть выражены с помощью фразеологических единиц: модальность в её основных разновидностях – объективной (отношение сообщаемого к действительности в плане реальности, нереальности, утверждения, отрицания и др., выражаемое формами наклонения) и субъективной (отношение говорящего к сообщаемому); оценка (соответствие или несоответствие сообщаемого принятым в данном социуме нормам поведения); эмоциональность (выражение эмоций, сопровождающих высказывание); дистантность (степень заинтересованности говорящего в сообщаемом, проявляющаяся в особой эмоциональной окраске фразеологизмов, в характере их внутренней формы).

Проиллюстрируем изложенные выше положения актуализацией фразеологической единицы *положить глаз на кого-либо*: 1) *Хотя бы на том самом вечере у Канунниковых кто-нибудь взял бы да и «положил» на неё глаз – ведь она такая была красивая* [Залыгин 1974: 20]. 2) *И хотя она это знала точно, это ничуть не проясняло положения дел: мало ли кто «положил глаз», а для чего?* [Там же: 21]. В (1) изменением глагольного компонента фразеологизма – податчей его в форме морфологического сослагательного наклонения (-л + бы) образована одна из форм ирреального наклонения – желательное наклонение. В (2) фразеологическая единица реализова-

на в форме прошедшего времени синтаксического индикатива, т. е. обозначает реальное состояние, отнесённое в план прошлого. В (1) и (2) переданы – путём регенерации внутренней формы фразеологизма – положительная ментальная и шутливо-ироническая эмоциональная оценки сообщаемого и обнаружена высокая степень заинтересованности говорящего в сообщаемом.

Адресатный компонент речевого акта находит отражение в категориях информативности, экспрессивности и прозрачности. Названные категории свойственны фразеологизмам, как единицам, обладающим суггестивным (вызывающим какие-либо представления, образы) содержанием. Информативность, понимаемая как сообщение новой информации, – одна из основных функций идиоматических предикатов (как уже говорилось, фразеологические предикаты находятся в рематической части высказывания). Экспрессивность – выражение образных представлений говорящего об окружающей действительности и ориентация слушающего на образное восприятие новой информации – обязательный признак фразеологического содержания, которое формируется в результате метафоризации значения свободных словосочетаний, обозначающих типичные представления и понятия повседневной жизни. Прозрачность как ясность речи для слушающего достигается, в частности, путем возбуждения ассоциативно-смысловых признаков, связанных с внутренней формой фразеологических единиц.

Фактор адресата связан также с выражением межличностных отношений коммуникантов, которые могут репрезентироваться функционально-стилистической характеристикой фразеологических единиц в целом и их словных компонентов, особенно при возможности их варьирования. Так, просторечная, разговорная и диалектная фразеология «обслуживает» преимущественно повседневное бытовое общение одноранговых в социальном отношении коммуникантов; книжная фразеология, особенно библеизмы и мифологизмы, является индикатором определенного социального статуса (интеллигенция) одного или всех участников коммуникативного акта и т. д.

Т. Г. Винокур отмечено интересное стилевое явление, названное ею коммуникативно-экспрессивными играми современного носителя литературного языка. Интеллигентный носитель языка стилистически «многолик»: в соответствии с экспрессивным заданием высказывания он «способен без видимых затруднений принять нуж-

ную речевую роль не только нейтрально-литературного диапазона, но и просторечного, диалектного, а также профессионального». Более того, современный интеллигент «любит» надевать просторечную или диалектную речевую маску в специальных экспрессивных целях – иронии, самоиронии, шутки и т. п. [Винокур 1984: 143–145]. См. также [Земская, Китайгородская, Розанова 1963].

Коммуникативные установки участников речевого акта (сообщение, вопрос, желание, побуждение и др.) также могут передаваться фразеологическими единицами разных структурно-грамматических типов. Например, глагольные фразеологические единицы, обладающие полной парадигмой, свободно образуют регулярные грамматические формы повелительного наклонения со значением собственно побуждения, желательности, долженствования и др. (*заруби себе на носу, возьмишь за ум, не бросай слов на ветер, не вертись под ногами* и др.).

Внутренняя организация акта речи предполагает использование таких языковых средств, которые могут обозначать начало, внутреннее членение и прекращение речевого акта. Это разнообразные речевые стереотипы, устойчивые формулы речевого этикета, междометия, модальные единицы, в том числе и идиоматического характера: *Сколько лет, сколько зим! Скатертью дорога! Ни пуха ни пера! Такое вот кино!, с одной стороны, с другой стороны, стало быть, между тем* и др.

Предпринятая нами экспериментальная проекция значения фразеологических единиц на содержание речевых актов показала, что фразеологический компонент языка является универсальным языковым средством, предназначенным для обслуживания коммуникативной сферы. В то же время наш эксперимент обнаружил, что прагматическое значение шире коннотации в традиционном понимании последней – как сопутствующих семантических, эмоционально-экспрессивных и стилистических обертонов содержания. Значение фразеологических единиц, специализирующихся на выполнении прагматической функции (междометные и модальные единицы), можно квалифицировать как прагматическое значение. Аналогичные содержательные элементы, выступающие в качестве сопутствующих сигнификативно-денотативному ядру фразеологического значения, можно назвать коннотацией. Коннотативный компонент свойствен фразеологизмам, входящим в основные значимые грамматические

(частеречные) разряды. По отношению к таким единицам понятия прагматического и коннотативного значений могут употребляться как эквивалентные.

Выдвинутое нами понимание прагматического и коннотативного значений, думается, снимает дискутируемый до сих пор вопрос о локализации эмоционально-оценочного компонента в содержании фразеологических единиц – в сигнификате или коннотации? Эмоционально-оценочное значение модальных и междометных единиц, для которых прагматическая функция является основной, локализуется в сигнификате; у фразеологических единиц, выполняющих номинативно-квалифицирующую и прагматическую функции симультанно, эмоционально-оценочное значение – оно же прагматическое – может быть названо коннотативным, сопутствующим.

Таким образом, прагматическое значение является облигаторным компонентом содержания фразеологических единиц: они не только обозначают и называют предметы (в широком смысле – как объекты познания) объективной действительности, но одновременно являются специальным прагматическим средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его, – в их направленности на получателя речи. (Фразеологические единицы – идиомы, как мы уже говорили, называют не вещи, а свойства и отношения вещей [Эмирова 1984.]

Прагматика языка и прагматическая характеристика языковых сущностей, учитывающие человеческий фактор во всем объеме этого понятия, практически покрываются широким истолкованием коммуникации «как единой и глобальной функции языка» [Колшанский 1983: 6]. Думается, однако, что круг проблем, интересующих коммуникативную лингвистику, шире проблематики лингвистической прагматики, поэтому последняя может быть обозначена как часть коммуникативной лингвистики.

Подводя предварительные итоги, можно предложить следующее определение фразеологического (идиоматического) значения: фразеологическое значение – это содержательная категория, выражающая понятие о классе признаков (в широком смысле), обогащённое эмоциональными и ментальными оценками говорящего, обнаруживающими его психологический и социальный статус, его коммуникативные интенции в их ориентации на слушающего. Кон-

нотативно-прагматическое содержание фразеологизмов–идиом является специфическим ингредиентом фразеологического значения, объясняющим и оправдывающим необходимость и правомочность существования в языковой системе фразеологического компонента. В ходе дальнейшего анализа предложенная дефиниция корректируется и уточняется. См. далее раздел 3.1.

Фразеологическим единицам в высшей степени присуще то качество, которое Э. Бенвенистом было названо «человек в языке» [Бенвенист 1974: 259–328], – субъективность в языке, его антропоцентрическая ориентация как проявление особой формы человеческой деятельности, направленной на познание и преобразование, совершенствование духовного мира человека и окружающей его объективной действительности.

Глава 3

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ (ЧАСТЕРЕЧНЫЕ) РАЗРЯДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Вопрос о частях речи был и остаётся в русском языкознании одним из сложных и по сей день однозначно не решённых вопросов. Исследователи (А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.) неоднократно высказывали неудовлетворённость существующим распределением слов по частям речи, обусловленную разнородностью, неоднотипностью оснований классификации [Стеблин-Каменский 1974: 20–30]. Сказанное достаточно проиллюстрировать количественным и качественным разнообразием в распределении слов по частям речи – от работ В. В. Виноградова по сей день.

Известно, что В. В. Виноградов выделял 12 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие, категория состояния, глагол, частицы, предлоги, союзы, модальные слова и междометия [Виноградов 1972]. В «Грамматике русского языка» [1960] выделено 10 частей речи – те же классы слов, что и у В. В. Виноградова, кроме двух последних. В академических грамматиках, изданных в последние десятилетия, слова распределены по тем же 10 классам, за исключением: в отдельный класс выделены местоимения-существительные, остальные указательные слова, традиционно подводимые под класс местоимений (*такой, весь, всякий, столько*), распределены по соответствующим классам [Грамматика–70; Грамматика–80, т. 1]. Показательно в этом плане и учебное пособие [Милославский 1981: 32–42], в котором выделяются следующие 11 частей речи: имена существительные, имена прилагательные (вместе с порядковыми числительными), имена числительные, глагол, наречие, категория состояния, модальные слова, частицы, предлоги, союзы и междометия. Местоимения распределены между соответствующими именами; категория состо-

яния и модальные слова отнесены к неизменяемым полнозначным словам.

Трудности, связанные с распределением слов по грамматическим классам, и, следовательно, общая неудовлетворенность модусом вивенди системы частей речи русского языка в её нынешнем виде толкнули исследователей на поиски новых оснований классификации слов. Дихотомия языковых знаков – знаменательные и служебные, полнозначные и неполнозначные – в новейшем языкознании неоднократно подвергалась всестороннему пересмотру. В частности, были введены некоторые дополнительные основания классификации, учитывающие особые знаковые свойства языковых единиц. Так, А. А. Уфимцева при классификации слов по семиологическим свойствам предлагает учитывать следующие факторы: 1) наличие (отсутствие) и характер соотношенности денотативного и сигнификативного компонентов, составляющих основу знакового значения слова; 2) сферу языка, преимущественно обслуживаемую данными знаками (речемыслительную, коммуникативную, номинативную, прагматическую), и др. [Уфимцева 1974: 84, 1980: 34].

Эта классификация дополняется другой, учитывающей обусловленность содержания языковых единиц их ролью в сообщении. Коммуникативный подход к анализу значения позволил выделить два типа языковых единиц – идентифицирующие и предикатные единицы [Арутюнова 1973а, 1976, 1977б, 1980], или, в иной терминологии, денотатные и сигнификатные имена [Степанов 1977б, 1980]. Идентифицирующие имена – слова, для которых первична идентифицирующая, номинативная функция. Они отражают и классифицируют то, что существует в реальном мире, и представлены в основном конкретной лексикой (нарицательными словами) и названиями естественных объектов, а также дейктическими словами (местоимениями разного типа) и именами собственными. Предикатные имена (иначе – семантические предикаты, признаковые, сигнификатные имена) – это слова, сообщающие о свойствах, действиях, состояниях и других признаках предметов объективной действительности, названных предиклируемыми именами. К предикатным именам относятся глаголы, прилагательные, наречия и существительные с качественным значением [Арутюнова 1973а, 1976: 326–356, 1977б: 304–357; Степанов 1980, 1981а; Золотова 1982: 168–186]. В коллективной монографии «Семантические типы предикатов» [1982] тер-

мин *семантический предикат* употреблён для обозначения глаголов, а также различных образований с *быть* или его нулевой формой, которые могут выступать в предложении в роли сказуемого.

Трудности, связанные с частеречной классификацией фразеологии идиоматического характера (как более гомогенной по характеру содержания и семантическим механизмам формирования), неизмеримо возрастают, так как исследователю здесь приходится иметь дело с несколькословными образованиями со специфической семантикой и специфическим употреблением в речи. Распределение фразеологических единиц по грамматическим классам базируется, насколько это позволяет сам языковой материал, на классификации слов. Так, Н. М. Шанский выделяет глагольные (*стереть с лица земли*), субстантивные (*авгиевы конюшни*), наречные (*хоть пруд пруди, в три ручья*), адъективные (*кожа да кости*), междометные (*Вот тебе и на!*), модальные (*к слову сказать*) и союзные (*между тем как*) фразеологизмы [Шанский 1985: 46–47].

Надо признать, что изучение грамматических, в частности морфологических, свойств фразеологических единиц русского языка только начинается. До сих пор отсутствует однозначная и полная номенклатура семантико-грамматических разрядов (частей речи) во фразеологии. «В современном русском языке более или менее чётко вычленяются несколько лексико-грамматических разрядов фразеологизмов», – пишет А. М. Молотков [1977: 127] и выделяет и характеризует такие общие классы фразеологизмов, как именные (*казанская сирота, карманная чахотка*), глагольные (*выходить сухим из воды*), адъективные (*без царя в голове, с иголки*), адвербиальные (*на живую нитку, как по маслу*), глагольно-пропозициональные (*глаза на лоб лезут у кого, ума палата у кого*) и междометные (*Ни пуха ни пера! Провалиться мне на этом месте!*).

Большие семантико-грамматические разряды фразеологизмов и свойственные им морфологические и синтаксические категории описаны в работах А. М. Чепасовой [1974, 1975, 1976, 1983] и В. П. и А. В. Жуковых [1980]. Этой же проблеме – соотносённости фразеологических единиц с частями речи – в отечественном языкознании последних лет посвящены диссертационные работы И. А. Ионовой, В. Т. Бондаренко, Н. И. Демьяновича, Е. Г. Панасенко и др.

Языковые явления, представляющие собой «промежуточную категорию между словом и фразеологизмом», рассматривает Р. П. Рого-

жникова. Это большой разряд (около 1000 единиц) высокочастотных в разных жанрах «фразеологически связанных сочетаний» знаменательного слова со служебным или двух и более служебных слов, функционально и семантически эквивалентных слову: *в области, во имя, к счастью, как говорится, без конца, в итоге, в действительности* и др. [Рогожникова 1983]. Как видно из примеров, такие устойчивые сочетания обычно квалифицируются как фразеологизмы, соотносительные в семантико-грамматическом отношении с наречиями, служебными и модальными словами. В названных выше работах А. М. Чепасовой они отнесены к классам грамматических и модальных фразеологизмов. В учебном пособии Н. М. Шанского часть таких единиц квалифицирована в качестве союзных и модальных фразеологических оборотов [1985: 47]; в монографии А. И. Молоткова они вообще не рассматриваются, как сочетания нефразеологического характера.

Разногласия наблюдаются и в грамматической характеристике единиц основного корпуса фразеологии. Так, фразеологизм *рукой подать* квалифицируется А. И. Молотковым и В. П. и А. В. Жуковыми как адвербиальный со значением места, а А. М. Чепасовой – как атрибутивно-предикативный. Фразеологизмы *ну и ну, мать честная, чёрт возьми* отнесены А. И. Молотковым к междометным, а А. М. Чепасовой – к модальным единицам. Трудно согласиться с квалификацией фразеологических единиц *с гулькин нос, капля в море, кот наплакал, по пальцам можно сосчитать, девать некуда, несть числа, чёртова пропасть* в качестве адвербиальных со значением меры [Молотков 1977: 141] или единиц *под рукой, под боком* как обстоятельственных наречий со значением места [Жуков, Жуков 1980: 78]. Последние единицы обладают, как известно, двойственной грамматической природой: могут функционировать в качестве обстоятельства или предикатива. Фразеологизмы, отнесённые Н. М. Шанским к наречным единицам, неоднородны в семантическом отношении: сюда включены и собственно наречные с качественно-обстоятельственным значением (*в три ручья*), и наречно-предикативные идиомы (*хоть пруд пруди*). Фразеологизмы со значением состояния, функционирующие в качестве предиката, в работах А. И. Молоткова оказались «разбросанными» по разным грамматическим разрядам: их много среди так называемых глагольно-пропозициональных, они встречаются и среди субстантивных,

адъективных, наречных фразеологических единиц. Количество таких «разночтений», связанных с категориально-грамматической квалификацией фразеологических единиц, можно продолжить. Отмеченные выше недостатки существующей частеречной рубрикации фразеологических единиц во многом обусловлены тем, что фразеология «подгоняется» под традиционную классификацию, разработанную для грамматической характеристики слов, со всеми её уже замеченными недостатками и противоречиями. Думается, однако, что идиоматика, как специфический компонент языка, обслуживающий коммуникативно-прагматическую сферу человеческой деятельности, подчиняется иным закономерностям. Коммуникативно-прагматический аспект семантико-грамматического анализа фразеологических единиц должен исходить из учёта коммуникативных интенций говорящего (в их направленности на слушающего) – потребностей в обобщении опыта, номинации предметов реальной действительности, оценке, выражении эмоций и др., формирующих в конечном счёте характер содержания идиом (характер отражения в них реальной действительности) и особенности их функционирования в речи, включая и их «строевые» функции в высказывании. Коммуникативные потребности и задачи говорящего всегда диктуются той реальной действительностью, на фоне или в лоне которой протекают процессы коммуникации, и, следовательно, в актах коммуникации выражается отношение говорящего к действительности. Соотношение говорящего с реальным миром осуществляется в том, что говорящий сообщает нечто о чём-то и / или выражает свое эмоциональное отношение к предмету речи. Отражение действительности происходит всегда в языковых категориях модальности – как объективной, так и субъективной. Объективная модальность – коммуникативные установки говорящего (утверждение, вопрос, побуждение), отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности / ирреальности – реализуется в пропозиции высказывания, ядром которой выступает предикат. Широкий круг субъективно-модальных значений – экспрессивные, эмоционально-оценочные, уверенности / неуверенности, сомнения, интенсивности и др. – выражается разнообразными языковыми средствами, преимущественно модальными и междометными единицами.

В свете вышесказанного мы предлагаем выделить следующие грамматические разряды идиом: субстантивные идентифицирую-

щие; предикатные (признаковые) в таких разновидностях, как глагольные, субстантивно-предикативные, адъективно-предикативные, наречно-предикативные и собственно наречные; модальные и междометные. В идиоматике русского языка практически отсутствуют прономинальные единицы и идиомы, соотносительные с именами числительными.

3.1. Субстантивные фразеологизмы с идентифицирующим значением

Осваивая объективную действительность, человек познаёт прежде всего вещи, их свойства и отношения [Уемов 1963: 3]. (Ср. с номенклатурой онтологических категорий Аристотеля. – А. Э.) Отражение объективной действительности в сознании людей происходит в категориях языка. Части речи как предельно большие значимые категории языка отражают реальную действительность в присущих им обобщённых значениях. «Наиболее обобщёнными значениями для частей речи являются значения предмета (субстанции) и признака – процессуального (представляемого как действие или состояние) и непроцессуального (представляемого как качество или свойство)» [Грамматика–80, I: 453].

Значение субстанции в идиоматике русского языка репрезентируется преимущественно идентифицирующими фразеологическими субстантивами. Идиомы с так называемыми идентифицирующими значениями, описывая предмет по каким-то, чаще всего формальным, признакам, тем самым соотносят высказывание с объективной действительностью, «привязывают» его к определённым предметам внешнего мира. Идентифицирующие имена являются, таким образом, номинативными знаками. В предложении они выполняют весь набор синтаксических функций, свойственных именам существительным. Идентифицирующие фразеологизмы – это преимущественно названия естественных объектов и реалий повседневного быта, дескриптивные наименования предметов и групп людей и др. Исследователи отмечали среди них названия объектов флоры и фауны (*пастушья сумка, анютины глазки, львиный зев*), болезней (*антонов огонь, грудная жаба*), бытовых реалий (*гусиные лапки* ‘морщины’, *конский хвост* ‘собранные в пучок волосы’, *тихий час* ‘послеобеденный сон’, *летучая мышь* ‘вид фонаря’) и др.

Небольшое количество идиом с идентифицирующим типом значения встречается в русских народных говорах. Подробную тематическую классификацию таких единиц в русских говорах Сибири предложил А. И. Федоров [1980: 33–39; ФСРГС 1983]: 1) названия деревьев, диких и комнатных растений: *адамова кость* ‘окаменелое дерево или кусок древесины’, *анютины глазки* ‘комнатные цветы’, *бабьи сплетни* ‘комнатные цветы с переплетающимися стеблями’, *барсова кожа* ‘растение семейства бурачниковых, медуница мягчайшая’, *брат с сестрой* ‘лесное травянистое растение с синими и розовыми цветами’, *кукушкины баשמачки* ‘растение, применяемое в народной медицине’, *сахарная берёзка* ‘бальзамин султанский’ (другое название – *ванька мокрый*); 2) названия болезней: *белая грыжа* ‘женская болезнь’, *смертна боль* ‘водянка’, *малые беды* ‘заболевания мочевого пузыря, сопровождающиеся недержанием мочи’; 3) названия орудий труда, предметов домашнего обихода и других бытовых реалий: *берёзовые мотыльки* ‘часть снасти для ловли зайцев’, *миколина борода* ‘маленький суслончик снопов, поставленный в знак завершения жатвы, обложенный клочками соломы’; 4) названия религиозных и народных праздников и дней по их отличительным признакам: *Алексей с божьих гор потоки* ‘день 17 марта по старому календарю, названный в честь святого Алексея’, *Авдотьи сеногнотьи* ‘дождливая погода во время сенокоса’, *Акулина задери хвосты* ‘летние дни, когда бывает много комаров’ и др.

Примеры: С малости у него это, а счас уже двадцать три, а всё *малыми бедами* мается. В аккурат *в Алексея с божьих гор потоки* сын народился, Алексеем назвали. Скоро *Авдотьи сеногнотьи* пойдут. *Акулина задери хвосты* тянется почти до белых мушек. В *Акулину задери хвосты* коровы молоко сбавляют. (Примеры извлечены из «Фразеологического словаря русских говоров Сибири».)

Как видно из примеров, такие сверхсловные номинации выполняются в предложении функции подлежащего (*Акулина задери хвосты* тянется, *Авдотьи сеногнотьи* пойдут), дополнения (мается *малыми бедами*), обстоятельства – в предложно-падежной форме (народился *в Алексея с божьих гор потоки*) – как это и свойственно именам с идентифицирующими значениями.

Разряд идиом с идентифицирующими значениями активно пополняется в последнее время за счет парафраз, называющих и описывающих разные реалии общественной жизни. Здесь выделяются следующие тематические группы фразеологизмов:

1) Парафразы с предметным значением, описывающие конкретные предметы по внешнему признаку.Descriptions учитывают преимущественно цвет, часто символический, свойственный идентифицируемому предмету: *белое золото* ‘хлопок’, *белое золото* ‘бивни слона’, *белая нефть* ‘газовый конденсат’, *белая книга* ‘сборник документов, обычно издаваемых в капиталистических странах с целью оправдания деятельности правительства в различных областях: дипломатической, военной и т. д., а также в пропагандистских целях’, *белая смерть*, *белый дьявол* ‘наркотики’, *белый тигр* ‘снежная лавина’, *бесцветное золото*, *голубое золото* ‘природный горючий газ’, *голубой корабль* ‘хлопкоуборочный комбайн’, *голубая нива* ‘водоёмы, в которых производится промышленный лов рыбы’, *голубые дороги* ‘реки как средство сообщения’, *жёлтый кекс* ‘урановый концентрат’, *жёлтый ангел* ‘жёлтого цвета машина скорой технической помощи в Венгрии’, *живое серебро* ‘выловленная промысловая рыба’, *чёрный прилив*, *чёрная волна* ‘нефтяное пятно на поверхности воды, образовавшееся в результате катастрофы нефтеналивных судов’ и др. (Фразеологические единицы извлечены из словарей неологизмов: НС3–71, НС3–84, СМ–77, СМ–78, СМ–79, СМ–80.).

Примеры: Несмотря на все меры правительства Кении по охране и спасению «*белого золота*» и рогов носорога, много вывозится нелегально (Изв., 1 апр. 1978). С начала завершающего года пятилетки из недр Вуктыла извлечено два миллиона тонн «*белой нефти*» (Сов. Россия, 21 июня 1975). Представители левого крыла правящей лейбористской партии подвергли обоснованной критике правительственную «*Белую книгу*» по вопросам обороны (Правда, 3 апр. 1976). «*Белые тигры*» – как называют здесь снежные лавины – укрощены (Изв., 7 апр. 1978). Тысячи «*голубых кораблей*» бороздят плантации (Правда, 18 окт. 1974). Предполагают, что каждый гектар «*голубой нивы*» даст не менее 10 центнеров рыбы (Изв., 26 февр. 1970). В нынешнем году Сибирское производственное управление рыбной промышленности поставит свыше 300 тысяч центнеров *живого серебра* (Правда, 15 июня 1976). *Чёрный прилив*, так называют нефтяное пятно, обрушившийся на берега Франции, губит рыбу и птицу (Изв., 1 апр. 1978) и др.

К этой же группе примыкают устойчивые обороты с символическим значением: *жёлтая карточка* ‘карточка жёлтого цвета, показывая которую, судья предупреждает игрока о нарушении правил

игры»; *голубой конверт* 'уведомление об увольнении, присылаемое в голубом конверте'; *страна кленового листа* 'Канада'. Примеры: Было показано девять *жёлтых карточек*. Цена *жёлтой карточки* достаточно высока (Изв., 5 июня 1979). Мы посетим столицу *Страны кленового листа* – Оттаву (Изв., 9 дек. 1976) и др.

2) Парафразы с собирательным значением лица, описывающие называемую социальную группу по внешнему признаку (деталь и цвет форменной или типичной одежды): *белые акулы* 'служители здравоохранения в капиталистических странах', *белые воротнички* 'лица наёмного труда, занимающиеся умственной работой', *синие воротнички* 'лица наёмного труда, занимающиеся физической работой', *голубые каски* 'вооруженные силы Организации Объединённых Наций', *кожаные куртки* 'фашиствующая молодёжь в Дании', *чёрные береты* 'специальные войска США, называемые так за их форму', *зелёные береты* 'особые части и подразделения в вооруженных силах США – командос' и др.

Примеры: Озлобление «*белых акул*» вызывают предложения сделать здравоохранение государственным, как в ГДР (Неделя, 16, 1977). Миф об Америке, якобы ставшей страной «*белых воротничков*», долгие годы преподносится как реальность в аудиториях колледжей (За рубежом, 8, 1975). *Синих воротничков* гораздо больше, чем *белых воротничков* (За рубежом, 8, 1975). Вместе с другими журналистами я встречал «*голубые каски*», направлявшиеся из Бейрута в Тир (Изв., 29 марта 1978). Писатель, бывший разведчик, закончил большую документальную повесть о преемниках «*зелёных беретов*» – «*чёрных беретах*» <...> (Комс. пр., 12 нояб. 1980) и др.

К этой же группе фразеологизмов примыкает оборот *человек с ружьём* 'советский солдат, военнослужащий, а также солдат, военнослужащий революционной армии другой страны': «*Человек с ружьём*» встал на защиту родной земли от чужестранного вторжения (Изв., 22 апр, 1978). К сегодняшнему «*человеку с ружьём*» служба предъявляет особые требования (Правда, 1 мая 1978).

Анализ приведённого фактического материала свидетельствует о том, что номинативные парафразы выполняют в предложении синтаксические функции субстантивов – подлежащего (*белые тигры укрошены, чёрный прилив губит, зелёные береты готовят, человек с ружьём встал на защиту*), дополнения (*по спасению белого золота, подвергли критике Белую книгу, встречал голубые каски*),

несогласованного определения (*столица Страны кленового листа, озлобление белых акул, страна белых воротничков, повесть о чёрных беретах*) и др.

В актах первичного речепотребления такие обороты имели при знаковое значение: часть из них функционировала в качестве предикатива (*снежные лавины – это белые тигры, солдат – это человек с ружьём*), другая часть – в качестве определения (*фашиствующая молодёжь, которая носит кожаные куртки → молодёжь в кожаных куртках → кожаные куртки*; особые части в вооруженных силах США, атрибутом фирменной одежды которых являются зелёные береты → части в зелёных беретах → *зелёные береты*). В повторяющихся актах коммуникации такие номинации «присвоили» себе субстантивный статус, свойственный их производящим основам, и стали выступать в речи в качестве их субститутов, выполняя соответствующие вторичные функции субстантивов – подлежащего, дополнения, несогласованного определения и др.

Остальные фразеологические единицы, традиционно квалифицируемые в научной литературе как субстантивные (см. разряды субстантивных фразеологизмов в работах А. И. Молоткова, А. М. Чепасовой и др.), как правило, не обозначают предметов (субстанций) и, следовательно, к собственно субстантивным (идентифицирующим) отнесены быть не могут. Фразеологические единицы типа *казанская сирота, дойная корова, гусь лапчатый, золотые руки, карманная чухотка, ахиллесова пята, шарашкина контора, хождение по мукам* [Молотков 1977: 128], *морской волк, синий чулок, вольная птица, филькина грамота, медвежий угол, краугольный камень, цепная реакция, открытие Америки, переливание из пустого в порожнее* [Чепасова 1983: 10–11, 1985: 9] не имеют общего значения лица или предмета (конкретного или абстрактного), как утверждают названные учёные. Обладая грамматическим значением предметности, они называют не субстанции, а предметно представленные свойства, качества, состояния, действия, отношения [Грамматика-80, 1: 453]. В реальной действительности с ними соотносятся не вещи, а признаки – свойства и отношения вещей. Первичной синтаксической функцией в предложении для них является функция предиката, остальные синтаксические функции – подлежащего, дополнения – являются для них вторичными, производными, обусловленными грамматической метафоризацией. Ср. [Молотков 1977: 128].

К фразеологизмам с идентифицирующим значением примыкает небольшое количество прономинальных фразеологизмов. Местоимения выполняют, как известно, не номинативную, а заместительную, дейктическую функции: они замещают слова–названия, указывают на предметы, признаки (в широком смысле) и количество. Местоимения имеются во всех языках (они, как известно, являются языковой универсалией), в которых они делятся на одни и те же подгруппы – личные, возвратные, указательные и др. Однако, несмотря на кажущуюся компактность этой группы слов, учёные отмечают их коммуникативную разнородность [Бенвенист 1974: 285]. Именно этим можно объяснить тот факт, что не все учёные выделяют местоимения в качестве отдельной части речи [Щерба 1957: 63–34; Стеблин-Каменский 1974: 19–33].

В центре группы местоимений находятся личные местоимения *я – ты*, которые указывают на коммуникантов, периодически меняющихся коммуникативными ролями. Они «обслуживают» прагматическую сферу языка, и их языковое назначение (следовательно, и значение) заключается не в том, чтобы называть и характеризовать человека по каким-то отличительным признакам, а лишь в том, чтобы указывать на него как на производителя и получателя речи. *Я* – это любой говорящий. В этом своем качестве человек не нуждается в разнообразных определениях и конкретизациях. Всё вышесказанное объясняет в какой-то мере факт отсутствия в русском языке фразеологических единиц со значением личных местоимений *я – ты*. Единственное исключение – *аз многогрешный (грешный)* – можно квалифицировать как цитату, маркированную в речи социально и стилистически: эта идиома сегодня встречается в речи преимущественно интеллигентов и служит средством создания иронического или шуточного эффекта. Идиоматичность данной единицы обусловлена наличием в её составе «чужеродного» элемента *аз* (старославянизм) и постпозиционного эпитета *многогрешный*, что в целом определяет «религиозную» коннотацию устойчивого оборота, находящуюся в противоречии с современным социальным статусом говорящего.

Местоименные существительные *ваш брат* ‘вы и вам подобные’, *наш брат* ‘мы и нам подобные’, *ваша сестра* ‘вы и вам подобные женщины; все вы, женщины’, *наша сестра* ‘мы и нам подобные женщины; все мы, женщины’ не являются прагматическими

индексалами, как личные местоимения *я – ты*, то есть не служат средством соотнесения речевых актов с говорящим. Основная их функция – дейктическая: они указывают на принадлежность говорящего и слушающего к определенной социальной группе, члены которой объединены общностью пола, вида деятельности, возраста и др. Использование их в речи регламентировано так называемыми прагматическими правилами, которые рассматриваются исследователями как вид пресуппозиции – фоновых знаний говорящего об условиях актуализации данных единиц, зависящих от социального статуса участников коммуникативного процесса, от их языковой компетенции. Присущая данным фразеологическим единицам предельная абстрактность значения «снимается» широким контекстом или ситуацией общения. Идиома *ваш брат*, например, относится к собеседнику, не маркированному по признаку пола: им может быть как мужчина, так и женщина: *Вот вы журналистка. Ваш брат должен быть справедливым.* Идиома *наш брат* употребляется в речи преимущественно мужчиной: *Нашего брата, старого холостяка, принято высучивать.* Она может иметь и собирательное значение: *Я раб, внук крепостного. Прежде чем мы, чумазые, выйдем на настоящую дорогу, много нашего брата ляжет костью.* Что же касается идиом *ваша сестра* и *наша сестра*, то они, имея значение собирательности, соотносятся всегда с существами женского пола. При этом оборот *ваша сестра* может использоваться в речи как мужчиной, так и женщиной; единица же *наша сестра* произносится лишь женщиной.

Местоимения остальных разрядов в идиоматике русского языка представлены преимущественно так называемыми определительными местоимениями: *каждая собака* ‘всякий, каждый, любой’; *каждый встречный, первый встречный* ‘всякий, любой человек, кто угодно’; *всех и каждого* ‘абсолютно всех’; *всё про всё* ‘абсолютно всё’; *от мала до велика* ‘абсолютно все’ и др. Например: Страна *от мала до велика* влюбилась в эту тёмноволосую, с каким-то детским, распахнутым взглядом женщину (ЛГ, 12 февр. 1986). Идиома *ни одна собака* ‘абсолютно никто’ относится к отрицательным местоимениям. Актуализация в речи таких фразеологических единиц также может определяться прагматическими правилами, которые иногда эксплицируются в словарных дефинициях с помощью помет-приложений *о человеке, о людях*. Например: *абсолютно никто. О людях* [ФСРЯ: 443].

3.2. Фразеологические единицы с предикатным значением, их номинативная сущность

Основная часть идиоматики русского языка представлена единицами с предикатным типом значения. Предикатный (иначе – предикативно-характеризующий, признаковый) тип значения идиом обусловлен тем, что их содержание формируется в высказывании в недрах его предикативного (пропозиционального) ядра для удовлетворения определённой коммуникативной и прагматической потребности, постоянно «шлифуется» под влиянием выполняемой ими коммуникативной роли и «откладывается» в их виртуальном содержании. Фразеологическое (идиоматическое) значение, таким образом, представляет собой конденсацию, свёртку семантической структуры предложения.

Эту специфику фразеологического значения отмечал еще акад. В. В. Виноградов. Характеризуя именные фразеологические единства как сложную и разнородную по представленным в ней группам устойчивых сочетаний категорию, среди языковых причин, способствующих их формированию, акад. В. В. Виноградов указал синтаксическую специализацию таких единиц, т. е. их употребление в строго фиксированной грамматической форме и синтаксической функции. Например, шутливо-фамильярное выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции сказуемого: Медик пьян как сапожник. На сцену – *ноль внимания* (А. П. Чехов. Красавица) [Виноградов 1972: 27]. Можно провести аналогию между фразеологическими единицами такого типа и словами с функционально-синтаксически ограниченными значениями. Отмечая, что синтаксические свойства таких слов как члена предложения (сказуемого) здесь как бы включены в их семантическую характеристику, В. В. Виноградов определял их значение как предикативно-характеризующее [Виноградов 1953: 24]. Такие слова (существительные), входя в состав фразеологических единств типа *старый колпак*, *пятая спица в колеснице*, *гусь лапчатый* (ср. *гусь* с тем же значением, в той же функции сказуемого), *мастер на все руки* (ср. *мастер*, *мастак*) [Виноградов 1946: 63], формируют значения фразеологических единств. Это позволяет квалифицировать значение таких фразеологических единств в качестве предикативно-характеризующего: выполняя функции сказуемого, они одновременно оценивают, характеризуют названные признаки предмета.

Многообразные и разносторонние отношения между предметами объективной действительности находят в языке соответствие в определённых синтаксических моделях. Картина мира, отражаемая в содержанки текста, «не может объективироваться иначе, чем в синтаксических моделях, предназначенных языком для того или иного содержания» [Золотова 1982: 15]. Ср.: «В конечном счёте все лингвисты исходят из признания того, что семантическая структура предложения изоморфна отражаемой им реальной ситуации» [Распопов 1981: 26]).

Центральной категорией семантической структуры предложения, формирующейся на основе взаимодействия синтаксических значений членов предложения и лексических значений слов, является (наряду с субъектом) предикативный признак, т. е. признак, выявляющийся в объективно-модальном плане (в комплексе значений времени и реальности / нереальности [Грамматика–80, П: 86, 124]). Тип предложения (синтаксическая модель, схема), лежащий в основе его семантической структуры, обусловлен типом предиката, который в свою очередь соотносится с объективной действительностью, отражая её так, как это доступно нашему языковому сознанию. В этих различиях структурных типов предложения и проявляется «план связи предложения с внеязыковым миром» [Золотова 1982: 24].

Предикатные идиомы реализуют своё признаковое значение в разных грамматических классах единиц по-разному. По соотнесённости с традиционно вычленяемыми частеречными классами предикатные идиомы делятся на два разряда: глагольные (классические предикаты) со значением процессуальности (*плыть против течения, чужими руками жар загребать, бить баклуши*) и именные, представленные такими группами, как субстантивно-предикативные (*мокрая курица, камень преткновения*), адъективно-предикативные (*семи пядей во лбу, молоко на губах не обсохло, пороха не выдумает*), наречно-предикативные (*кот заплакал, под рукой, на носу*). Значение субъекта и объекта как бы включены в их содержание, которое в связи с этим может быть охарактеризовано как «скрытая синтагма». При этом если указание на объект в содержании фразеологических единиц может проявляться факультативно, то ориентация на субъект, производитель действия или носитель состояния и свойства, обязательна.

Так, глагольные фразеологические единицы требуют заполнения субъектной позиции слева (*кто-либо бьёт баклуши*), реже – и

объектной позиции справа (*кто-либо виляет хвостом перед кем-либо, кто-либо без ножа зарезал кого-либо*). Субстантивно- и адъективно-предикативные фразеологизмы актуализируются с препозитивным субъектным актантом, который выражается именем существительным или его субститутами в форме именительного или родительного падежа с предлогом или без него (*кто-либо божья коровка, кто-либо богом обижен, у кого-либо ветер в голове гуляет, кого-либо рукой не достать*); реже заполняется объектная позиция справа (*кто-либо правая рука кого-либо, кто-либо на голову выше кого-либо*).

Функциям указания на предмет (идентифицирующая функция) и выражения сообщаемого (предикация) в логике и актуальной грамматике соответствуют три пары соотносительных понятий: субъект и предикат, тема и рема, подлежащее и сказуемое. Это значит, что в типичных для них условиях функционирования идентифицирующие имена являются субъектом логического суждения, называют уже известный предмет (*тема, данное* – в аспекте актуального членения высказывания) и выполняют функцию грамматического подлежащего. Соответственно, предикатные имена могут быть предикатами логического суждения, сообщают новую информацию (*рема, новое*) и употребляются в роли сказуемого [Арутюнова 1960: 162 и след.].

Предикатные имена, по мнению Н. Д. Арутюновой, делятся на 1) слова, обладающие только понятийным содержанием, не приспособленные к денотации, референции (прилагательные и глаголы), – так называемые монофункциональные знаки, и 2) слова, наделённые полной семантической структурой, т. е. способные реализовать как сигнификативное, так и денотативное значения (существительные), – бифункциональные знаки. Предикаты первого типа лишены, по мнению Н. Д. Арутюновой, референции, т. е. не способны указывать на предметы, называть их [Арутюнова 1976: 329].

Признание того факта, что идентифицирующие имена и предикаты резко различаются содержательно (первые представляют денотат, референт, экстенционал, вторые – сигнификат, интенционал [Степанов 1980: 311]), не означает, на наш взгляд, отрицания номинативной сущности предикатов, в том числе и «чистых» предикатов – прилагательных и глаголов, т. е. их способности к референции – отнесённости (через концептуальное содержание) к объективному миру, их способности представлять, репрезентировать признаки предме-

тов, называемых идентифицирующими именами. В этом вопросе, несмотря на категорическое заявление Ю. С. Степанова о том, что предикаты не именуют ни предметов, ни понятий [Степанов 1980: 312], до последнего времени сосуществуют альтернативные мнения. Первая точка зрения, как мы уже показали, наиболее ортодоксально представлена в работах Н. Д. Арутюновой и Ю. С. Степанова. Альтернативного мнения придерживаются В. Г. Гак, А. А. Уфимцева, Г. А. Золотова и др. Так, В. Г. Гак, признавая отношение «имя существительное – предмет» ядерным, основным типом номинации, считает, что «расширение понятия лингвистической номинации идёт как за счёт широкого понимания её содержательного аспекта, так и по линии более широкого понимания средств номинации в их формально-структурном аспекте» [Гак 1977б: 233]. По мнению учёного, выражение в языке несубстанциональных элементов действительности: свойств, качеств, отношений, процессов, действий, состояний – с помощью прилагательных, наречий, глаголов – тоже следует квалифицировать в качестве номинации [Там же].

В разряд называющих слов А. А. Уфимцева включает нарицательные имена, относящиеся к основным частям речи: существительным, глаголам, наречиям. «Знаменательные слова в любом языке, обслуживая в качестве знаков первичного означивания номинативную деятельность человека, лежат в основе формирования абстрактного способа опредмечивания объективного мира и, как репрезентанты предметов, их свойств и отношений, являются одновременно их названиями» [Уфимцева 1980: 34–35].

Номинативная сущность предикатных имён признается в работе [Земская, Китайгородская, Розанова 1983]. В разделе, названном «Метафорическая номинация», приводятся примеры субстантивной метафоры (А: *Наши играли ужасно. Б: **Бледные тени** немощные. Макароны какие-то. А: Она похожа на тебя. Б: Да-а. Только она **рыба** или **каша**. Вялая.*) и метафоры, возникшей на основе признаков слов: *Он её **искусал** по телефону несколько раз. Ты что не знаешь, как она на даче живёт? **Пашет** на всю семью. Смотри как ты здорово здесь **окопалась*** [Там же: 197–198] и др.

Как видно из примеров, все случаи метафорического употребления слов, в том числе и те, что названы здесь субстантивной метафорой, относятся к предикатным словам. Такие языковые единицы признаются авторами «наименованием в широком смысле». Номи-

нативная специфика их специально не раскрывается, авторы ограничиваются общими определениями типа «служит целям образной характеристики и оценки предмета речи» [Там же: 197], «используется как средство образной семантически ёмкой характеристики действия» [Там же: 198]. Надо полагать, однако, что квалификация таких слов в качестве номинации здесь не случайна.

Предикатный (признаковый) характер фразеологической семантики, как мы уже говорили, не исключает номинативной предназначенности фразеологизмов. В речевых актах они не только сообщают новую информацию о предмете речи (о его свойствах, качествах, действиях, состояниях и других признаках), названном идентифицирующим именем, но одновременно являются и названиями сообщаемых признаков. Трудности, возникающие при выявлении номинативной сущности актуализируемых в речи фразеологических единиц, связаны прежде всего со спецификой их денотатов: они называют не дискретные предметы реальной действительности, а их существенные признаки, их атрибуты, которые не существуют и, следовательно, не мыслятся вне этих предметов, «включены» в них, суть проявления их онтологических параметров.

Идиомы представляют собой такие признаковые имена, которые обозначают и характеризуют преимущественно психические свойства человеческой личности (эмоции, чувства, ментальную деятельность, память), её моральные качества, дают её социальную, межличностную оценку. Эти характеристики человека не существуют в качестве отчуждённых от него признаков, не являются чем-то внешним по отношению к нему. Ср.: «Читая в романе г. Сенкевича «Огнем и мечом» <...> «Гнев закипел в его душе», мы понимаем, что от гнева закипел кто-то, т. е. мы знаем, что гнев – это чьё-то поведение, вызванное определённым раздражителем, и нашему здравому смыслу и интуитивному пониманию слов противоречило бы представление, что гнев, кипящий в чьей-то душе, – это «делокализованный» гнев, происходящий в чём-то внепространственном» [Дорошевский 1973: 47].

Понимая психическую деятельность в качестве неотъемлемого параметра человеческой личности, в речи говорящие, тем не менее, склонны экстерииоризировать константы психики – «чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, рас-

каяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определённые, дружеские или враждебные, отношения <...>». [Арутюнова 1976: 94]. Такая экстерииоризация компонентов психики происходит лишь на поверхностно-грамматическом уровне предложения. Ср.: *Меня мучает стыд* – ‘я стыжусь’. *В нас горят желанья* – ‘мы желаем’. *У меня душа ушла в пятки* – ‘я испугался’ и др. Она обусловлена сложностью, «ненаблюдаемостью» внутреннего мира, который именно в силу этого моделируется по образцу внешнего, материального мира. «Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и описывают, и в то же время непосредственно создают его. Их изучение поэтому проливает свет и на структуру и на свойства человеческой психики» [Там же: 95].

Существует мнение, что лингво-семантический подход к анализу психической деятельности человека, в частности, его эмоций, позволяет более точно определить шкалу психологических понятий, отсутствующую в самой психологии, например, понятие «эмоциональное состояние» [Галунов, Манеров, Устинович 1978: 124–125].

Известно, что дискретные объекты действительности (в философии им соответствует категория вещи) относительно легко вычлняются и воспринимаются и в онтогенезе, в ходе индивидуального развития человеческой личности, и филогенетически – в ходе поступательного развития общественного познания в целом. Что касается свойств и качеств предметов, особенно их отношений, то они открываются и классифицируются постепенно, в процессе научного познания и практической деятельности человека. «Категория отношения является более сложной и абстрактной, чем, скажем, категории вещи и свойства. Вещи и свойства часто можно непосредственно видеть, слышать, вообще чувственно воспринимать. Отношение же чувственно не воспринимается. Не случайно ребенок усваивает понятия об отношениях позже, чем понятия о вещах и свойствах» [Уемов 1963: 47].

Высокой степенью абстрактности, свойственной значениям идиом, отражающих различные свойства и отношения предметов реального мира (в том числе и «невидимого мира» – человеческой психики), можно объяснить явления этимологизации, буквального понимания значения фразеологизмов разного типа (в том числе и пословиц) детьми младшего возраста. Только с развитием у ребенка

абстрактного мышления ему становится доступным фигуральный смысл идиом, и он начинает использовать их в своей речи.

Предмет внешнего мира, о котором идёт речь, не идентифицируется до тех пор, пока не осуществляется предиктивное, т. е. приписывание предмету определённых свойств. Оба ментальных процесса – указание на предмет и предиктивное – осуществляются в речевых актах симультанно. Предикатные значения, отражающие свойства, признаки предметов, следовательно, участвуют в процессах идентификации, *resp.* номинации. Это даёт нам основание приписывать им способность к денотации, референции. Ср.: «Сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соотв. событию), а не к слову, его называющему. Отнесённость к действительности поэтому и принято считать основным свойством предикации» [Арутюнова 1976: 328].

О нерасчленённости функций указания и сообщения в содержании предикатных единиц свидетельствует, на наш взгляд, и тесная связь субъекта и предиката: субъект предназначен не только для идентификации предмета речи, он выполняет ещё одну важную задачу – создаёт семантический фон для экспликации значения предиката. Субъект связан с предикатом посредством не только родовых, но и видовых признаков, свойственных субъекту и обеспечивающих его семантическое согласование с предикатом. Поэтому в конкретном речевом акте в субъекте актуализируются те свойства, которые способны обеспечить понимание новой информации, поступающей о данном субъекте. См. [Арутюнова 1977: 331–332]. Таким образом, субъект, будучи семантически бифункциональным (в его содержании наличествуют идентифицирующий, направленный на внеязыковую действительность, и характеризующий, сообщающий, ориентированный на предикат, семантические компоненты), тем самым обеспечивает референцию предиката, *resp.* актуализирует его в качестве номинативной единицы.

Дополнительную аргументацию нашего мнения мы усматриваем и в явлении «обратимости» субъекта и предиката, наблюдаемом в структуре тема-рематической основы высказываний, образующих относительно законченный текст. Отношения «субъект – тема – идентифицирующее имя / предикат – рема – признаковое имя» являются наиболее типичными, классическими. В реальных же речевых условиях они могут существенно трансформироваться. В процессе

текстообразования номинация и предикация могут перманентно меняться местами (ролями): номинация как тема рассматриваемого предложения восходит к предикации как реме предшествующего предложения. Или иначе: рема (предикат) предыдущего предложения диалектически преобразуется в тему (субъект) последующего, рема которого, в свою очередь, может быть оформлена в качестве темы следующего за ним предложения. Например: *Я люблю тебя. Моя любовь сильна и безгранична. Сила любви моей способна разрушить все преграды* и т. д. Использование предикатных существительных в целях конкретной референции (в позиции субъекта) требует, как правило, местоименных детерминативов (*этот, такой, мой, наш* и др.), которые выполняют функцию идентификации не изолированно, а только в сочетании с этими предикатными именами. Ср.: [Арутюнова 1976: 349].

Описанные выше явления получили название грамматической метафоры или номинализации [Степанов 1975: 142–143; Телия 1981: 142–160]. Номинализация – это представление признака предмета (действия, состояния, свойства и т. д.) в виде субстанции, опредмечивание, субстантивация глагольных и адъективных единиц: *бежать – бег; белый – белизна; гадать на кофейной гуще – гадание на кофейной гуще; переливать из пустого в порожнее – переливание из пустого в порожнее* и т. д.

Номинация создается в русле предикации и сама является ресурсом предикации. Конкретный речевой акт представляет собой непрерывный процесс взаимоперехода предиката как носителя ремы в субъект как носитель темы последующего предложения. Следовательно, признание референтности идентифицирующих имён влечёт за собой и констатацию референтности (resp. номинативности) предикатов.

Привлекают внимание в интересующем нас плане и случаи употребления предикатных субстантивов со значением лица в функции обращения: *Молчи, пустая голова!* Да, тропочка-то где ж, *мякиная ты голова?* Ты для чего тут поставлен, *дубина стоеросовая?* Основная функция обращения – называние того, к кому направлена речь, – часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего к адресату речи [Грамматика-80, П: 164]. Употребление предикатных имён в функции обращения выявляет их функциональную двойственность: в их содержа-

нии в таких речевых условиях эксплицируются как идентифицирующий, так и признаковый компоненты.

Семантическая дифференциация идентифицирующих и предикатных имён носит не абсолютный, а относительный характер, на что неоднократно указывали исследователи. По мнению Г. В. Колшанского, между грамматическим субъектом и предикатом, с одной стороны, и типами значений слов и словосочетаний, выступающих в роли субъекта и предиката, с другой, отсутствует жёсткая детерминация. Что же касается семантических классов слов, традиционно заполняющих позиции грамматического субъекта и предиката, то можно говорить лишь о преобладающей, частотной для них синтаксической функции. Так называемые идентифицирующие и предикатные имена действительно выступают в высказывании в роли соответственно субъекта и предиката. Однако это не означает, что в конкретном высказывании такие имена не способны выполнять не характерные для них – противоположные – синтаксические функции [Колшанский 1979а: 321].

Аргументируя номинативный характер фразеологической семантики, мы могли бы утверждать, что фразеологизмы именуют не предметы (в широком смысле), а понятия о них (такое мнение встречается в отдельных работах). Но известно, что обозначение предмета (или класса предметов) всегда опосредовано понятием о нём, содержанием которого (понятия) является отображение в нашем сознании совокупности отличительных (существенных и несущественных) свойств и признаков предмета. Кроме того, принятие такой точки зрения привело бы нас к признанию унилатеральности, односторонности языкового знака. Мы же стоим на позициях двусторонней природы языкового знака: первая сторона знака – его материальный экспонент, чувственно воспринимаемый в процессе общения; вторая сторона – идеальная, «включающая а) отражение экспонента в сознании и б) общественно закреплённую за этим экспонентом содержательную информацию, т. е. содержание знака» [Маслов 1967: 285]. См. также [Уфимцева 1970: 112]; ср.: [Солнцев 1971: 109–112]. «Сущность всякого знака заключается в том, что он является знаком чего-то, а это «что-то», конечно, должно быть вне его самого – иначе знак и не был бы знаком <...>» [Шмелёв 1973: 15–16]. Это «что-то», находящееся вне фразеологического знака, суть признаки (в широком смысле) предметов объективного мира, отражаемые в языковых формах.

Иллюзия нереперентности, неденотатности фразеологических единиц идиоматического характера создаётся и поддерживается, таким образом, спецификой их денотатов: это классы не предметов, а признаков (свойств и отношений) предметов. Они существуют в объективной действительности не изолированно (хотя как объекты научного познания они могут «отчуждаться» от предметов), а в качестве своеобразных инкрустаций, инкорпораций в «плоть» предметов, являясь их отличительными признаками.

Следовательно, фразеологизмы с признаковым типом значения могут быть квалифицированы как бифункциональные знаки, осуществляющие и идентифицирующую, и предикатную функции. Эта функциональная двойственность фразеологических знаков обнаруживается в том, что их знаковая форма представляет собой свёрнутую пропозицию, субъект которой включен в неё в качестве переменной.

3.3. К типологии идиоматических предикатов

В отечественном языкознании последних лет наметился пристальный интерес к проблеме построения универсальной классификации предикатов, которая строится с учётом таксономии субъектов. Эта комплексная проблематика получила отражение в серии работ, опубликованных в «Известиях АН СССР» [Колшанский 1979а; Арутюнова 1979; Степанов 1980; Богуславский 1980], а также в монографиях [Степанов 1981а; Золотова 1982; Семантические типы предикатов 1982] и др.

Семантика идиом, представляющих собой, как мы пытались показать выше, в основной своей массе классические предикаты, не была до сих пор предметом специального анализа в указанном аспекте. В данной работе мы поэтому не ставили перед собой цели дать законченную таксономию фразеологических предикатов, а лишь сделали первые шаги в выявлении их типов. Такая таксономия, несмотря на коллективные усилия, не создана даже для лексики: в монографии «Семантические типы предикатов» предложено два варианта классификационной сетки лексических предикатов, которые, различаясь в частности, в основном дополняют друг друга. Ср. [Булыгина 1982; Селиверстова, Ишевская 1982].

Многообразие форм и значений предикатов тесно связано с типами предложений. «Правомерность постановки вопроса о соотноси-

тельности типов предикатов и типов предложений сомнений теперь, очевидно, не вызывает», – отмечает Г. А. Золотова [1962: 168], имея в виду «заслугу Грамматики-80, освятившей своим авторитетом признание необходимости семантического анализа синтаксических конструкций и разработавшей опыт такого анализа» [Там же: 16].

Обращение к категориям синтаксической семантики, как мы уже говорили, позволяет уточнить содержательную характеристику фразеологических единиц. Основная масса фразеологизмов формируется в недрах пропозитивного ядра предложения, представляющего собой субъектно-предикатные отношения в высказывании. Этим изначально детерминирован признаковый характер значения фразеологических единиц основных грамматических разрядов. Вычлененные из пропозиции и представленные в качестве виртуальных единиц, фразеологизмы не потеряли связи с другими категориями семантической структуры предложения: значения актантов (субъекта и объекта, реже – обстоятельства) включены в их содержание, которое представляет собой пропозитивные (пропозиционные) свёртки, легко развёртывающиеся в речи в пропозитивное ядро высказывания, определяющее его актантную конфигурацию.

Признаковое значение фразеологических единиц разных семантико-грамматических (частеречных) разрядов имеет свою специфику: глагольные единицы обозначают действия и состояния предметов, субстантивные и адъективные – состояния, свойства и признаки предметов, адвербиальные – признаки действия, количество (множественность) предметов, а также субъектные и бессубъектные состояния.

Типология фразеологических предикатов может базироваться на учёте разных их сторон – как собственно содержания в его соотносённости с реальной действительностью, так и характера актуализации этого содержания, учитывающей актантную конфигурацию фразеологических единиц. Мы предлагаем следующие две классификации фразеологических предикатов.

А. Классификация, учитывающая собственно содержание идиом безотносительно к их категориальному значению и лексико-грамматической форме. В её основу положена классификация основных семантико-грамматических моделей предложений, разработанная Г. А. Золотовой [1982: 168–187].

1. Фразеологические предикаты с типовым значением состояния. Этот разряд представлен преимущественно глагольными фразеоло-

гизмами, характеризующими различные психические и физиологические состояния человека: *бить баклуши, болеть душой, карачун пришел кому, берeditь рану кому, братья за ум, впадать в ребячество, затянуть потуже ремень, вкушать пищу святого Антония* и др. Реже встречаются адъективно- и наречно-предикативные фразеологические единицы: *как в воду опущенный, ни жив ни мёртв, под градусом, разлили малина, хоть бы что, рукой подать, на носу, один шаг до чего, не за горами, хоть бы хны, ни жарко ни холодно* и др. Предикаты состояния, в отличие от предикатов, характеризующих постоянные свойства предметов, описывают временный, преходящий признак, актуальный для данного отрезка времени.

2. Фразеологизмы с типовым значением действия представлены глагольными единицами со значением физического действия и воздействия, движения и др.: *вышибать душу, выводить в расход, давать сдачи, намять бока; висеть на плечах, выкидывать кренделя, давать стрекача, мерить вёрсты, наступать на пятки* и др. Предикаты действия также обозначают временный, случайный признак.

3. Фразеологизмы с типовым значением постоянного, вневременного свойства, качества предмета представлены субстантивными и адъективными единицами, характеризующими физические и психические качества человека: *коломенская верста, базарная баба, мокрая курица, сонная тетеря, гусь лапчатый, бесструнная балалайка; мухи не обидит, голова варит, семи пядей во лбу* и др. Ср. глагольные фразеологизмы с таким же типом значения: *владеть пером, владеть словом* и др.

4. Фразеологизмы с типовым значением квалификации предмета представлены субстантивными и адъективными единицами, оценивающими социальный облик человека: *искатель приключений, соломенная вдова, дражайшая половина, седьмая вода на киселе, крапивное семя, жеребьячья порода, богом обиженный, канцелярская крыса* и др. Квалификация предмета, как и свойство, представляет собой постоянный, мыслимый вне временных рамок признак.

5. Фразеологизмы с типовым значением квантификации предмета представлены наречными единицами: *хоть пруд пруди, как собак нерезаных, вагон и маленькая тележка, куры не клюют, кот наплакал* и др. Количественный признак носит временный, преходящий, случайный характер.

6. Фразеологизмы с типовым значением непроцессуального признака действия или состояния (вторичные предикаты или предикаты

предикатов). В зависимости от характера их содержания и отношения к основному предикату (сказуемому) вторичные предикаты можно разделить на две группы: а) обозначающие признаки, внутренне присущие предикатам – их носителям, б) обозначающие признаки, внешние по отношению к их носителям. Этот разряд предикатов представлен наречными фразеологизмами.

а) К первой группе относятся собственно-характеризующие наречные фразеологизмы, обозначающие свойства, качества, способ действия, а также интенсивность проявления признака. Это традиционно выделяемые наречия образа действия и наречия степени. Наречные фразеологизмы образа действия, в свою очередь, делятся на подгруппы, выражающие частные виды общего значения качественности: способ протекания действия или состояния, являющийся их временным признаком (*с ходу, как пень, как по маслу, под шумок, с ветерком, как птица небесная, как у Христа за пазухой, на глазок, с треском, по шучьему велению, в пожарном порядке, без дураков, в один голос, на птичьих правах, по горячим следам, во все глаза, в поте лица* и др.), эмоциональную характеристику действия или состояние (*от души, в сердцах, без души, по душам, в глаза, с открытым забралом, под горячую руку, с распротёртыми объятьями, душа в душу* и др.).

К этой же группе наречных предикатов с качественно-характеризующим значением относятся наречия степени, обозначающие интенсивность проявления действия или состояния: *до чёртиков, до безумия, до белого каления, до глубины души, до зарезу, до костей, до мозга костей, до оскомины, до положения риз, в доску, в дым, до последней нитки, до последней копейки, до потери сознания, до седьмого пота, до смерти, до смешного, изо всех сил, во всю Ивановскую, во всю прыть, во весь дух, на полную катушку, на все сто, на ять, ни на шаг, ни на йоту, ни на волос, от души, по уши, по горло, как из ведра, как банный лист* и др.

б) Ко второй группе относятся наречные фразеологические единицы, обозначающие внешние по отношению к носителю признаки: место протекания действия или состояния (*в хвосте, в двух шагах, на лоне природы, на местах*), время (*к шапочному разбору, в кои-то веки, во времена оно, на каждом шагу*), совместность (*бок о бок, лицо в лицо, грудь в грудь, нос в нос, лоб в лоб, рука в руку, ухо в ухо, ноздря к ноздре, плечо к плечу, рука об руку, нос к носу*), причину (*из*

спортивного интереса, ни с того ни с сего), цель (*ради красного словца, про чёрный день, для блезиру, для отвода глаз, для отвода души*).

Дальнейшая семантическая рубрикация наречных фразеологических единиц связана с ограничениями, накладываемыми на их сочетаемость с глаголами. Эти ограничения вызываются как собственно языковыми причинами (закрепленностью языкового значения за определенной сферой внеязыковой действительности), так и экстралингвистическими факторами – характером связи между самими предметами в объективном мире. Широким объемом значения и, следовательно, свободной сочетаемостью обладают, например, наречные фразеологизмы *с бухты-барахты, с кондачка, очертя голову, единым духом* и др.

Закрепленность за определённой темой, указание на процесс, ограниченный рамками определённой сферы деятельности или состояния человека, характеризует значение части адвербиальных фразеологических единиц. Такое семантическое развёртывание наречных фразеологизмов обусловлено характером лексического значения их компонентов, а также свойственной им пресуппозицией – внеязыковой (знание специфических форм проявления тех или иных действий и состояний) и языковой – совместным воспроизведением фразеологической единицы и её окружения, доведённым до психо-физиологического автоматизма.

Лексические значения компонентов фразеологизмов *слово в олово, русским языком, во всю глотку* имплицитно подразумевают сочетаемость данных единиц с глаголами речи – *говорить, повторять, кричать, орать* и др. Внеязыковая пресуппозиция определяет семантическую «прозрачность», конкретность фразеологических единиц *во все лопатки* (бежать), *с глазу на глаз* (находиться, говорить), *плечом к плечу* (идти), *как на пожар* (спешить), *с распростёртыми объятьями* (встречать), *бок о бок* (находиться) и др. (ср. понятие лексической солидарности, предложенное Э. Косериу). Прозрачность семантики таких единиц поддерживается прозрачностью, живостью их внутренней формы – мотивирующих образов и представлений, общечеловеческих, знакомых носителям не только одного (например, русского), но и всех языков. Внутренняя форма выступает в этих случаях в качестве прогностического фактора, способствующего узнаванию и пониманию содержания таких фразеологических единиц и, следовательно, их правильному употреблению в речи.

Наречные фразеологические предикаты, обозначающие признак признака, выраженного именем прилагательным в полной или краткой форме, не характерны для идиоматики русского языка. Они обозначают преимущественно качественно-характеризующий признак постоянного или, реже, временного, преходящего характера – интенсивность проявления признака: *красный как рак*, *белый как мел*, *бледный (бледен) как смерть*, *похож, схож как две капли воды*, *седой как лунь* и др.

Б. Другим основанием классификации фразеологических предикатов являются их связи с субъектом и объектом. Как мы уже отмечали, субъект и предикат семантически взаимосвязаны и взаимобусловлены: значение предиката задается субъектом, и, наоборот, предикат имплицитно задает тип субъекта. Облигаторная субъектная ориентация фразеологических предикатов проявляется и в тех случаях, когда они реализуются не в канонической – подлежащно-сказуемой – модели предложения.

Здесь уместно напомнить, что учёные отмечали непоследовательность критериев, на основе которых выделяются подлежащее и сказуемое в предложениях разного типа, и абсолютизацию морфологической формы их выражения (подлежащее – в форме именительного падежа существительного или местоимения и т. п.) [Шмелёв 1976: 37–38]. См. также [Золотова 1982: 20–21].

Учитывая связь предиката с субъектом и объектом, а также тип субъекта и специфику выражения семантических категорий субъекта и объекта в содержании предикатов, можно предложить второй вариант классификации фразеологических предикатов.

1. Предикаты с субъектной локализацией – одновалентные номинации. Семантический субъект, включённый в содержание фразеологического предиката, репрезентируется в значениях лица и предмета. Основная масса фразеологических предикатов ориентирована относительно лица. Это обусловлено спецификой значения идиом, как особых прагматических единиц, призванных выражать интеллектуальные и эмоционально-волевые побуждения говорящего в их направленности на возбуждение соответствующих психических сфер слушающего.

а) Предикаты, ориентированные на субъект-лицо, представлены глагольными фразеологическими единицами (*братся за ум*, *знать себе цену*, *бить тревогу*, *болтать языком*, *гадать на кофейной гуще*,

танцевать от печки, держать язык за зубами, жевать жвачку, бить в набат, брать быка за рога и др.), а также частью субстантивных и адъективных единиц (*божья коровка, волк в овечьей шкуре, без царя в голове, остёр на язык, от горшка два вершка* и др.). Субъект при таких предикатах обычно локализуется в позиции слева и выражается каноническими формами – именительным падежом единственного или множественного числа существительных или их заместителей (собственных имен, местоимений и др.). Примеры: Максим Иванович *знал себе цену*, любил распоряжаться и доминировать в своей среде. Ничего ты не можешь, зря только *языком болтаешь*. Ты, братик, тоже *держи язык за зубами*. Генерал ведь только петушится, а на деле он *божья коровка*. Появился Гришка Челкаш, *старый травленный волк*. Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, несколько приглуповат и, как говорят, *без царя в голове*. Да он *о двух головах*, что ли?!

Агенс при таких предикатах может репрезентироваться и косвенными падежами существительных или их субститутов, при этом в эмоционально индифферентных предложениях, с прямым порядком слов, субъект локализуется преимущественно в позиции слева, а в предложениях с эмфатическим порядком слов – в позиции справа: *из кого песок сыплется, у кого голова закружилась, у кого голова соломой набита, у кого ветер в голове гуляет, у кого голова варит, у кого есть ещё порох в пороховницах, кого из пушки не прошибёшь, у кого ума палата, у кого лужёная (медная) глотка, у кого нос не дорос* и др. Ср.: предложения с прямым порядком слов: Из неё *песок сыплется*, а она *пляшет*. А у молодого пескаря *ума палата* была. У них *глотки лужёные!* Предложения с эмфатическим выделением идиом: *Голова закружилась* у бедной степнячки. Но ты большой парень, и *голова на плечах* у тебя есть.

б) Предикаты, ориентированные на субъект-предмет (отвлечённый), относятся к разряду субстантивных фразеологических единиц. Субъект при них может быть манифестирован существительными со значением абстрактного предмета, явления: *ариаднина нить, бабьи сказки, больной вопрос, буря в стакане воды, детский лепет, длинная песня, золотое дно* и др. Примеры: – А верно, что над пленными большевики издеваются? – *Бабьи сказки!* И противоречие Чацкого смешно, потому что оно – *буря в стакане воды*. И потому вся поэма – *детский лепет*, полный поэзии, но скудный

значением. Когда напечатается Одиссея, вы также её получите; но это ещё *долгая песня*.

2. Фразеологические предикаты с субъектно-объектной локализацией – двухвалентные номинации. Субъект и объект репрезентируются преимущественно именами со значением лица, реже – предмета. Актантная рамка таких единиц (в условиях нейтрального текста) имеет следующую структуру: в позиции слева – агенс, в позиции справа – пациенс. В этот разряд предикатов входят глагольные единицы (*перешагнуть через порог кого-чего, воротить нос от кого-чего, приложить руку к чему, вилять хвостом перед кем, брать на арапа кого, брать на буксир кого-что, без ножа зарезать кого, верёвки вить из кого, держать на привязи кого, поставить на ноги кого, наступать на ноги кому, поставить на колени кого*), а также субстантивные и адъективные (*что заключительный аккорд чего, что альфа и омега чего, кто-что плоть от плоти кого-чего, кто на голову выше кого, кто правая рука кого, кто на ножках с кем* и др.). Примеры: Иначе он не *перейдёт через порог* этого дома. Собери свои мысли и сосредоточься ранее, чем *переступишь порог* начальника. По её мнению, строители любят объёмные работы, а от мелкой отделки *нос воротят*. Нам тебя нельзя уважать, потому что мы у тебя в руках, ты из нас *веревки вьешь*. А нас *на буксир* никто ещё не *брал*. Энергетика, – сказал строитель, – это *альфа и омега* народной жизни. Мы – *плоть от плоти* славянофилов, духовные их наследники. Вы у него *правая рука*. Тут начальник станции со мной *на ножках*, ворует мерзавец, а я мешаю.

В отличие от глагольных предикатов–лексем, в содержании которых может присутствовать, в скрытой или явной форме, указание на все координаты речевого акта – коммуникантов, время, место и др., в содержании глагольных фразеологических предикатов присутствуют указания преимущественно на коммуникантов – агенс и пациенс. Предикаты, имеющие в своей актантной рамке указания на пространственные координаты речевого акта, в русской идиоматике встречаются реже: *высунуть нос* откуда, *запускать глаза* (*глазенapy*) куда, *запустить руку* во что, куда и др.: Но они боялись *высунуть нос* из города. Не позволял его тестю, черногорскому князю, *запускать лапу* в русскую казну. Ногтев блуждал и *запускал глазенapy* на окна.

Таким образом, намечена предварительная комплексная типология фразеологических (идиоматических) предикатов, построенная

на нескольких основаниях. Многомерность классификации предикатов, базирующейся на гетерогенных основаниях, обусловлена сложностью семантической структуры фразеологических единиц, отражающей многосложную структуру внеязыковой ситуации и познающего её сознания-мышления.

3.4. Фразеологизмы с прагматическим значением

Кроме рассмотренных выше кардинальных функционально-семантических разрядов идиом, обслуживающих сферу номинативно-классифицирующей деятельности человека, в идиоматике русского языка имеются единицы, обслуживающие преимущественно прагматику языка – сферу коммуникации, связанную с выражением отношения говорящего к сообщаемому и сообщаемого к действительности. В традиционной грамматике к этой сфере речевой деятельности относят категорию модальности. Модальность – это содержательный признак высказывания, который с помощью языковых средств разных уровней выражает отношение говорящего к сообщаемому и / или сообщаемого к действительности.

К сфере модальных значений, как известно, откосятся разные языковые явления и их значения: 1) объективно-модальные значения, передающие отношение сообщаемого к действительности, – это слитые воедино значения реальности / нереальности и значения времени; объективно-модальные значения обязательны для всех предложений-высказываний; 2) субъективно-модальные значения, передающие отношение говорящего к сообщению и выражаемые разнообразными языковыми средствами и их комбинациями (специальными синтаксическими конструкциями, повторами, словопорядком, модальными словами и частицами, вводными словами, словосочетаниями и предложениями, междометиями, интонацией и др. [Грамматика–70: 611–614; Грамматика–80, II: 214–236]. В вопросе о том, являются ли субъективно-модальные значения обязательным компонентом содержания предложения-высказывания, мнения учёных расходятся. Авторы Грамматики–70 утверждают, что «каждое высказывание, построенное на основе той или иной отвлечённой схемы предложения, обладает субъективно-модальным значением» [Граматики–70: 545]. Альтернативное мнение выражено в Грамматике–80: «Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий

может никак не выражать своего отношения к сообщению» [Грамматика–80, II: 215]. Думается, что эти противоречия во многом объясняются неразработанностью проблемы, отсутствием общепринятой номенклатуры субъективно-модальных значений и средств их выражения в языке, а также переходным характером многих языковых явлений, их «текучестью», неопределённостью, их способностью по-разному проявлять себя в процессе функционирования в речи. Представляется, что при широком подходе к понятию «отношение говорящего к сообщаемому», вытекающем из логики этого понятия, любое отношение сообщаемого к действительности (т. е. значение объективной модальности как обязательного признака высказывания) уже включает в себя и отношение говорящего к сообщаемому (значение субъективной модальности), так как любое сообщение выражает определённые коммуникативные интенции говорящего. В случае же отсутствия в высказывании каких-либо маркированных в субъективно-модальном отношении языковых средств субъективно-модальные значения обнаруживают себя на фоне конситуации – необходимого объясняющего контекста и / или совпадающей с ним по функции ситуации речи.

В данном разделе работы нас интересуют субъективно-модальные значения и их выражение с помощью разного типа фразеологических единиц. Это прежде всего идиомы, традиционно относимые к разрядам модальных и вводных словосочетаний, а также междометий. Общим признаком этих языковых единиц является их неспособность выполнять номинативную функцию: они выражают разнообразные эмоционально-волевые реакции и интеллектуальные оценки говорящего, но не называют их. Не относясь ни к самостоятельным, ни к служебным единицам и занимая промежуточное положение между ними, модальные единицы, тем не менее, более тяготеют к знаменательным словам. «Многие из них не принадлежат в той степени, как связочные, служебные слова, к области формально-языковых средств, – писал о модальных словах В. В. Виноградов. – Они более «лексичны», чем связочные слова» [Виноградов 1972: 32].

При этом учёные неоднократно отмечали трудности практической дифференциации этих языковых единиц друг от друга. «Модальные слова находятся во взаимодействии как с частицами речи, так и с разными категориями частей речи» [Там же: 43]. Практически трудно отграничить модальные слова от модальных частиц, вводных

слов, наречий и др., так как во многих из них совмещаются разные грамматические значения. Например, оборот *в самом деле* квалифицируется в «Словаре сочетаний, эквивалентных слову» как наречная единица со значением ‘действительно, вправду’ [Рогожникова 1983: 42], а в [Виноградов 1972: 578] – в качестве модального словосочетания, выражающего чисто логическую оценку достоверности утверждения. Ср. также несовпадающие характеристики оборота *в конце концов*: как наречия и вводного словосочетания со значением ‘после всего, наконец; в конечном счете, в итоге’ [Рогожникова 1983: 29] и как модального словосочетания, выражающего отношение содержания отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания [Виноградов 1972: 579].

Таким образом, фразеологические единицы, обслуживающие прагматику языка, можно представить как один разряд единиц: они обладают особым характером семантики, приспособленной для выражения субъективной модальности, отличаются специфическими языковыми функциями (неноминативные единицы) и синтаксической ролью (не являясь отдельным членом предложения, относятся к содержанию высказывания в целом или сами эквивалентны высказыванию). Однако, учитывая определённую гетерогенность и функциональную разнотипность этих единиц, а также традиции выделения в отечественной науке грамматических разрядов модальных, вводных единиц и междометий, мы предлагаем разделить фразеологизмы с прагматическим значением (прагматизмы) на две группы: 1) модальные (в том числе и вводные) фразеологизмы и 2) междометия идиоматического характера.

3.4.1. Модальные фразеологические единицы

Модальные фразеологические единицы – это группа устойчивых оборотов, выражающих разнообразные отношения говорящего к сообщаемому: эмоциональную и интеллектуальную оценку сообщаемого; подчеркивание, выделение какой-то части сообщаемого; отношение к сообщаемому с точки зрения способа его изложения и др. По характеру своего содержания (выражаемых субъективно-модальных значений) модальные фразеологические словосочетания могут быть разделены на следующие группы:

а) Модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные и интеллектуальные оценки говорящего, в том числе достоверность

/ *недостоверность сообщаемого: грешным делом, неровён час, чего доброго, не дай бог, бог даст, кроме шуток, шутка сказать, шутки шутками, мало ли что, как ни странно, признаться сказать, нечего греха таить, слов нет, воля ваша, в конце концов, может быть, само собой, в самом деле, должно быть, надо думать, так и быть, чего лукавить, что и говорить, что ни говори, что там говорить, скорее всего, на мой взгляд, с позволения сказать, извините, пожалуйста* (со значением несогласия, возражения, иронии – чаще в диалоге или полилоге) и др. Эмоционально- и интеллектуально-оценочные компоненты в содержании таких модальных единиц представлены, как правило, синкретично, нерасчленённо. Идиомы способны выражать, например, согласие + уверенность (*Слов нет*, намеченный во всех сферах поворот требует решительного отказа от того, что тянет назад / Изв., 16 янв. 1986); неодобрение + возмущение (*Как можно, товарищи!* – возмутился недавно один из руководителей популярного журнала по поводу острого, принципиального репортажа. *В конце концов*, журнал наш не только здесь, но и там читают / ЛГ, 19 марта 1986); отрицание + презрение (Такие, *с позволения сказать*, руководители даже не могут почувствовать ту боль, которую испытывают актёры / ЛГ, 16 апр. 1986) и др.

См. также: Процесс «обучения», в целом позитивный, сейчас стали отличать, *на мой взгляд*, некоторые издержки (ЛГ, 2 апр. 1986). Всё это вместе, *должно быть*, кое-что значит (ЛГ, 19 мар. 1986). И хотя он много сделал для нашей космонавтики, сам в космос не летал, да и, *скорее всего*, не получил бы разрешения на такой полёт по возрасту (Изв., 3 апр. 1986). *В самом деле*, нельзя признать нормальным, что такие, например, крупные центры, как Ульяновск, Смоленск, Вологда, не имеют издательств (Изв., 1 мар. 1986). *Чего лукавить*, этой атмосферой долгие годы дышала не только академия – многие общественные подразделения республики (ЛГ, 2 апр. 1986) и др.

б) Модальные фразеологизмы, служащие средством акцентирования, выделения сообщаемого, часто в сочетании с апелляцией к собеседнику: *надо сказать, между прочим, главное дело, самое главное, как бы то ни было, если уж на то пошло, во всяком случае, надо признать, надо заметить, собственно говоря, если хотите (знать), представь(-те) себе, можешь (можете) себе представить, как видишь (видите), что там ни говори(-те), не правда ли, между нами*

(*будь сказано*) и др. Примеры: *Что там ни говори*, а почти двадцать лет проболтался он в воздухе (Изв., 3 апр. 1986). *Если хотите*, Гагарин был, *что называется*, «себе на уме» (Изв., 5 апр. 1986). *Если хотите*, «время не пришло» (ЛГ, 19 мар. 1986). *Собственно говоря*, подготовительная работа в этом направлении уже началась (Изв., 19 апр. 1986). Официальные лица Соединённых Штатов не позволяли себе, *надо заметить*, подобных высказываний (Изв., 15 мар. 1986). А кому-то надо и при «отстойнике» находиться, где, *между прочим*, тоже люди (ЛГ, 19 мар. 1986). *Между прочим*, чуть не завалился, когда мы его ставили (ЛГ, 16 апр. 1986). *А если уж на то пошло*, там, на западе, у недругов наших вызвало смятение, растерянность, а может быть, даже страх именно то, что мы стали прямо говорить о собственных недостатках (ЛГ, 19 мар. 1986) и др.

в) Модальные фразеологические единицы, выражающие различные связи и отношения между элементами содержания высказывания: *стало быть*, *таким образом*, *между тем*, *так вот*, *в конечном счёте*, *в конце концов*, *одним словом*, *с одной стороны*, *с другой стороны*, *в свою очередь*, *к слову сказать*, *собственно говоря* и др. Помимо выражения свойственных им субъективно-модальных значений, такие фразеологические единицы служат специальными показателями, маркерами структуры дискурса – выражают различные смысловые связи между элементами текста: сигнализируют о переходе к следующей (новой) теме, служат средством противопоставления отдельных элементов дискурса, предвворяют резюме, указывают на завершение дискурса и др. Примеры: *Стало быть*, за истекшие тридцать два года жизнь ничему вашингтонских правителей не научила (Изв., 11 апр. 1986). *Между тем*, пора окончательных расчётов наступила (ЛГ, 2 апр. 1986). *Одним словом*, сильная, здоровая экономика обеспечивает успех в политике мира (Изв., 9 апр. 1986). Такой мораторий будет действовать и дальше, если США, *в свою очередь*, также прекратят ядерные испытания (Изв., 23 февр. 1986). *С одной стороны*, стремительное развитие науки открывает невиданные возможности овладения силами природы. *А с другой стороны*, XX век вошёл в историю такими порождениями империализма, как самые кровопролитные войны, разгул милитаризма (Изв., 26 апр. 1986) и др.

Как видно из примеров, в высказывании такие прагматизмы занимают, как правило, инициальную позицию.

г) Модальные фразеологические единицы, выражающие отношение к характеру и способу изложения, оформления сообщения: *иначе говоря, иными словами, так сказать, грубо говоря, мягко говоря, можно сказать, что называется, как говорится, вообще говоря* и др.

Примеры: А ведь сухумские пляжи, *мягко говоря*, не очень-то благоустроены (Изв., 19 апр. 1986). Недоверчивому историку в американской же прессе напомнили, что он, *мягко выражаясь*, заблуждается (Изв., 23 февр. 1986). Теоретически, *так сказать*, все понимают, но практика показывает, какие возможности остаются несбывшимися (ЛГ, 2 апр. 1986). Бюллетенями обзаведутся, справками о немощи – на козе, *что называется*, к ним не подъедешь (Изв., 29 окт. 1985). Играйте вместе с нами, играйте, *как говорится*, лучше нас (ЛГ, 2 апр. 1986). Крыть, *как говорится*, было нечем (Изв., 16 янв. 1986) и др.

Следует отметить, что многие из перечисленных модальных словосочетаний обладают синкретичным, диффузным значением, которое определяется, уточняется лишь в конкретном речевом акте. Так, оборот *во всяком случае* может выразить эмоциональную оценку неуверенности и служить средством экспрессивного акцентирования части высказывания. Оборот *одним словом* может выразить модальные значения, свойственные единицам групп в) и г). В высказывании «Встречаю я, представляешь, самого себя. Рост, фигура, пальто, голос. *Одним словом* – я» оборот *одним словом* характеризует оформление сообщения. В следующем высказывании это же устойчивое словосочетание выполняет функцию структурного знака дискурса и одновременно сигнализирует об обобщённом, «итоговом» выражении, «сгущении» смысла предшествующего фрагмента дискурса: *Одним словом*, товарищи, XXVII съезд действительно знаменует поворотную веху в деятельности нашей партии, в жизни страны (Изв., 19 апр. 1986). Фразеологизм *между нами, женщинами, говоря* служит средством экспрессивного выделения мысли и одновременно выражает эмоции говорящего (шутку, иронию): *Между нами, женщинами, говоря*, мы не всегда умеем направить оправданное раздражение по определённом адресу (Изв., 13 апр. 1986).

3.4.2. Междометные фразеологические единицы

Междометия идиоматического характера также участвуют в выражении субъективно-модальных значений: они выражают эмоцио-

нальное и интеллектуальное отношение говорящего к сообщаемому, к собеседнику и к речевой ситуации в целом, волеизъявления говорящего, а также обслуживают сферу речевого этикета и др.

Мы уже говорили о трудности отграничения фразеологических прагматизмов друг от друга. Среди междометий также встречаются переходные случаи – между модальными словосочетаниями и междометиями, междометиями и категорией состояния и др. [Виноградов 1972: 586–588]. К модальным словам, по свидетельству В. В. Виноградова, А. А. Шахматов относил ряд бранных выражений и заклинаний (*чёрт его побери, чтоб ему пусто было, чтоб ему ни дна ни покрывшки*), относимых сегодня к категории междометий.

Междометные фразеологические единицы делятся в основном на две группы: 1) выражающие эмоции и эмоциональные оценки говорящего и 2) обслуживающие сферу речевого этикета.

1) Междометия этой группы выражают преимущественно отрицательные эмоции, при этом они, как правило, обладают диффузным значением – способны выражать несколько смежных и даже амбивалентных (противоположных) эмоций. См. [Эмирова 1977, 1978]. Основная масса междометий выражает неодобрение, досаду, негодование, возмущение, удивление: *Вот (вон) как! Вот оно что! Поди ж ты! Вот так клюква! Вот так фунт! Вот тебе (те) и на! Вот тебе (те) и раз! Ну тебя! Ну что ты (вы)! То есть как?! Фу ты ну ты! Вот то-то и оно! Милое дело! Новое дело!* и др. К этой же группе относятся междометия, выражающие амбивалентные эмоции: *Надо же! Ну и ну! Мать честная! Хрен (тебе) в пятку!* и др. Большую группу идиом (фразеологическое гнездо), выражающих разнообразные отрицательные эмоции, образуют единицы с компонентом *чёрт*: *чёрт с ним, чёрт-те что, тьфу (ты) чёрт (пропасть), кой (какой) чёрт, на кой (какой) чёрт, чёрт возьми (побери, подери), чёрт его знает, чёрт знает что (такое), что за чёрт* и др. Примеры: *Ведь вчера такую же задачу бойко решал, а теперь – вот поди ж ты!* – стоит у доски и мнётся. *Вот так клюква*, – ответил один из парней. *Вот тебе и на!* – с неодобрением воскликнул Токарев. *Вот тебе раз!* Не успел ковырнуть стамеской, – глаза у него сами раскрылись. Определим её сестрой милосердной, без квалификации. *Милое дело! Мать честная!* – тихо воскликнул Раевский и начал смеяться. Ах, Яшка, *хрен тебе в голову!*

Среди междометных фразеологизмов, выражающих эмоциональную оценку содержания высказывания, выделяются такие единицы,

которые служат прагматическими сигналами завершения дискурса: *вот такие пироги, вот тебе и (весь) сказ, такое вот кино* и др. Примеры: А хочешь бросить меня, так и я не нуждаюсь. *Вот тебе и сказ* (Л. Толстой. Власть тьмы). Мой кинофестиваль, затянувшийся на год, завершён. *Такое вот, как говорится, кино* (ЛГ, 19 сент. 1985). Содержание таких единиц носит двойственный характер: они выполняют симультанно функции междометий и модальных словосочетаний.

Участие идиом-междометий в синтаксической организации текста проявляется по-разному: основная часть их функционирует в качестве эквивалента предложения или его модального компонента [Грамматика–80, П: 735]. При этом некоторые из них обнаруживают двойственную синтаксическую природу: в одних речевых условиях они выполняют функции модальных компонентов предложения, в других – функционально равны законченным высказываниям. Ср.: а) *На кой чёрт ты лезешь сюда?* б) – Возьми, пригодится? – *На кой чёрт?* а) *Какого чёрта ты это сделал?* б) Вернись, я прошу тебя? – *Какого чёрта?* и др.

2) Междометия, обслуживающие сферу речевого этикета, образуют группу фразеологических единиц, имеющих ситуативно обусловленное значение. Их семантическая рубрикация основана на учёте разнообразных ситуаций общения: приветствия, обращения к знакомым и незнакомым лицам, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, просьбы, приглашения и др. [Формановская 1982, 1984; Акишина, Формановская 1983; Русский речевой этикет 1983]. Единицы, обслуживающие сферу речевого этикета, принято называть формулами речевого этикета. Круг таких единиц довольно широк, мы отобрали для анализа междометия идиоматического характера.

а) Междометия, употребляющиеся в ситуациях встречи / прощания: *доброе утро, с добрым утром, добрый день, будьте добры (любезны), честь имею* (устар.), *честь и место* (устар.), *как дела, где ты пропал, лёгок на помине; скажите, пожалуйста; сколько зим, сколько лет; всего хорошего (доброго); доброй ночи; ступай себе с богом* и др.

б) Междометия, выражающие согласие / несогласие: *так и быть, ни за что, ни в коем случае, ни за какие коврижки, что ты (вы), ничего подобного* и др.

в) Междометия, являющиеся ответными репликами в ситуации извинения: *ну что вы (ты), да что вы (ты), какие пустяки (мелочь), ничего страшного* и др.

г) Междометия, обслуживающие сферы благодарности, пожеланий, в том числе и отрицательных (проклятий, заклинаний): *час добрый (в добрый час), в добрый путь, счастливого пути, за ваше здоровье, на здоровье, ни пуха ни пера, скатертью дорожка, чтоб тебе (ему) пусто было, чтоб тебе (ему) ни дна ни покрышки, чёрт бы тебя (его) побрал* и др.

* * *

Анализ семантико-грамматических разрядов русских идиом обнаружил их качественное и количественное своеобразие по сравнению с системой частей речи в лексике. Вся идиоматика отчётливо делится на два класса единиц: идиомы предикатного (признакового) характера, реализующие объективно-модальное значение предложения-высказывания в комплексе с оценочным отношением говорящего к содержанию высказывания и – через него – к реальному миру, и идиомы с прагматическим значением, обслуживающие сферу субъективно-модальных значений. Что касается группы номинативных фразеологизмов с так называемым идентифицирующим типом значения, обслуживающих номинативно-классифицирующую деятельность человека, то они изначально сформировались также в русле предикации, что наложило отпечаток на тип их значения – номинативно-характеризующий. Следовательно, можно утверждать, что вся идиоматика современного русского языка имеет ярко выраженную коммуникативно-прагматическую предназначенность.

С помощью основных грамматических разрядов идиом – глагольных и предикатных именных (субстантивных, адъективных, наречных) – называются и одновременно характеризуются с позиций говорящего не предметы, а признаки (в широком смысле) предметов – их свойства, качества, действия, состояния, отношения, существующие в объективном мире не изолированно, а как неотъемлемый признак, атрибут этих предметов. Содержание таких фразеологических единиц, в связи с вышесказанным, правомерно назвать коммуникативно-прагматическим. Что касается собственно прагматических фразеологизмов (модальных и междометных), то они служат добавочным средством выражения отношения говоря-

щего к сообщаемому и через него – к объективной действительности. Таким образом, вся идиоматика современного русского языка является средством выражения и воплощения категории модальности как универсальной и онтологической категории «языка в действии» – функционирующего языка.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОНОМАСИОЛОГИИ

Ономасиологию, как известно, интересуют процессы формирования мыслительного содержания и его «отливки» в языковую форму. Будучи по конечным результатам семантическими, такие процессы по сути своей имеют ментально-психологическую природу. Процессы первичного фразеобразования (переносного употребления свободного словосочетания) и воспроизведения в речи уже готовых фразеологических единиц предполагают ментальные усилия, направленные на извлечение из памяти языковых единиц. По мнению ученых, основной формой «упаковки» и хранения языковых единиц в памяти являются семантические (понятийные) поля и тематические группы, т. е. совокупность единиц, «покрывающих» определённый участок внеязыковой действительности. Вышесказанным определяется необходимость комплексного анализа семантики фразеологических единиц в ономасиологическом и идеографическом аспектах.

Ономасиологический подход к изучению семантики фразеологических единиц покрывает широкую область исследования, которая может быть названа фразеологической ономасиологией. Эта область исследования охватывает такие проблемы: процессы синхронического фразеобразования (образования фразеологических единиц) в ментально-психологическом аспекте; семантические основы фразеологической идиоматичности; воспроизводство в речи фразеологических единиц как ономасиологический акт и связанные с ним процессы трансформации семантики и формы фразеологизмов; объект фразеологической номинации и др.

Предметом фразеологической идеографии являются членение внеязыкового универсума с помощью фразеологических средств языка, учёт и «инвентаризация» тех участков действительности, ко-

торые покрываются преимущественно фразеологией; основные семантико-грамматические (частеречные) разряды фразеологии в идеографическом аспекте; комплексные (составленные из единиц с разной категориальной семантикой) фразеосемантические поля и др.

4.1. Процессы фразообразования (ментально-психологический аспект)

Центром речевой коммуникации признается говорящий – творящий текст человек. Языковая компетенция говорящего предполагает прежде всего его способность создавать коммуникативные единицы разного объёма – высказывания-предложения и тексты (дискурс). В процессе создания высказывания говорящий воспроизводит уже известные ему языковые единицы. Речепроизводство может сопровождаться необычным, переносным употреблением слов и свободных словосочетаний. Создание же абсолютно новых языковых единиц, по мнению исследователей, явление очень редкое [Матезиус 1967а: 230].

При порождении речи сначала формируется нерасчленённый замысел как общее представление о ситуации, событии в «лицах» – элементах объективной действительности, которые должны быть выражены в речи в их взаимосвязях. В семантике языка-речи такую внеязыковую ситуацию отражает пропозиция, состоящая из предиката и его аргументов, актантов, прежде всего – субъекта и объекта. Основная масса фразеологических единиц формируется в недрах пропозиции в процессах переносного употребления свободных словосочетаний – метафоризации и метонимизации.

Процессы фразообразования могут быть рассмотрены как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах [Гвоздарёв 1977]. Синхронический аспект фразообразования связан с изучением семантических процессов, имеющих ментальную природу: формирование идеального содержания, характерного именно для фразеологии, и его языковая объективация, которая реализуется как поиск адекватной для целей данного коммуникативного акта языковой формы, её «подгонка» к данному содержанию, сопровождающаяся различными структурно-семантическими трансформациями.

Диахроническое фразообразование рассматривает дальнейшую «жизнь» созданной в разовом коммуникативном акте языковой единицы, её дальнейшую «судьбу»: социальную актуальность отлив-

шегося во фразеологической форме идеального содержания, имеющую следствием частотность, многообразие её употребления первоначально в узкой стилевой сфере, а затем – в смежных и даже маргинальных стилевых зонах. Общеупотребительность фразеологической единицы в многократных актах речевого общения предрасполагает к её различным семантическим модификациям (развитие значения, сопровождающееся его сужением, расширением, специализацией, формированием производных значений и др.) и формальным трансформациям (усечение, расширение формы – на основе контаминации, варьирования разного типа и др.). При этом изменение плана выражения, как правило, сопровождается изменением плана содержания и наоборот.

Диахронический аспект фразеобразования ярко демонстрирует системную обусловленность фразеологической единицы, показывает «давление» языковой системы – по синтагматической (линейной) и парадигматической (вертикальной) осям, являющееся одним из главных внутренних регулирующих механизмов «жизнедеятельности» языка.

Оба аспекта фразеобразования не противостоят друг другу, не исключают (ср. [Бурмистрович 1982: 3–4]), а дополняют друг друга. Одноактным, быстрым является не процесс образования фразеологической единицы, как считает Ю. Я. Бурмистрович, а ономазиологический акт, т. е. процесс «отливки» идеального содержания в языковую форму в актах речи. Фразеобразовательный же процесс, т. е. формирование воспроизводимого, общеупотребительного устойчивого сочетания слов, предполагает определённое время (более или менее длительное) «апробации» носителями языка новой единицы, в течение которого она «притирается» к существующей фразеологической системе и приобретает – или не приобретает – свойственные фразеологизму категориальные признаки: семантическую целостность, воспроизводимость, узуальность. В последнем случае – «не приобретает» – новое словосочетание остается на уровне эфемерного образования, окказионализма, в оптимальном случае оно приобретает статус камерной фразеологической единицы, функционирующей в узком социальном кругу – от минимальной социальной ячейки, семьи или группы друзей, до коллектива школьного класса, вузовской академической группы или небольшого предприятия. Автор такого окказионализма ощущает его новизну, необычность, не-

нормативность, квалифицирует его зачастую как игру слов и включает в речь обычно с помощью модальных сопроводителей типа *так сказать, фигурально выражаясь, если можно так выразиться, если хотите* и др. или определённых суперсегментных средств, используемых изолированно или в комбинации друг с другом – пауз, силы звука, эмфатического ударения, замедления темпа речи и др.

Показателем необычности, новизны таких речевых образований *ad hoc* могут выступать также различные паралингвистические средства, призванные не только «подкрепить» коммуникативные интенции говорящего, но одновременно и акцентировать внимание слушающего на сообщаемом. Так, в каталоге русских жестов ментальные усилия, связанные с поиском адекватной языковой оболочки для формирующегося идеального содержания и/или с желанием вспомнить необходимое слово (или словосочетание), передаются щёлканьем пальцев или трением висков; напряжение мысли может быть передано поднятием бровей, различными положениями глаз (фиксация их в положениях «уставиться в одну точку», «поднять вверх, к потолку», «опустить вниз», «посмотреть в сторону, в окно» и др.), кивком (кивками) и др.

Ономасиологическую значимость имеют синхроническое фразообразование, а также воспроизведение, извлечение из памяти фразеологизмов в повторяющихся актах коммуникации (в синхронии). Акт воспроизведения фразеологизма, повторяя в определённой степени те ментальные процессы, которые имели место при первичной фразеологической объективации, может одновременно служить её когнитивной моделью. Однако в отличие от фразеологической объективации воспроизведение в речи фразеологических единиц носит преимущественно условно-рефлекторный характер: «сцепление» языковой формы и мыслительного содержания в результате функционирования фразеологических единиц в повторяющихся актах коммуникации доведено до речевого автоматизма. Последнее, тем не менее, не исключает ментальных усилий, носящих иной, по сравнению с актами первичного фразообразования, характер, – это воспроизведение из памяти уже готовых единиц, вспоминание.

Фразеологизация, понимаемая как диахронический процесс приобретения словесным комплексом цельности значения, устойчивости и общеупотребительности, как длительный процесс его вхождения в лексико-фразеологическую систему языка (см. выше о

«давлении» системы) и закрепления на осях синтагматики и парадигматики, относится к сфере интересов исторической фразеологии, а также исторической лексикологии и грамматики. Историческая фразеология, по мнению исследователей, ещё не сформировалась в качестве особого раздела русской и общей фразеологии, но сегодня мы имеем в этой области исследования фундаментальные работы В. М. Мокиенко [1980], Р. Н. Попова [1976], Палевской М. Ф. [1972], Ю. А. Гвоздарева [1977], Ф. Г. Гусейнова [1977] и др. См. также [Копыленко, Попова 1978: 37–38].

С точки зрения целей и задач настоящего исследования в данном разделе работы нас будут интересовать вопросы ономаσιологической интерпретации фразообразования и воспроизведения в речи готовых фразеологических единиц, рассматриваемых в синхронии.

Процесс фразообразования в актах синхронического функционирования языка в терминах ономаσιологии может быть интерпретирован следующим образом. Специфика номинативной значимости словных компонентов фразеологической единицы заключается в том, что они сохраняют способность отражать основные ономаσιологические категории – субстанцию (предметность) и признак (во всех его разновидностях – признак предмета, признак действия, признак признака). При формировании фразеологического знака как сверхсловной единицы вторичной номинации имеет место взаимодействие разных базисов и признаков, выражаемых словными компонентами фразеологической единицы.

Ономаσιологическая структура фразеологической единицы является двучленной: она состоит из ономаσιологического базиса (наиболее общей понятийной категории, выражаемой данным словосочетанием, – предметности или признака) и ономаσιологического признака (более частной категории – лексико-семантической и / или грамматической, в том числе морфологической и синтаксической), способствующего уточнению базиса [Языковая номинация 1977а: 60; Кубрякова 1978: 58; Телия 1977а: 181].

Ономаσιологическая структура фразеологической единицы в определенной степени обусловлена её грамматической структурой. Базисный компонент ономаσιологической структуры реализуется, как правило, в грамматически господствующем слове устойчивого словосочетания. Так, ономаσιологическим базисом фразеологической единицы *стреляный воробей* является категория предметности,

реализуемая в данном случае словом *воробей* и конкретизируемая в термине лица. Ономасиологический признак рассматриваемого знака реализуется в прилагательном *стреляный* ('опытный, бывалый'). Функцию ономасиологического базиса во фразеологической единице *плыть по течению* выполняет глагол *плыть* ('действовать'), а функцию признака – предложно-именной оборот *по течению* ('как вынуждают обстоятельства').

Чёткую соотнесённость ономасиологической и грамматической структур нам удалось заметить лишь у субстантивных и глагольных фразеологических единиц. Ономасиологическая структура единиц остальных семантико-грамматических разрядов (адъективных и адвербиальных) прослеживается не столь отчётливо. По-видимому, здесь вступают в силу факторы, нарушающие соотнесённость семантического типа имени с его синтаксическими функциями. Можно допустить, что это обусловлено спецификой семантики фразеологизмов как единиц вторичной, косвенной, номинации. См. [Арутюнова 1976: 122]. Не исключено, что здесь действуют непознанные закономерности взаимодействия базисов и признаков в составе производного наименования. См. [Кубрякова 1978: 59].

Обязательным элементом ономасиологической структуры фразеологических единиц является внутренняя форма, шире – пресуппозиция как фонд общих знаний (общечеловеческие знания в области природы, физиологии человека, знание специфически национальных реалий, знакомство с историей народа – носителя языка, с библейскими, мифологическими, литературными текстами и т. п.). Например, *мамаево побоище* – это 'крупная ссора, драка' плюс знание исторического факта об опустошительном нашествии на Русь в XIV веке татарского хана Мамаю; *запретный плод* – 'что-либо заманчивое, но недозволенное' плюс знание библейского мифа о древе познания добра и зла, плоды которого бог запретил есть Адаму и Еве, и др.

Характеристика процессов синхронического фразеобразования в ономасиологическом аспекте – выявление специфики обозначения предметов и выражения понятий фразеологическими средствами (resp. формирование идеального содержания, отражающего объекты познания, его «отливка» в языковое значение и сцепление с языковой формой) – необходимо предполагает анализ содержания фразеологических единиц в ментально-психологическом аспекте. Форми-

рование мыслительного содержания, характерного для фразеологии, может быть эксплицировано лишь через те семантические процессы, которые приводят к образованию фразеологических единиц.

Ономасиологическая характеристика семантики фразеологических единиц предполагает анализ их содержания в двух планах: 1) взаимодействие значений слов в составе свободного словосочетания как генетической основы фразеологической единицы и 2) соотношение семантики свободного словосочетания и порождённой на его основе фразеологической единицы.

Как соотносятся содержательные структуры свободного словосочетания и его компонентов? В научной литературе имеет хождение упрощённое понимание значения свободного словосочетания как суммы значений его компонентов. Однако последние исследования в области семасиологии показывают несостоятельность подобного мнения. Семантическая сочетаемость слов сопровождается разного рода изменениями их семантической структуры: возникновением новых сем, наложением, погашением сем и др. [Гак 1971а; Тулина 1976]. По мнению У. Вейнрейха, десигнат свободного словосочетания представляет собой либо логическое произведение («соединение») десигнатов его слов-компонентов, либо «вставление». Кроме того, он рекомендует учитывать эффекты, возникающие вследствие комбинирования физически «несовместимых» денотатов. См. [Вейнрейх 1970: 189 и след.].

Несомненно, такие семантические процессы есть отражение глубинных ментальных процессов взаимодействия понятий. Существует мнение, что слово в составе словосочетания выражает понятие, а словосочетание в целом выражает отношение понятий, сложное понятие, которое «в таком же смысле выступает единым (но не одним) понятием, в каком словосочетание функционирует как единая группа» [Колшанский 1977: 201]; см. также: [Тулина 1976: 13 и след.] Такое сложное понятие есть не сумма, а взаимодействие понятий, выражаемых словами в составе словосочетания. (Информация к размышлению: в логике отмечается пять основных отношений между понятиями: равнозначность, внеположность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение [Горский 1963: 54]).

Содержание основной массы фразеологических единиц генетически восходит к наглядно-чувственному сопоставлению характе-

ризуемых реалий с уже познанными предметами объективной действительности и их отношениями. Корни семантики фразеологических единиц следует искать в когнитивном процессе: в условиях непосредственного, эмоционально насыщенного речевого общения возникает потребность оперативно и с минимальной затратой речевых усилий назвать какую-либо реалию и одновременно выразить свое отношение к ней. Именно в этих условиях человек обращается к хорошо познанным предметам и явлениям действительности и через их образы-представления называет и характеризует новое, непознанное.

Этим объясняется, на наш взгляд, и такая языковая универсалия, как значительный пласт соматизмов и соматических фразеологизмов в языках различных типов, называющих и оценивающих различные психические функции человека, его деятельность и пр. (*душа в пятки ушла, с замиранием сердца, скребёт на сердце, в печёнках сидит, на носу, золотые руки* и др.). Человеческое тело являлось (в филогенезе) и является (в онтогенезе) наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека и как следствие – своеобразным ориентиром в окружающем пространстве, эталоном, позволяющим характеризовать и оценивать окружающие его (человека) предметы и явления.

Именно этот наглядно-чувственный элемент сравнения может лечь в основу значения фразеологической единицы и трансформироваться в особую эмоционально-экспрессивную окраску всей единицы. Семантика значительного числа фразеологизмов строится на взаимосвязи чувственного и абстрактного; наглядно-чувственное представление, лежащее в основе фразеологического значения, может актуализироваться в процессе коммуникации.

Общее значение фразеологической единицы идиоматического характера формируется, как известно, на основе различных типов переноса значения свободного словосочетания. Обычно утверждается, что фразеологические единицы обладают метафорическим значением. Действительно, фразеологическое значение складывается преимущественно на основе метафоризации значения свободного сочетания слов. Выдвигаемое же нами понятие семантических основ фразеологической идиоматичности включает в себя разные типы переноса, в том числе и метафорического (как наиболее частотного), которые представляют собой результат сложного движения, столкновения и переплетения различных ассоциаций.

Как известно, метафорический перенос имеет различные основания: сходство формы, функций, сходство сложных впечатлений, порождённых взаимодействием предметов, и др. Например, перенос по сходству формы лёг в основу значения фразеологических единиц с *гулькин (воробьиный) нос*, с *коломенскую версту* и др. Основная масса фразеологизмов образована на основе метафорического переноса по сходству общего впечатления, порождённого воздействием предмета на говорящего: *брать за горло*, *каша во рту*, *выносить сор из избы*, *мокрая курица*, *под занавес*, *мутить воду*, *путеводная нить* и др.

Гиперболическая метафора (преувеличение признака) лежит в основе фразеологического значения таких сочетаний: *до конца ногтей*, *до мозга костей*, *в три ручья*, *по уши*, *с головы до ног*, *на носу* и др. Специфической особенностью семантики большинства таких фразеологизмов является трансформация элемента сравнения (который имплицитно присутствует в значении данных фразеологических единиц) в элемент усиления признака.

Реже, по нашим наблюдениям, встречаются фразеологизмы, семантической основой идиоматичности которых является синекдоха, т. е. перенос, возникший на основе связи между целым и его частью: *хлеб насущный*, *на чай*, *с носа*, *с головой*, *светлая голова*, *золотые руки* и др. Несомненно, выявление тех тонких ассоциаций по смежности, которые лежат в основе семантики данных фразеологизмов, возможно только при реконструкции их внутренней формы. Например, фразеологическая единица *хлеб насущный* со значением 'необходимые средства для жизни, для существования' в русской языковой картине мира имеет следующую внутреннюю форму: хлеб как существенная часть и символ питания в целом.

Семантическое обновление общего значения свободного сочетания слов, приводящее к становлению фразеологической единицы, может базироваться на совокупности, переплетении различных типов переноса. Например, *без ума* (влюбиться) – метафора по сходству впечатления, порождённого воздействием предмета на говорящего, и вместе с тем гиперболизация признака; *дырявая голова* – синекдоха и перенос по сходству общего впечатления и др.

Если на «входе» процесса фразеобразования, как видно из приведённых примеров, имеется единое понятие, то на «выходе» – тоже единое понятие, но более высокой степени абстракции и обобщения.

Здесь имеет место сужение содержания понятия при расширении его объёма. Сужение содержания понятия проявляется в том, что единое сложное понятие, выражаемое фразеологизмом, «вмещает» в себя только самые общие отличительные признаки предметов или явлений объективной действительности, не достаточные уже для практической дифференциации предметов, однако вполне достаточные ещё для их объединения в какие-то наиболее обобщенные классы.

Согласно закону обратного соотношения между объёмом и содержанием понятия [Кондаков 1971: 345–346], сужение содержания понятия, выражаемого фразеологической единицей, приводит к расширению его (понятия) объёма, что проявляется в практической «приложимости» фразеологической единицы к более широкому классу денотатов. Например: *попадать в переплёт* ‘оказываться в сложном, трудном, опасном или неприятном положении’ (независимо от возраста, пола, рода деятельности и поступков человека); *плыть по течению* ‘действовать, поступать так, как вынуждают обстоятельства’ (применительно ко всем сферам деятельности человека); *белая ворона* ‘человек, резко выделяющийся чем-либо (независимо от его профессионального и социального положения)»; *под занавес* ‘к самому концу, в самом конце чего-либо’ (применительно к разным видам действий, совершаемых человеком) и др.

При образовании фразеологической единицы на основе переносного употребления свободного словосочетания мы имеем тот же логико-семантический процесс, что и при переносном употреблении отдельного слова. На логическом уровне данное явление может быть интерпретировано как абстракция отождествления, т. е. процесс отвлечения от несходных, различающихся свойств предметов и одновременного выделения свойств тождественных. В результате такого отвлечения (которое лежит в основе процесса обобщения) создается возможность образовать новое более общее понятие [Горский 1961: 24, 313–314]. Образованное таким путём понятие (выражаемое фразеологической единицей) находится с предыдущим понятием (выражаемым свободным словосочетанием – генетической основой фразеологической единицы) в отношениях взаимосвязи: здесь имеет место перекрещивание (пересечение) понятий.

Исходя из вышеизложенного, фразеологическое значение может быть квалифицировано в качестве особой разновидностью косвенной номинации: содержание идиом опосредовано значением свободно-

го словосочетания-прототипа, в том числе и наглядно-чувственным представлением, формируемым этим словосочетанием.

Специфика идиообразования как нерасчленённого подтипа косвенной номинации намечена в работах В. Н. Телия на базе разработанных ею «шагов» опосредованного формирования однословных косвенных номинаций [Телия 1977а: 152–154, 1981а: 127, 134–135]. Процессы формирования составных косвенных номинаций – 5 этапов перехода свободных словосочетаний во фразеологизмы-идиомы – описаны Е. И. Дибровой [1979: 38–47]. Думается, наша интерпретация процессов идиообразования не противоречит положениям, разработанным В. Н. Телия и Е. И. Дибровой, а в чем-то и дополняет их, в частности, в плане корреляции семантических и логических процессов, лежащих в основе формирования фразеологических единиц идиоматического характера.

В свете ономаσιологической характеристики семантики фразеологических единиц большой интерес представляет выдвинутое и разработанное Д. Н. Шмелёвым понятие ассоциативно-деривационных (так называемых эпидигматических) отношений слов, связанных с понятием мотивированности. Деривационные отношения слов представлены двумя разновидностями: формально-лексическими, словообразовательными связями (*земля – землянистый, земляной, землемер*) и деривационными в широком смысле – ассоциативно-смысловыми, устойчиво связанными с представлением об определённых явлениях окружающей действительности. Этими реальными, «предметными ассоциациями определяется семантическая структура многозначных слов и смысловое соотношение между отдельными словами, связанными отношениями производности» [Шмелёв 1977: 226]. Оба типа деривационных отношений сливаются в одну «ось» и образуют третий – глубинный – параметр значения, дополняющий «вертикальный» (парадигматический) и «горизонтальный» (синтагматический) системные параметры [Шмелёв 1973: 198–199].

По мнению Д. Н. Шмелёва, производные значения многозначного слова в ряде случаев связаны с основным не непосредственно (не на основе общего семантического компонента), а лишь на основе широко понимаемых ассоциативных признаков. Такие значения являются деривационно связанными. Перенесённое на почву фразеологии, понятие деривационной связанности трансформировалось в

категорию фразеологической связанности, которая является самым общим признаком фразеологических единиц, позволяющим отграничить их от свободных словосочетаний. Характер фразеологической связанности различен для разных групп устойчивых сочетаний слов. Выделяются словосочетания парадигматически связанные (*двоюродный брат, стиральная машина*), принадлежащие к определённым лексическим парадигмам; синтагматически связанные, с детерминированной связью между компонентами (*окладистая борода, крошечная тьма*); деривационно связанные, реализующие в своем составе деривационно связанные (производные) значения слова (*собачий холод, медвежья услуга*). Различные комбинации типов фразеологической связанности определяют характер значения фразеологических единиц и дают возможность построить непротиворечивую типологию устойчивых словосочетаний [Шмелёв 1977: 310–321].

Понятие фразеологической связанности позволяет вплотную рассмотреть и объяснить тот семантический «скачок», который совершают свободные словосочетания в процессе формирования фразеологического значения. Мы усматриваем определённую аналогию между процессами формирования переносных значений многозначного слова и фразеологических значений на базе свободных словосочетаний: и первые, и вторые формируются на основе широких предметных ассоциаций, подчас не связанных с существенными признаками предметов. Объект нашего анализа – идиомы – находятся в деривационных отношениях со свободными словосочетаниями: идиоматическое значение мотивируется значением свободного словосочетания, точнее – ассоциативными признаками, группирующимися вокруг такого значения.

Если отдельное слово имеет своё ассоциативно-тематическое поле, предопределяющее возможности его семантической транспозиции и соответственно сочетаемости, то ассоциативное поле свободного словосочетания представляется более широким, так как оно складывается как из ассоциативных полей входящих в его состав слов (их соединения, наложения, частичного погашения или усиления), так и из ассоциативного пространства (внутренней формы, образных представлений) словосочетания в целом. Например, значение фразеологизма *плыть по течению* со значением ‘действовать так, как вынуждают обстоятельства, приноравливаясь к обстоятель-

ствам или пассивно подчиняясь им' [ФСРЯ: 324] мотивировано не только совокупным значением свободного словосочетания, но и денотативными пресуппозициями – нашим знанием реалий, нашими представлениями о предметах и явлениях, обозначаемых как отдельными словами (течение воды – мощная стихия), так и словосочетанием в целом (плыть по течению легче, чем против течения, так как не надо прикладывать больших усилий, а следует лишь подчиниться потоку, держаться на воде и т. п.).

В таком истолковании идиообразования (по аналогии с формированием переносных значений многозначного слова) мы сталкиваемся с необъяснимым до сих пор феноменом: образование идиом на базе свободных словосочетаний в литературе вопроса не трактуется как полисемия (свободного словосочетания); в лучшем случае это явление интерпретируется в качестве межуровневой омонимии [Эмирова 1972: 80–86].

Объяснение этому факту следует искать, по-видимому, в недооценке номинативных потенций свободных словосочетаний как средств обозначения, называния предметов, явлений, признаков и т. п., восполняющих лакуны в лексической и словообразовательной системах языка. Показательно в этой связи, что в академических грамматиках [Грамматика–70; Грамматика–80] нет явных указаний на номинативный характер (соотнесенность с внеязыковой действительностью) значения свободного словосочетания. Значение словосочетания определяется как «то отношение, которое возникает между знаменательными словами, соединяющимися на основе того или другого вида подчинительной связи» [Грамматика–80, II: 80] и которое лежит в области грамматической семантики. Устанавливается двойственный характер значения словосочетания: оно может определяться грамматическими значениями соединившихся слов и характером подчинительной связи. Однако значения большинства словосочетаний, иллюстрирующих те или иные синтаксические категории, выводятся на основе не только грамматических, но и лексико-семантических факторов, т. е. с учётом реальных лексических значений компонентов словосочетания. Ср.: *читать книгу* – объектное значение, но: *читать быстро*, *читать час* – обстоятельственное.

Думается, что обусловленность значения словосочетания лексико-семантическими факторами может быть истолкована как имплицитное допущение в пользу номинативного характера такого

значения. Наше мнение коррелирует с утвердившимся в последние годы широким пониманием теории номинации, включающей в число своих объектов не только лексические и фразеологические, но и синтаксические единицы, в том числе и словосочетания. (См. главу 2 настоящей работы, а также [Тулина 1976].)

Номинативный статус свободного словосочетания убедительно обоснован Д. Н. Шмелёвым, который считает, что в отличие от слова, основной номинативной единицы языка, обозначающей какой-то «отрезок действительности как нечто отдельное и целостное», <...> сочетание слов соответствует расчленённому отображению явлений действительности, независимо от их внутренней, реальной слитности и нечленимости (ср. *быстро двигаться* и *мчаться* и т. п.)» [Шмелёв 1977: 308]. И далее: «Мы говорим о целостности, нерасчленённости значения отдельного слова, исходя именно из того, что это отдельное слово, а о расчлененности значения словосочетания, исходя из того, что это сочетание отдельных слов» [Там же: 309].

В свете вышеизложенного представляется возможным поставить, в порядке обсуждения, вопрос о квалификации фразеологического (идиоматического) значения в качестве ассоциативно-производного значения свободного словосочетания в рамках явления полисемии. При этом следует сразу же обратить внимание на необходимость строгого отграничения подобных значений от ситуативно обусловленных, «проявляющихся» в широком контексте – в конкретном языковом окружении и реальной ситуации, называемой словосочетанием. Ср.: *мой класс* – ‘класс, в котором я учусь’, ‘класс, в котором я преподаю’, ‘класс, в котором я работаю вожатым’ и мн. др.; ср. также: *приглашение юриста* – ‘пригласили юриста’, ‘пригласил юрист’ и др. [Грамматика-80. 11: 81].

Процессы синхронического фразообразования богато иллюстрируются языковым материалом, зафиксированным в словарях-справочниках, отражающих новообразования 70–80-х годов [НС3–71, НС3–84, СМ–77, СМ–78, СМ–79, СМ–80]. Общее количество сверхсловных наименований в них достигает 1000 единиц, в том числе около 300 идиом.

Потребность в сверхсловных наименованиях, как известно, объясняется прежде всего необходимостью восполнения лакун в обозначении элементов действительности лексическими средствами. Исследователи отмечают, что словообразование как основной

способ конденсации когнитивного содержания занимает в целом ограниченную область в системе языковых номинаций. Среди многообразных причин содержательного и формального характера, объясняющих такое положение словообразования, указывается, в частности, на мощное противодействие со стороны морфонологической структуры как отдельных слов, так и целых словесных классов и разрядов [Никитевич 1973] .

В условиях дефицита однословных номинаций говорящий обращается к сверхсловным, дискретным наименованиям, способным адекватно передать идеальное содержание. Обращение к несколькословным номинациям может иметь место и при наличии лексических (однословных) номинаций в эвристической ситуации – поиска говорящим уже известного или более выразительного и эмоционально коннотированного наименования.

Эти две фундаментальные тенденции, определяющие развитие лексико-фразеологической системы, – потребность в наименовании новых реалий и тенденция к обновлению номинативно-экспрессивных средств языка, по-разному представлены в языковом материале названных справочников.

Первая тенденция нашла отражение в наиболее представительной в количественном отношении группе словосочетаний номинативного характера. Сюда относятся составные номинации, называющие различные социальные и бытовые реалии и понятия (*аллея памяти, актовый день, малая родина, ржасвая смерть, комплексная бригада, рабочая гарантия, талон качества, колясочный возраст, пассивное курение, походный домик* и др.), а также специальная номенклатура и терминология (*двухстреловый кран, взрывающийся карандаш, зольный гравий, дом каскадного типа, блочный метод строительства, архитектурная бионика, иатрогенное заболевание, интегральная оптика, кабельное телевидение* и др.). Это преимущественно субстантивные словосочетания, построенные по модели прилаг.+ сущ., реже – сущ. + сущ. в родительном падеже.

Вторая тенденция ярче иллюстрируется различного рода фразеологическими единицами, симультанно выполняющими в речи номинативную и экспрессивную функции: это идиомы (*снимать погоны, пропускать через себя, промывать мозги, запас прочности, утечка мозгов, под маринадом, при любой погоде* и др.), примыкающие к ним парафразы идиоматического характера (*белое зерно, голубые дороги,*

голубые каски и др.), фразеологические сочетания (*белая зависть, белый шовинизм, золотой юбилей*) и др. Здесь картина частеречной и структурно-грамматической характеристики более пёстрая, однако преобладают глагольные и субстантивные единицы.

Ко второй группе новообразований примыкают и окказионализмы – «новые сочетания разового употребления» [СМ–77: 7]: *антечный огород, подводный огород, духовные гены, на сегодняшний глаз, часы старения, дырявая душа, мазать розовой краской, терять в весе, ехать на красный свет, скрытой камерой* и др.

Представленный в справочниках фразеологический материал позволяет судить об активных на современном этапе процессах фразообразования, о некоторых тенденциях в развитии семантической структуры словных компонентов фразеологизмов, о фразообразовательных потенциях отдельных слов и др.

Основная масса собственно фразеологических единиц (идиом) образована традиционным для русского фразообразования способом – на основе метафорического употребления свободного словосочетания бытового или терминологического характера. Как видно из приводимых ниже примеров, основанием метафорического переноса является, как правило, сходство общего впечатления, производимого воздействием предмета на говорящего. В количественном отношении преобладают глагольные фразеологизмы, за ними – субстантивные; количество новых адъективных и адвербиальных фразеологизмов незначительно.

Необходимо сразу же отметить, что в отдельных случаях семантизация фразеологических единиц, предлагаемая в указанных словарях, представляется некорректной: иногда она осуществляется по семантической формуле, не соответствующей категориальной (частеречной) семантике фразеологизмов; в других случаях некорректность семантизации обусловлена неверной реконструкцией инварианта фразеологической единицы. В таких случаях мы брали на себя смелость изменять дефиниции. Так, глагольный фразеологизм *пахнуть нафталином* зафиксирован в словаре в одной из своих регулярных парадигматических форм – *пахнувший нафталином* – и соответственно ошибочно семантизирован как адъективная единица – ‘давно всем известный’. Субстантивная фразеологическая единица *направление главного удара* неверно толкуется как адвербиальная единица – ‘там, где решается что-л.’ [СМ–79: 151].

Ошибка обусловлена тем, что предложно-падежная форма субстантивов (а именно в такой форме встречается данный фразеологизм в иллюстрации) может, как известно, выполнять в предложении функцию обстоятельства: Техника и люди, в руках которых она сосредоточена, находятся *на направлении главного удара* – такова стратегия жатвы [СМ–79: 151].

Отдельные фразеологические единицы семантизированы в словарях по формуле «о чем-либо»: *ведьмины колеса* ‘о полёгших, закрученных ветром или прибитых дождём колосовых’ [СМ–77: 33]; *бери да клади* ‘о легкой, не связанной с умственными усилиями работе’ [СМ–78: 41]. Иллюстративный материал, приведённый в словарях, свидетельствует, однако, что в первом случае перед нами субстантивная единица, во втором – адъективная: Частенько случается – виды на урожай хорошие, а налетит суховей-разбойник либо дождь так отутюжит поле, так закрутит пшеничные стебли в «*ведьмины колеса*», что и не знаешь, с какого конца за дело приниматься [СМ–78: 186]; Но тех, кого работа типа «*бери да клади*» приводит в ярость <... >, стараются поскорей перевести на работу, требующую применения творческих качеств [СМ–78: 149].

Основная масса новых глагольных фразеологических единиц сформирована на основе ассоциаций по сходству самого общего впечатления, производимого называемыми действиями и состояниями на говорящего: *мух ловить* ‘тратить время зря’ [СМ–79: 148]; *пустить под откос* ‘вызвать провал чего-л.’ [СМ–79: 212]; *промыть мозги* ‘воздействовать на психику людей специальными медицинскими препаратами с целью идеологической обработки’ [СМ–77: 117]; *мазать розовой краской* ‘изображать что-л. в привлекательном виде, скрывая подлинную сущность’ [СМ–78: 104]; *веников не вяжет* ‘не занимается пустяками, делает все основательно, добротнo’ [СМ–79: 47]; *брать метлу в руки* ‘выполнять конкретную работу по устранению недостатков’ [СМ–78: 4]; *класть последние мазки* ‘быть близким к окончанию, завершению чего-л.’ [СМ–78: 113]; *компостировать мозги* ‘обманывать, дурачить’ [СМ–78: 99]; *обрасти бородой* ‘стать давно всем известным, устареть’ [СМ–79: 167]; *попасть в жернова* ‘оказаться в какой-л. воздействующей ситуации’ [СМ–79: 85]; *испытывать на прочность* ‘являться проверкой выносливости человека’ [СМ–79:102]; *брать (хороший, уверенный) старт* ‘начинать что-л. удачно, успешно’ [НСЗ–71: 450]; *спускаться на тормозах*

‘постепенными действиями прекращать что-л.’ [НСЗ–71: 490]; *вспыхать целину* ‘добиться значительных успехов, определённых результатов в новом деле’ [СМ–79: 291]; *выдать на гора* ‘произвести, выработать, добыть, представить’ [НСЗ–71: 110]; *дурью маяться* ‘делать что-л. ненужное, глупое, томиться напрасно’ [СМ–80: 70]; *справить новоселье* ‘открыться (для посещения, пребывания)’ [СМ–80: 139]; *открывать шлюзы* ‘способствовать чему-л.’ [СМ–80: 150]; *достичь своего полюса* ‘приложив много усилий, добиться максимального успеха в чём-л.’ [СМ–80: 169]; *довести до ума* ‘привести в удовлетворительное состояние’ [НСЗ–84: 741]; *катить бочку на кого* ‘несправедливо обвинять кого-л., жаловаться’ [НСЗ–84: 103]; *пахнуть нафталином* ‘устаревать, быть давно всем известным’ [СМ–79: 152] и др.

Субстантивные фразеологические единицы формируются преимущественно на основе метафорического переноса, основанного на сходстве общего впечатления, производимого воздействием предмета на говорящего: *стиральная доска* ‘дорога с ухабами, рытвинами’ [СМ–77: 140]; *второе дыхание* ‘новые силы, прилив энергии, бодрости у кого-л. после периода усталости, апатии, неудач’ [НСЗ–71: 20]; *новое дыхание* ‘повышение активности, оживление’ [СМ–77: 49]; *звуковой барьер* ‘сопротивление, преграда, помехи’ [СМ–78: 83]; *мозговая атака* ‘целестремлённое, активное обдумывание, обсуждение какого-л. вопроса’ [СМ–78: 126]; *проверка боем* ‘выявление чьих-л. возможностей, проверка подготовки кого-л.’ [СМ–79: 204]; *мёртвая зона* ‘враждебная обстановка, окружающая кого-л.’ [СМ–79: 136]; *направление главного удара* ‘самый важный участок работы’ [СМ–79: 151]; *спасательный круг* ‘то, что служит средством спасения, помогает избавиться от чего-л.’ [СМ–79: 121]; *пожарная команда* ‘корпус быстрого реагирования’ [СМ–79: 114]; *мохнатая лапа* ‘тот, кто оказывает протекцию’ [СМ–80: 104]; *разведка боем* ‘попытка выяснить что-л. в результате непосредственных действий’ [НСЗ–84: 606] и др.

Наречные фразеологизмы с метафорическим значением: *при любой погоде* ‘в любых условиях, всегда’ [СМ–77: 105]; *в упряжке* (идти, работать) ‘совместно, в комплексе с чем-л.’ [СМ–78: 233]; *за сценой* ‘вне основной линии повествования’ [СМ–78: 219]; *за кадром* ‘вне, за пределами непосредственного изображения в фильме’ [НСЗ–71: 197]; *на грани фола* ‘очень рискованно, подвергаясь опасности быть наказанным’ [СМ–79: 284] и др.

Адъективные фразеологизмы с метафорическим значением: *серийного производства* ‘такой, как все, стандартный’ [СМ–79: 238]; *штучной работы* ‘непохожий на других, не такой, как все’ [СМ–79: 299]; *остановят только танки кого-л.* ‘упрямый, стремящийся выполнить намеченное’ [СМ–79: 263]; *бери да клади* ‘легкий, не связанный с умственными усилиями (о работе)’ [СМ–78: 41 и др.

Фразеологические единицы, сформированные на основе метонимического переноса значения свободных словосочетаний, в рецензируемых словарях, по нашим наблюдениям, не столь многочисленны. Основания метонимического переноса различны: **а)** связь между предметом (в широком смысле) и его обязательным или факультативным признаком: *от винтика* ‘путем соединения всех деталей создаваемого устройства, механизма на месте сборки’ [СМ–77: 35]; *от нуля до крыши* ‘от производства работ нулевого цикла до полного завершения строительства’ [СМ–79: 165]; *до королей* ‘до самого конца шахматной партии, когда на доске не остается фигур’ [СМ–78: 101]; *до ленточки* ‘до конца, до завершения строительства’ [СМ–78: 109]; *с колес* ‘сразу после передвижения, перевозки, доставки’ [НСЗ–71: 226] и др.; **б)** связь между человеком к свойственной ему деталью профессиональной формы (разновидность синекдохи – переноса с части на целое): *кожаные куртки* ‘фашиствующая молодежь в Дании’ [СМ–78: 96]; *голубые каски* ‘вооруженные силы ООН, отдельные их подразделения’ [СМ–78: 63]; *зелёные береты* ‘особые части и подразделения в вооруженных силах США – командос’ [НСЗ–84: 77]; *белые воротнички* ‘лица наёмного труда, занимающиеся умственной работой (служащие, управленческий аппарат и т. д.)’ [НСЗ–84: 140]; *синие воротнички* ‘лица наёмного труда, занимающиеся физической работой (обычно индустриальные и строительные работы)’ [НСЗ–84: 140] и др.; **в)** причинно-следственные связи между денотатами: *разойтись по корешам* ‘кончить дело мирно, прекратить вражду’ [СМ–78: 101]; *ланти сушить* ‘быть в простое, не работать’ [СМ–78: 107]; *бить сапоги* ‘усиленно заниматься маршировкой’ [СМ–79: 39] и др.; **г)** связь между действием и его типичным проявлением: *брать в лапу* ‘брать взятки’ [НСЗ–71: 252]; *дать на лапу* ‘дать взятку, приплатить’ [НСЗ–71: 252]; *голосование ногами* ‘отказ от участия в выборах (в капиталистических странах)’ [СМ–80: 54]; *наматывать на гусеницы* ‘работать какое-то время на гусеничном тракторе’ [СМ–80: 59] и др.

В отдельных случаях фразеологическое значение сформировалось на основе переплетения разных ассоциаций – по сходству и по смежности. Так, значение фразеологической единицы *чёрная лихорадка* ‘ажитаж, связанный с добычей нефти’ [СМ–79:129] сложилось на базе ассоциации по сходству, актуализировавшей семантический оттенок переносного значения лексемы *лихорадка* – ‘возбуждение, азарт, ажитаж’ [СРЯ, 11: 190], и ассоциации по смежности – чёрный цвет как обязательный признак нефти. Реконструкция внутренней формы фразеологической единицы *мохнатая лапа* ‘тот, кто оказывает протекцию’ [СМ–80: 104] подводит к двум ментальным актам, протекавшим симультанно на негативно окрашенном эмоционально-оценочном фоне: слово *рука* в метонимически переносном значении ‘человек, который имеет власть, влияние, может оказать покровительство кому-л.’ [СРЯ, III: 737] «вызвало» на основе ассоциации по сходству слово *лапа*, в ассоциативном поле которого было «выловлено» слово *мохнатая*, эксплицировавшее сему ‘высокая степень признака’.

Фразеологические заимствования-кальки обнаруживают те же логико-семантические механизмы порождения фразеологических единиц, которые в связи с этим могут быть квалифицированы в качестве универсалий. Например, на базе ассоциаций по сходству сформировались значения фразеологических единиц *вставные челюсти* ‘дома массовой застройки в Англии’ [СМ–78: 244]; *крысиные бега* ‘специфическая общественная атмосфера в Америке, порождаемая конкуренцией, погоней за успехом, которые требуют качеств, не согласующихся с правилами человеческого общежития’ [СМ–78: 105]; *жирный кот* ‘в Америке – богач, обладающий многомиллионными капиталами’ [НСЗ–84: 215–216] и др. Ассоциации по смежности мотивируют значение фразеологизма *семейная корзина* ‘минимум продуктов питания, необходимых для поддержания жизни (в Чили)’ [СМ–78: 101]. На смешении, пересечении ассоциативных полей по сходству и смежности слов *белый* и *акула* сформировалась фразеологическая единица *белые акулы* ‘служители здравоохранения в ФРГ’ [СМ–77: 28] и др.

Представленная в рецензируемых словарях неологизмов окказиональная, индивидуально-авторская фразеология (она подаётся, как правило, без дефиниций, в угловых скобках) является прекрасной иллюстрацией тех глубинных логико-семантических процессов,

на которых базируется синхроническое фразообразование. Здесь наблюдаются те же тенденции, что были отмечены выше в сфере узуальной фразеологии. Основная масса фразеологических окказионализмов формируется в разовых ономаσιологических актах на основе ассоциаций по сходству и, следовательно, имеет метафорическое значение: Машины Павловского автобусного завода *«теряют в весе»*. Для их изготовления всё больше применяется деталей не из металла, а из различных заменителей [СМ–78: 47]. Этот вымысел можно *загнать в жанровый башмак*, а жизнь – ну никак [СМ–79: 33]. В «Двенадцати» вырвался не видимый никому, но непрестанно ощущаемый самим поэтом в себе свежий *засадный полк* народных ритмов [СМ–80: 76]. Особый отдел Скотланд-Ярда и внутренняя контрразведка Эм-Ай-5 всё более бесцеремонно, *не снимая сапог*, вторгаются в личную жизнь англичанина [СМ–79: 230] и др.

Метонимически переносные значения индивидуально-авторских фразеологизмов, основанные на ассоциациях по смежности, встречаются реже: Сколько ещё бетона осталось, а он монтажников балует, *носит в своем левом кармане* <...>. Что касается *«левого кармана»*, близости к сердцу, так это верно [СМ–77: 67]. Мы сейчас имеем такие автомобили, половина из которых постоянно вынуждена *«стоять под забором»*, то есть ремонтироваться [СМ–79: 86] и др.

Комплексно-переносные значения, сформировавшиеся на основе ассоциаций по сходству и по смежности, имеют фразеологические единицы *дырявая душа*, *вальс этикеток* и др.: Попадались, конечно, и недобросовестные работники, руководители, люди с *«дырявыми душами»* [СМ–78: 76]. «Вальс этикеток» во Франции этим летом ускорил темп. На минувших днях состоялось очередное повышение цен на бензин [СМ–79: 45] и др.

Как видно из приведённых выше примеров, образование фразеологических единиц разных разрядов и групп – как исконно русских, так и заимствованных, как узуальных, так и индивидуально-авторских, окказиональных – обнаруживает характерные тенденции содержательного порядка: 1) основная масса новых фразеологических единиц формируется на основе ассоциаций по сходству (фразеологизмы с метафорическим значением), на втором месте находятся фразеологизмы, основанные на метонимии и синекдохе; 2) количество новых глагольных фразеологических единиц преобладает над субстантивными; гораздо меньшим количеством представлены адъ-

ективные и адвербиальные единицы. Первая тенденция иллюстрирует универсальные логико-семантические механизмы формирования фразеологических единиц в синхронии – на базе ассоциаций по сходству и по смежности.

Содержательную информацию к размышлению относительно ментальных и семантических механизмов порождения в речи фразеологических единиц дают последние открытия в области нормальной физиологии и патологии мозга. В этой связи представляют особый интерес исследования, связанные с образной памятью и с функциональной асимметрией мозга [Иванов 1978; Вейн 1983].

Феномен образной памяти хорошо иллюстрируется поведением птенцов выводковых птиц, которые запоминают и принимают в качестве «матери» образ первого увиденного движущегося предмета (курицы, человека, собаки, шара и др.). Факт этот, открытый несколько лет назад и получивший название импринтинга – запечатления, был объяснён недавно: образ движущегося предмета «материализуется» в определённом участке левого полушария мозга птенцов посредством умножения связей между нейронами. Затем в короткое время (в течение 32 часов) такое обогащение связей между нейронами происходит и на симметричном участке правого полушария мозга. В сегодняшней физиологии существует две гипотезы формирования образной памяти. Согласно первой в процессе эволюции у живых существ вырабатывается два различных механизма мозга – психонервная деятельность, позволяющая действовать в мгновенно изменяющихся условиях, которая направляется образами, и условный рефлекс, имеющий повторяемость основу. Согласно второй гипотезе, образная память также имеет в своей основе условнорефлекторный механизм, но разового действия, скорректированный доминантной установкой в условиях эмоционального напряжения, стресса [Симонов 1981].

По мнению исследователей, житейские и практические знания хранятся в памяти человека в виде образных фрагментов пережитого прошлого [Кацнельсон 1984: 4–5]. См. понятие о фрейме – структуре данных для представления стереотипной ситуации – как способе обработки, систематизации и хранения «знаний о мире» [Минский 1979; Звегинцев 1982; Агрикола 1984; Богданов 1984]. Именно образные представления житейского характера образуют внутреннюю форму основной массы исконно русской фразеологии: *выносить сор*

из избы, мокрая курица, стреляный воробей, как кошка с собакой, до последней нитки, как сапожник, рожки да ножки, тише воды, ниже травы и др.

Согласно теории функциональной асимметрии человеческого мозга, распределение функций между полушариями мозга осуществляется следующим образом: правое полушарие ведает образным мышлением, образными представлениями, связанными с распознаванием сложных зрительных образов, левое – отвечает за речь и логическое мышление. Известна также эмоциональная специализация мозга: в левом полушарии «локализуются» положительные эмоции, в правом отрицательные [Гешвинд 1982]. Заманчиво предположить, что образованием фразеологических единиц ведает правое, «образное» полушарие мозга, которое поставляет в распоряжение говорящего образы-представления, накопленные им в процессах практической и когнитивной, познавательно-классифицирующей деятельности. Воспроизведение в памяти представлений происходит на эмоциональном фоне, преимущественно в условиях эмоционального дискомфорта. Такое наше предположение косвенно подкрепляется полученными нами данными о количественном преобладании фразеологизмов с отрицательной эмоциональной коннотацией над фразеологизмами с положительной эмоциональной окраской (в соотношении 3:1). Актуализированные таким образом представления передаются в левое полушарие мозга, которое «облекает» их в вербальную форму (область Вёрнике?).

В работах психиатров встречаются интересные свидетельства, касающиеся изменения речи людей в состоянии высокого эмоционального напряжения, вызванного характером труда либо связанного с природными и социальными катаклизмами. Так, отмечены рост частоты встречаемости в тексте устойчивых словосочетаний, эмоциональных слов, увеличение доли синтагматических ассоциаций и др. [Спивак Д. Л. 1983, 1985]. Думается, эти свидетельства, а также результаты исследования феномена образной памяти могут пролить дополнительный свет на ментально-психологические механизмы порождения и употребления в речи фразеологизмов, как эмоционально насыщенных, экспрессивных единиц, обладающих высокой степенью суггестивности, аккумулирующих и отражающих ресурсы образной памяти, призванной управлять психонервной деятельностью человека.

Вышесказанное позволяет, как нам кажется, более аргументированно квалифицировать фразеологические единицы (идиомы) в качестве содержательных (ментально-языковых) универсалий.

4.2. Воспроизводство фразеологических единиц в речи как ономаσιологический акт

На ранних этапах развития отечественной фразеологии, когда в спорах и дискуссиях рождались и апробировались основные понятия фразеологии как науки, дискутировался также вопрос о категориальных, дифференциальных признаках фразеологической единицы, в числе которых на первое место выдвигался признак воспроизводимости. Воспроизводимость понималась и по традиции понимается до сих пор как способность фразеологических единиц извлекаться из памяти в готовом виде, а не создаваться в процессе речи. По сути воспроизводимость фразеологизмов является показателем их виртуального статуса, т. е. их статуса как единиц языковой системы, а не речи.

Учёные, отрицавшие воспроизводимость в качестве дифференциального признака фразеологических единиц, аргументировали свое мнение тем, что воспроизводимость присуща не только фразеологизмам, но и другим виртуальным единицам – морфемам, лексемам и др. Л. И. Ройзензон, сторонник широкого понимания объёма фразеологии, выступил с уточнением понятия воспроизводимости: «Смысл фразеологической воспроизводимости состоит в том, что УСК не создаются в речи, а воссоздаются потому, что они не могут там быть созданы (? – А. Э.), тогда как другие единицы (например, слова и словосочетания) могут быть сконструированы уже в процессе речи. Вот почему возможны новые слова, окказионализмы, понятные всем носителям данного языка (ибо эти слова «подстраиваются» под уже существующие в языке словообразовательные ряды), тогда как новые ФЕ, созданные в процессе речи и понимаемые носителями языка именно как новые единицы фразеологического фонда, невозможны» [Ройзензон 1973: 103–104]. Как видно из приведённой цитаты (это следует и из дальнейшего текста), Л. И. Ройзензон не обращается к психологическим механизмам воспроизведения как ментального процесса; более того, он резко критикует тех учёных, которые отстаивают психологическую или психолингвистическую природу категории воспроизводимости (Л. Ф. Ершова-Белицкая, Э. Ханпира).

Думается, что сегодня уже невозможно адекватно интерпретировать категорию воспроизводимости, стоя на почве только лингвистики. Процессы воспроизведения фразеологической единицы, её актуализации, т. е. психические процессы, связанные с воспоминанием уже готовых, известных языковых единиц, нужно рассматривать в широком коммуникативном контексте – как ономазиологические акты, имеющие ментально-психологические основания, а именно – как формирование идеального содержания, сопровождающееся поиском узуально закреплённой за ним языковой формы и завершающееся «сцеплением» содержания с формой.

Сочувственно цитируя высказывание психолога о том, что «слова не хранятся в памяти как слова, но как комплексы признаков» и что «когда слова используются, они не репродуцируются, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков», Е. С. Кубрякова относит эти положения прежде всего к производным словам [Кубрякова 1980б: 44]. «Думается, что «порождаться», то есть создаваться в речи заново, могут именно производные слова, ибо их способность «реконструироваться» при необходимости из составляющих их признаков составляет их коренное отличие от слов простых, производных, извлекаемых из нашей памяти в виде готовых, целостных знаков» [Там же].

Думается, что способность реконструироваться в процессе актуализации из «составляющих признаков» свойственна не только производным словам, но и производным, а также фразеологизмам. Фразеологические единицы, как сверхсловные комплексы, «крупногабаритные» образования, требуют больших умственных усилий для их извлечения из памяти. Воспроизведение фразеологизмов в речи может базироваться на разных психических процессах – припоминании и собственно воспроизведении. Собственно воспроизведение – это воссоздание в памяти материала без опоры на восприятие [Общая психология 1981: 228]. Такое воспроизведение является базой основной массы актуализации фразеологических единиц – извлечения их из памяти и включения в речь. Ментальный феномен, обозначаемый с помощью фразеологизмов *вертеться в голове, вертеться на языке (на кончике языка)*, приложимый и к словам, и к фразеологическим единицам, представляет другой психический процесс – припоминание – «воспроизведение, при котором в данный момент нет возможности вспомнить нужное, но есть

уверенность, что оно запомнено» [Там же]. Припоминание требует волевого усилия и обращения к ассоциированию.

В процессах собственно вспоминания и припоминания лексических и фразеологических единиц на «поверхности» памяти как бы проступают их отдельные признаки – структурные (характерные звуковые сцепления, формообразовательная, словообразовательная или синтаксическая модели и др.) и содержательные (отдельные семы, ассоциативное поле языковой единицы и др.). При воспроизведении в речи слова или фразеологизма ментальные усилия обращены как на поиск уже знакомой формы, так и на воспроизведение содержания единицы. Ищущая мысль обращается прежде всего к понятийному или тематическому полю, как одной из форм хранения в памяти знаний: говорящий как бы перебирает синонимы искомой языковой единицы или тематически близкие к ней слова, словосочетания, фразеологизмы. Одновременно идут поиски в области формы. Все ментальные процессы осуществляются на широкой ассоциативной платформе.

Проиллюстрируем сказанное примером из области лексики. Мне надо было вспомнить слово *политес*, употреблённое несколько дней назад коллегой. «У нас тут без особых политесов!» – сказал он в ответ на вопрос гостя о том, куда можно повесить пальто. Первыми вербальными реакциями, «выловленными» из мутной ассоциативно-смысловой среды, были лексемы *куртуазный*, *куртуазность*, относящиеся к тому же ассоциативному полю (французский язык), что и искомое слово. Но они не удовлетворяли моему смутному представлению о форме этого слова. В результате дальнейших мыслительных усилий в памяти «всплыл» элемент *-тес*, вычлененный из неожиданно «подвернувшегося» слова *деликатес*, которое «проявилось» в ассоциативном ряду «французский язык». И лишь на последнем этапе вспоминания произошло «сцепление» элемента *-тес* с предыдущей частью слова, в результате чего «всплыло» наконец искомое слово – *политес*. (Информация к размышлению: в «Обратном словаре русского языка» зафиксировано лишь одно слово с элементом *-тес* – *деликатес*).

Таким образом, психические процессы воспроизведения в памяти и актуализации в речи нужной в конкретной коммуникативной ситуации языковой единицы оперируют на уровне языковой системы на материале семантического (в широком смысле) поля и ассоциативно-смыслового ореола искомой языковой единицы.

Именно такое понимание воспроизводимости фразеологической единицы как её реконструкции по некоторым формальным и содержательным признакам лежит в основе разных типов структурно-семантических преобразований фразеологизмов. Вариантность является обязательным признаком фразеологических единиц, не исключаящим, а, наоборот, подкрепляющим их категориальный признак – устойчивость. «Стало очевидным, что подлинная сущность устойчивых словесных комплексов фразеологического типа обнаруживается в вариативности их конститuentов в тексте» [Чернышёва 1980: 186]. См. также Кунин 1980а, 1980б; Диброва 1979, 1980].

Процессы актуализации фразеологических единиц в речи сопровождаются «подгонкой» их семантики и структуры к содержанию и форме контекстно и ситуативно обусловленного высказывания. Прагматический «произвол» говорящего может обнаруживать себя при сохранении внешней формы фразеологических единиц и особенно – при её разрушении. Простейший случай «произвола» говорящего имеет место при использовании готового фразеологизма в нетипичных для него контекстуальных условиях. Изменение характера фразеологического окружения (семантического и грамматического) может сопровождаться расширением, дальнейшим абстрагированием значения фразеологизма и, в конечном счете, формированием его нового семантического варианта. См. новое метафорическое значение фразеологической единицы *не жилец*, отражённое в СМ–79. *Не жилец*: 1. О плохой, старой, неисправной вещи, которая не будет долго служить (в разг. речи). В одно из отделений пришёл парнишка из СПТУ, трактор ему достался «не жилец». 2. О том, кто пробудет где-л. недолго: Анна Сергеевна Кальтя, однажды сурово отчитав его за небрежность к матанализу, пророчески заметила: «Нет, *не жилец* он у нас», – имея в виду, что вверенный ей образцовый техникум с отличной репутацией и Димка Прошкин, семнадцати лет от роду, не уживутся» (СМ–79: 86). Ср. первичное фразеологическое значение данной единицы: *не жилец* ‘долго не проживёт, обычно из-за слабого здоровья, болезни и т. п.’ [ФСРЯ: 158].

Такое переносное употребление фразеологической единицы, как правило, осуществляется на основе сознательной установки говорящего на создание определённого эмоционально-экспрессивного эффекта. В аналогичных контекстуальных условиях может наблюдаться и так называемая буквализация, т. е. восстановление исход-

ного значения свободного словосочетания в целом и каждого из его компонентов. Примеры: На высоту такую, милая, ты не *посмотришь свысока* (В. Котов). Один укол стального жальца анализ крови сделал мне. Он, правда, *высосан из пальца*, но убедителен вполне (В. Берестов). В конце-то концов сведения поступят к билетному диспетчеру вокзала, но продать билеты он уже не успеет по той простой причине, что *поезд*, как говорится, *ушёл* (Изв., 7 апр. 1986) и др. Как видно из примеров, буквальные значения свободных словосочетаний актуализируются на фоне их фразеологических значений, которые «проявляются» в тексте, что способствует созданию иронического или шутливового эффекта.

Лексическое варьирование фразеологических единиц, основанное на субституции одного из компонентов тематически или по смыслу близким словом, может осуществляется говорящим как сознательно, ситуативно обусловленно, так и неосознанно, автоматически – на базе ассоциаций по сходству или по смежности. Ср.: *держат камень за пазухой – держат войны за пазухой, словно из ведра – словно из ковша, разбиваться в лепешку – разбиваться в блин, без лишних слов – без длинных слов, рубить сплеча – косить сплеча, глас вопиющего в пустыне – вопль вопиющего в пустыне* и др. Ментально-ассоциативные механизмы лежат также в основе формирования таких лексических вариантов фразеологизмов, когда лексический субститут извлекается из дефиниции и «перебрасывается» в состав данного фразеологизма (своеобразное проявление ассоциации по смежности). Такой ментально-языковой процесс осуществляется, как правило, автоматически. Например, на основе переносно-метафорического употребления спортивного термина *второе дыхание* в 60-е годы сформировалась соответствующая по форме фразеологическая единица со значением ‘новые силы, прилив энергии, бодрости у кого-л. после периода усталости, апатии, неудач’ (НСЗ–71: 166). А словарь неологизмов 70-х годов зафиксировал словосочетание *новое дыхание* со значением ‘повышение активности, оживление’, которое образовано путём замещения слова *второе* словом *новое*, извлечённым из дефиниции производящей фразеологической единицы – *второе дыхание*.

Очень яркой иллюстрацией глубинных ментально-ассоциативных процессов являются многочисленные примеры фразеологических контаминаций, основная масса которых формируется произ-

вольно, без сознательной коммуникативной установки говорящего на определённый прагматический результат. Простейший случай фразеологической контаминации – соположение (в разной последовательности компонентов – подряд или вперемежку) двух фразеологических единиц, имеющих общий компонент и часто смежных или близких по значению: *радовать сердце + радовать глаз = радовать сердце и глаз*; *резать по сердцу + нож в сердце = резать по сердцу ножом*; *бросать упрек + бросать слова на ветер = бросать упреки на ветер*; *брать с бою + брать на абордаж = брать с бою на абордаж* и др.

Контаминация может сопровождаться выкидкой одного или нескольких компонентов из состава сопрягающихся фразеологических единиц: *божий свет + коптить небо = коптить божий свет*; *совать палки в колеса + последняя спица в колеснице = совать палки в колесницу* и др. См. [Эмирова 1983].

Фразеологическая контаминация может иметь результатом и приращение нового компонента, извлечённого из ассоциативно-смыслового или тематического поля фразеологизма в целом или его отдельного компонента. Так, фразеологический окказионализм *мазать розовой краской* ‘изображать что-л. в привлекательном виде, скрывая подлинную сущность’ (СМ–78: 104) сформировался в результате скрещения фразеологических единиц *замазывать глаза* ‘вводить в заблуждение, обманывать кого-либо’ [ФСРЯ: 167] и *смотреть сквозь розовые очки* ‘не замечать недостатков в ком-либо или в чем-либо, идеализировать кого-либо или что-либо’ [ФСРЯ: 440]. Например: *Решение президента США даёт широкую свободу действий тем, кто усердно мажет розовой краской нейтронную бомбу* (Комс. правда, 12 апреля 1978).

Ещё более сложной являются внутренняя и внешняя формы индивидуально-авторских фразеологизмов *прятать голову в кусты* и *страусовые кусты*, сформированных на основе сравнения как *страус, который прячет голову в песок*, и узуальных фразеологических единиц *смотреть в кусты* ‘стремиться увильнуть от дела, от ответственности’ [ФСРЯ: 439] и *в кусты* ‘подальше от ответственности, от непосредственного участия в деле (уходить, прятаться и т. п.)’ [ФСРЯ: 219]. Ср.: <...> Их же оппоненты, твердящие о «порче нравов», могут и впрямь показаться *страусами, прячущими голову в песок* (ЛГ, 29 янв.1986). Те или иные хотят не видеть этой сложно-

сти, *спрятать* от неё *голову в кусты* (ЛГ, 7 марта 1984). <...> Но от сложности жизни и от сложности духовных проблем нам всё равно никуда не деться, даже с помощью бегства и *страусовых кустов* (ЛГ, 7 марта 1984). Здесь следует отметить, однако, что такого рода трансформации фразеологизмов могут быть квалифицированы в качестве речевых ошибок.

Поиски адекватного идеального содержания подчас толкают говорящего к полному разрушению внешней и внутренней форм фразеологических единиц, в результате чего они «растворяются» в высказывании, при этом на «поверхности» текста остаются отдельные элементы, сколки фразеологизмов, сигнализирующие о них. Такой тип трансформации фразеологических единиц условно можно назвать фразеологической реминисценцией: А я, как *ломоть* от краюхи хлеба, своей бедой *отрезана* от мира (Румянцева). (Ср.: *отрезанный ломоть*). Кабала в *павлиньи перья* разодета (Поделков). (Ср.: *ворона в павлиньих перьях*) и др.

Особый интерес для теории фразообразования представляют процессы транспозиции – такие преобразования фразеологических единиц в речи, в результате которых формируются соотносительные по семантике, отчасти совпадающие по форме, но различающиеся в категориально-грамматическом отношении фразеологические единицы. На базе глагольных идиом путём отсечения глагольного компонента формируются предикативные фразеологические единицы: *садиться на своего любимого конька* – *любимый конёк*, *задеть за большое место* – *большое место*, *разводить турусы на колёсах* – *турусы на колёсах*, *играть на руку* – *на руку*, *прижать к ногтю* – *к ногтю*, *строить на песке* – *на песке* и др. Такая трансформация во многом обусловлена характером семантики глагольного компонента: чем более широкой семантикой он обладает (*держатъ*, *брать*, *давать*, *делать* и др.), тем легче может элиминироваться из состава фразеологизма: *держатъ в курсе* – *в курсе*, *держатъ камень за пазухой* – *камень за пазухой*, *держатъ на привязи* – *на привязи*, *держатъ нос по ветру* – *нос по ветру*, *держатъ уши на макушке* – *уши на макушке*, *держатъ язык за зубами* – *язык за зубами*, *держатъ в ежовых рукавицах* – *в ежовых рукавицах*, *брать в руки* – *в руках*, *брать на буксир* – *на буксире*, *брать на мушку* – *на мушке*, *брать под стражу* – *под стражей*, *дать путёвку в жизнь* – *путёвка в жизнь*, *делать на одну колодку* – *на одну колодку* и др.

.Изменение лексико-грамматического статуса глагольных фразеологизмов может происходить в речи и путём субстантивации: *трепать нервы* – *трёпка нервов*, *гадать на кофейной гуще* – *гадание на кофейной гуще*, *переливать из пустого в порожнее* – *переливание из пустого в порожнее*; *ударить в спину* – *удар в спину*, *ударить из-за угла* – *удар из-за угла*, *играть с огнём* – *игра с огнём*, *играть в бирюльки* – *игра в бирюльки*, *играть в молчанку* – *игра в молчанку*, *играть в прятки* – *игра в прятки* и др.

Предикативные новообразования рассмотренных типов отличаются от своих производящих характером семантики: глагольные фразеологические единицы выражают предикативный признак динамически, их предикативные дериваты – статически, как постоянный признак, состояние.

Гораздо реже, по нашим наблюдениям, разного рода преобразования фразеологических единиц имеют результатом формирование наречных фразеологических единиц на основе глагольных и субстантивных: *держат камень за пазухой* – *с камнем за пазухой*, *отводит глаза* – *для отвода глаз*; *задняя мысль* – *без (всякой) задней мысли*, *злоба дня* – *на злобу дня*, *чёрный день* – *на (про) чёрный день* и др. Образование адвербиальных единиц связано с введением в структуру исходных единиц различных первообразных предлогов, формирующих обстоятельственные значения.

Направление фразеологической деривации подчас трудно определить, но основная тенденция здесь, как нам кажется, от глагола к предикативному имени. Это находит косвенное подтверждение и в том, что моносемантические дериваты, как правило, «покрывают» значения семантических вариантов производящей фразеологической единицы. Ср.: *держат ушки на макушке*: 1) ‘не доверяться кому-либо, быть очень осмотрительным, осторожным’, 2) ‘быть настороже, начеку’ [ФСРЯ, с.138]; *ушки на макушке* ‘кто-либо насторожён, очень внимателен, готов к чему-либо непредвиденному, неожиданному’ [ФСРЯ: 501]. Ср. также: *разводит турусы на колёсах* 1) ‘говорить чепуху, вздор, небылицы, врать’, 2) ‘болтать о чём-либо, вести пустые разговоры, разговаривать’ [ФСРЯ: 378]; *турусы на колёсах* ‘вздор, бессмыслица, враньё’ [ФСРЯ: 483] и др.

Рассмотренные выше фразеологические дериваты квалифицируются в ФСРЯ как варианты фразеологических единиц, инвариантные формы которых даны в заголовке словарной статьи. Например,

в состав словарной статьи «К ногтю» включены фразеологические единицы *взять к ногтю*, *прижать к когтю*. Значения их раскрыты как тождественные – ‘уничтожить, ликвидировать, расправиться’; в функциональном отношении их характеристика также одинакова – они выполняют функцию сказуемого, поэтому их включение в состав одной словарной статьи представляется в определённой степени правомерным.

В словарной статье «Задняя мысль» (‘скрытое намерение, тайный умысел’) безо всяких комментариев помещена фразеологическая единица *без (всякой) задней мысли*, семантическая и деривационная связь которой с первой единицей очевидна. Однако она имеет иную категориально-грамматическую характеристику – это адвербиальная единица. Направление фразеологической деривации здесь неясно, следовательно, нет основания считать единицу *без задней мысли* вариантом первой и помещать её в ту же словарную статью.

Реже встречаются в ФСРЯ случаи, когда подобные коррелятивные пары подаются в виде отдельных словарных статей и, следовательно, квалифицируются как самостоятельные единицы. Ср.: *пускать себе пулю в лоб – хоть пулю в лоб*, *держат ушки на макушке – ушки на макушке*, *разводить турусы на колёсах – турусы на колёсах*, *пуститься во все тяжкие – во все тяжкие* и др.

Рассмотренные выше фразеологические новообразования имеют двойственную языковую природу: часть из них может быть квалифицирована в качестве вариантов уже существующих единиц, другие – как самостоятельные новообразования. В любом случае они иллюстрируют различные типы и способы структурно-семантических трансформаций фразеологических единиц в актах речепроизводства, показывают тесную связь процессов первичного и вторичного фразообразования (производства и воспроизводства), общность ментальных механизмов их порождения и актуализации.

4.3. Объект фразеологической номинации

Термин *номинация*, как отмечают исследователи, относится к числу многозначных. Он может обозначать процесс наименования и результат этого процесса – само наименование. В данном подразделе работы он использоваться во втором значении – в качестве готового, узувально принятого языкового знака. См. [Гак 1977б: 231–232].

Отмечается узкое и широкое употребление термина *номинация*. В первом случае номинация понимается как обозначение предме-

та с помощью отдельных слов или словосочетаний субстантивной семантики [Никитевич 1973; Голев 1974; Шмелёв 1977]. Широкое употребление термина предполагает его отнесение к более широкому кругу языковых средств, именующих несубстанциональные элементы действительности – качества, свойства, отношения, процессы, действия, психические состояния, чувства говорящего и др. Мы будем использовать термин *номинация* в таком широком значении – как «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [Гак 1977б: 234]. «Номинация есть закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определённые признаки денотата – свойства, качества и отношения – предметов и процессов материальной и духовной сферы, благодаря чему языковые единицы образуют содержательные элементы вербальной коммуникации» [Колшанский 1977: 101]. Следовательно, номинативная единица – это любая языковая единица, которая «имеет некоторое содержание, соотносимое с любым экстралингвистическим объектом» [Колшанский 1975: 74].

При таком широком понимании номинации фразеологические единицы основных семантико-грамматических (частеречных) рядов также относятся к номинативным средствам языка. Изучение фразеологических единиц разных типов в номинативном аспекте в отечественном языкознании только начинается, и здесь в силе остаётся мнение В. Н. Телия, наметившей в своих работах [Телия 1977а, 1980б, 1981а, 1981б] основные контуры фразеологической номинации как особого раздела общей теории номинации: «Пока что феномен “фразеологической номинации” остается наименее исследованной областью номинативной деятельности» [Телия 1977а: 147].

Определение номинативной ценности фразеологических единиц в работах В. В. Виноградова и его последователей, по мнению В. Н. Телия, проводилось «скорее в семасиологическом, чем в ономазиологическом ракурсе: номинативная функция фразеологизмов определяется на основе отсутствия самостоятельной номинативной соотнесённости хотя бы одного из компонентов сочетания с элементами обозначаемой им действительности» [Телия 1977а: 147].

В научной литературе встречаются разные точки зрения относительно объекта фразеологической номинации: одни учёные считают, что идиомы соотносятся с событиями, ситуациями объективной дей-

ствительности, по мнению других – с их помощью именуются и характеризуются предметы и классы предметов (в широком смысле).

В зависимости от характера номината (обозначаемого объекта) В. Г. Гак предлагает делить номинации на два типа – элементные и событийные (ситуативные). «Элементная номинация обозначает определённый элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект» [Гак 1977б: 257]. Сочетание двух простых элементов даёт в результате сложный элемент ситуации, имеющий структуру предмет + признак, действие + предмет и др. Событийная же номинация обозначает микроситуацию, событие, объединяющее несколько элементов. Номинантом (языковой формой) элементной номинации является слово или словосочетание, событийная же номинация имеет внешнюю форму предложения, в связи с чем она иногда именуется «пропозитивной номинацией» [Там же].

В цитированной выше работе В. Г. Гака, в которой представлена комплексная типология («типология типологий») лингвистических номинаций, идиомы как особый тип номинации специально не рассматриваются. Этим вызвана необходимость постановки и решения вопроса: каков объект фразеологической (идиоматической) номинации? Иными словами: что в реальной действительности соответствует идиомам – элементы или события?

Идиоматика современного русского литературного языка, как уже говорилось выше, представлена преимущественно признаковыми именами, обозначающими признаки и свойства денотатов: глагольными фразеологическими единицами, конкретизирующими категорию признака в виде действия, состояния предмета; адвербиальными, характеризующими действия и процессы; предикативными в таких разновидностях, как субстантивно-предикативные (субстантивные фразеологизмы с качественным значением), адъективно- и наречно-предикативные (наречные фразеологизмы с количественным значением). Следовательно, идиомы можно квалифицировать в качестве элементных номинаций. Обозначая признаки и свойства предметов, признаковые имена имеют в своем номинативном значении указание на эти предметы, которое реализуется в рамках синтагматического развёртывания их семантики. Признаковые имена могут быть квалифицированы как «скрытые синтагмы» [Уфимцева 1977а: 69].

Номинативное значение признаков имен, как уже говорилось, облигаторно ориентировано относительно субъекта, носителя признака или производителя действия, причем такая субъектная ориентация может быть непосредственной (для глагольных и предикативных фразеологических единиц) или опосредованной – через глагол – для наречных фразеологизмов с качественно-обстоятельными значениями. Указание на другие элементы ситуации в содержании идиоматических номинаций встречается реже. Так, глагольные фразеологические номинации построены по модели «действие (состояние) + лицо (предмет)», причем значение лица (предмета) актуализируется в минимальной синтагматической рамке, как правило, в позиции слева: *кто бряцает оружием, кто оседлал своего любимого конька, кто опустил крылья (крылышки), кто вьёт верёвки из кого, что бьёт по карману кого, что выбило из седла кого, кто-что гнёт в бараний рог кого, что накаляет атмосферу* и др.

Именные (субстантивные, адъективные, наречные) идиоматические номинации построены по номинативной модели «признак + лицо (предмет)». Реже в структуре номинации имеется указание на другой элемент ситуации. Значение лица (предмета) вынесено в область синтагматических связей идиом и в эмоционально индифферентной речи актуализируется в препозиции: *кто есть коломенская верста, кто есть голь перекатная, что есть развесистая клюква, что есть бабы сказки, что есть камень преткновения, что есть вчерашний день чего, у кого ни кожи ни рожи, что есть сказка про белого бычка, кто-что есть сбоку припеку, чего непочатый край, кого-чего есть (хоть) пруд пруди, кого-чего есть тьма тьмущая* и др.

Признаковая часть номинации состоит, как правило, не из одного, а нескольких признаков, переплетённых друг с другом и образующих сложный признак. Так, *голова садовая* – это ‘несообразительный и неловкий человек, разиня’; *коломенская верста* – ‘человек очень высокого роста; верзила’; *голь перекатная* – ‘человек, живущий в страшной нищете, опустившийся; босяк’; *гусь лапчатый* – ‘хитрый, ловкий человек; плут, пройдоха’; *волк в овечьей шкуре* – ‘человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели; лицемер’ и др.

Словарные дефиниции (толкования значения) приведённых выше фразеологических единиц состоят из двух частей – развёрнутого определения со структурой субстантивного словосочетания и, после

точки с запятой, его однословного эквивалента – существительного. Может показаться, что фразеологические единицы, имеющие однословные эквиваленты, называют один простой элемент действительности. На самом же деле значения таких существительных носят признаковый, качественный характер: они обозначают (и одновременно оценивают) человека по какому-либо характерному для него признаку (или нескольким смежным признакам). Номинативное значение однословных эквивалентов фразеологизмов само имеет номинативную структуру признак + лицо: *разиня* – ‘рассеянный, невнимательный человек’; *верзила* – ‘высокий и нескладный человек’; *босяк* – ‘опустившийся человек из деклассированных слоёв населения’; *лицемер* – ‘лицемерный человек’.

Признак, обозначаемый идиомой, как правило, не атомарен, а представляет собой переплетение нескольких смежных свойств и качеств: *воды не замутит* ‘очень скромн, тих, кроток’; *остёр на язык* ‘остроумен, язвительн’; *кровь с молоком* ‘здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица’; *себе на уме* ‘скрытен, хитёр, не обнаруживает своих мыслей, намерений’; *семи пядей во лбу* ‘очень умный, мудрый, выдающийся’; *пороха не выдумает* ‘не отличается сообразительностью, не очень умён’; *не промах* ‘ловок, сообразителен, не упустит своего’ и др.

Особо следует обговорить объект фразеологических номинаций, структурно организованных как двусоставные предложения: *голова варит у кого* ‘кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив’; *молоко на губах не обсохло у кого* ‘кто-либо совсем ещё молод и неопытен’; *голова забита у кого чем* ‘кто-либо полон забот, дум и т. п. о ком-либо или о чём-либо; кто-либо обременён какими-либо знаниями, сведениями и т. п., обычно ненужными’; *почва уходит из-под ног кого, чьих, у кого* ‘чье-либо положение становится ненадёжным, неуверенным, шатким; кто-либо теряет уверенность в своём положении или в успехе какого-либо дела, начинания’; *карачун пришёл кому* ‘кто-либо внезапно умер, скончался, погиб’; *руки коротки у кого* ‘нет достаточной власти, права, возможности и т. п. (делать что-либо)’; *руки не доходят у кого до кого-чего* ‘нет времени, возможности заняться кем-либо, сделать что-либо’; *язык заплетается у кого* ‘кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо’ и др.

Как видно из примеров, такие фразеологические единицы обозначают синкретичный признак, состоящий из нескольких смежных

признаков. Вне контекста они семантически и функционально не-самодостаточны: только при заполнении актантных позиций слева (для части идиом – и справа) они способны образовать минимальный текст – преимущественно безличное предложение: *У тебя язык заплетается. У меня теперь голова страшно забита кучей хлопот.* Следовательно, предикатные фразеологизмы, имеющие структуру двусоставного предложения, но функционирующие в качестве одного члена предложения – сказуемого, также должны быть квалифицированы как элементная номинация. Их следует отграничивать от устойчивых словесных комплексов, структурно организованных как предложение, но образующих законченное высказывание-суждение, – пословиц, поговорок, афоризмов, цитат: *Сухая ложка рот дерёт. Шила в мешке не утаишь. Мал золотник, да дорог. Сорок лет – бабий век. Уговор дороже денег. Человек – это звучит гордо!* и др. Такие сочетания слов имеют форму предложения (одно- или двусоставного), обозначают ряд элементов, сцеплённых в ситуацию, событие, и, следовательно, должны квалифицироваться в качестве событийных номинаций. Они находятся за пределами идиоматики языка и относятся к фразеологии в широком смысле (в семантической типологии Н. М. Шанского они названы фразеологическими выражениями коммуникативного характера).

Следует отметить, однако, что дифференциация фразеологических номинаций на элементные и событийные представляет определённую трудность. И это связано прежде всего со сложностью семантической природы фразеологических единиц, предполагающей установление связей языковых явлений как с мыслительным содержанием, так и с предметами внеязыковой действительности. Трудности при определении объекта фразеологической номинации связаны также и с тем, что не совсем чётко дефинировано содержание самих понятий элемента и события, ситуации, лежащих в основе разграничения типов фразеологической номинации. Обратимся ещё раз к соответствующим дефинициям.

Под элементом следует понимать «предметы, обладающие характеристиками пространственного порядка, связанные с ними процессы (события или состояния), характеризующиеся во временном плане, связывающие их отношения, признаки предметов и процессов» [Гак 1977б: 260]. Сочетание двух элементов образует сложный элемент ситуации, но, с другой стороны, микроситуация, событие, факт тоже

образуются объединением ряда элементов – субъекта и его действия, состояния. Вспомним при этом, что действия и состояния входят в более широкую семантическую категорию – признака, и тогда различие между сложным элементом ситуации (например, со структурой предмет + признак) и ситуацией в целом становится еще более неясным.

Если, наконец, учтём, что категории предмета (вещи), свойства и отношения (признака) взаимосвязаны друг с другом и могут, так сказать, взаимопереходить друг в друга в вырожденных случаях (отношение как свойство, свойство как вещь, вещь как свойство и др.) [Уемов 1963: 54–56], тогда разграничение элемента и ситуации (следовательно, элементных и событийных номинаций) может показаться вообще невыполнимым.

Думается, что решение вопроса может проясниться при обращении к некоторым категориям логики. На логическом уровне элементы объективной действительности могут отражаться в форме конкретного понятия («понятие, в котором отображён определённый, данный предмет или класс предметов» [Кондаков 1971: 223]) или абстрактного понятия («понятие, в котором отображён не данный предмет как таковой, а какое-либо свойство предметов, отвлечённое мысленно от самих предметов» [Там же: 11]). Идиомы как признаковые имена выражают абстрактные понятия: они именуют процессы, состояния, признаки предметов и действий. Возражение может вызвать интерпретация логико-семантического содержания лишь субстантивных фразеологических единиц с предикатным значением. При формальном подходе к анализу их дефиниций может сложиться впечатление, что сигнификат субстантивной фразеологической единицы, например, *мокрая курица* ‘безвольный, бесхарактерный человек’, представляет собой сочетание конкретного понятия (человек) с абстрактным, отражающим свойство, признак человека (безвольный, бесхарактерный). Постараемся показать ошибочность такой интерпретации.

Обращает на себя внимание, что неизменным компонентом дефиниций субстантивных фразеологизмов, характеризующих человека по его признакам – физическим, психическим, социальным, является лексема *человек*, а в составе дефиниций субстантивных фразеологизмов со значением неодушевленного предмета часто встречается указательное местоимение *то (тот)*. Ср.: *калиф на час* – ‘че-

ловек, наделённый или завладевший властью на короткое время»; *стреляный воробей* – ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’; *белая ворона* – ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них’; *пробный камень* – ‘то, что выявляет свойства, качества, сущность кого-либо или чего-либо’; *ариаднина нить* – ‘то, что помогает найти выход из затруднительного положения’; *больное место* – ‘то, что более всего волнует, беспокоит и т. п.’ и др. Ср. также два значения одной фразеологической единицы: *тяжёлая артиллерия*: 1) ‘неповоротливый (-ые), медлительный (-ые) человек (люди)’; 2) ‘то, что придерживается на самый крайний случай как самое надёжное, действенное средство для достижения чего-либо’.

Дефиниции, построенные без указанных частотных слов *человек* и *то, тот*, можно рассматривать как некорректные, вызванные недостаточной разработанностью в теории и практике лексикографии принципов построения словарных дефиниций. Случаи же однословных дефиниций могут быть квалифицированы как свёртки, которые легко развёртываются по типичной для субстантивных фразеологических единиц формуле словарного толкования. Например, фразеологическая единица *канцелярская крыса* толкуется как ‘чинуша, бюрократ, формалист’. Каждое из этих слов имеет признаковое значение и может быть семантизировано по формуле «человек + признак»: *чинуша* – ‘тот, кто ведёт свою работу с холодным равнодушием, без интереса’; *бюрократ* – ‘человек, который привержен к бюрократизму’; *формалист* – ‘человек, работа которого проникнута формализмом’. Подставив любое из этих толкований в дефиницию фразеологизма *канцелярская крыса*, мы получим типичную для субстантивных фразеологизмов со значением лица формулу семантизации.

Изофункциональность лексем *человек, тот* и *то* в составе дефиниций рассмотренного типа наталкивает на мысль об их семантической однородности: лексема *человек* выполняет здесь не номинативную функцию, а дейктическую, указательную, как местоимения *тот, то*. Наше предположение подтвердилось данными частотного словаря семантических множителей [Караулов 1980]: лексема *человек* включена в список нулевых множителей, как обладающая очень широкой семантикой, семантически пустая. (Семантический множитель *чел*, так называемая квазиоснова лексемы *человек*, имеет на дескрипторном множестве, т. е. в дефинициях дескрипторов, индекс

частотности 59, на массиве словника – 91 и занимает 5-ую позицию в частотном словнике семантических множителей. Содержательную интерпретацию приведённых данных см. в [Караулов 1980: 3–35]). Сказанное выше даёт нам основание полагать, что лексема *человек* в составе дефиниций рассмотренного типа является формальным показателем класса предметов, которым приписывается данный признак. Следовательно, субстантивные фразеологические единицы могут квалифицироваться в качестве элементарных номинаций, отражающих не предмет, а признак предмета (resp. выражающих абстрактное понятие).

Дополнительную аргументацию данного положения мы усматриваем также в отсутствии чётких различий между дефинициями субстантивных и адъективных фразеологических единиц. Ср. дефиниции субстантивной единицы *сильные мира сего* ‘самые влиятельные, могущественные люди, занимающие высокое общественное положение’ и адъективной *не от мира сего* ‘отрешённый от реальной жизни, не приспособленный к жизни человек’. Адъективный тип семантики фразеологизма *не от мира сего* наглядно иллюстрируется в предложениях, в которых данная единица выполняет функцию несогласованного определения к слову *человек*: *Дядя этот был в полном смысле слова человеком не от мира сего. Это был совсем не от мира сего человек.*

Дефиниции адъективных фразеологических единиц, как правило, строятся без включения лексем *человек* или *то*: *остёр на язык* – ‘остроумен, язвительный’; *не из трусливого десятка* – ‘смелый, небоязливый’; *сбоку припёку* – ‘лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-либо или к чему-либо’. Отсутствие компонентов *человек* или *то* в составе дефиниций адъективных фразеологических единиц можно отнести за счет некорректности словарных дефиниций, о чём уже говорилось выше. Вставка компонента *человек*, как нам представляется, может способствовать адекватности передачи значения адъективных фразеологизмов (и одновременно отвечать требованию унификации словарных дефиниций), т. к. словосочетания-дефиниции, как это явствует из контекстов употребления таких фразеологизмов, представляют собой субстантивированные образования. Ср.: *о двух головах* ‘неосмотрительно смелый, рискующий жизнью, не боящийся смерти, наказания, жестокой расправы’ и ‘неосмотрительно смелый человек...’; ср. также: *лёгко на*

ногу 'очень быстро и много может ходить, не зная усталости' и 'человек, который очень быстро и много может ходить, не зная усталости' и др.

Фразеологическая идиоматика является специфическим номинативным средством языка, позволяющим именовать сложные элементы ситуации, объективно существующие в качестве целостных, недискретных объектов познания с «включёнными» в них атрибутами. Отражённые в логических формах и категориях, такие сложные элементы ситуации адекватно именуется с помощью фразеологизмов-идиом, номинативное значение которых соответствует модели *признак (действие, состояние, свойство, качество) + предмет (лицо, отвлечённый предмет) как носитель этого признака*.

Изложенная выше характеристика объекта фразеологической номинации была связана с концептуальным ядром фразеологического значения. Однако, как уже говорилось, обязательным компонентом содержания идиомы является и коннотативное (прагматическое) значение. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения коннотации в аспекте её соотнесённости с элементами реальной действительности. Исходя из того, что основным компонентом прагматического значения является экспрессивно-оценочный компонент, можно при решении этого вопроса обратиться к анализу семантики оценочного рассуждения [Ивин 1970: 35–51]. Центральной проблемой здесь является проблема предмета оценки – «что выступает в качестве «собственного» предмета оценки» [Там же: 36], т. е. каким предметам объективной действительности приписываются ценности. В формальной аксиологии на этот счёт существуют разные мнения: 1) оценки не касаются внешних предметов, а лишь характеризуют психические состояния говорящего; 2) оценки не информируют ни о предметах, ни о психологических состояниях оценивающих; 3) ценность объявляется свойством самих вещей, не зависящим от оценивающего субъекта, и др.

Ивин А. А. считает, что оценочные структуры выполняют преимущественно функции выражения и замещения. Функция выражения – это способность оценочных структур выражать определённое психологическое состояние говорящего. Например, утверждая о яблоке, что оно хорошее, говорящий подразумевает, что оно доставляет ему удовольствие своим вкусом. Функция замещения – это способность оценочных выражений замещать те или иные совокуп-

ности эмпирических свойств предмета оценки. Например, выражение *это хороший нож* означает, что нож обладает вполне определёнными свойствами (остротой), соответствующими стандарту, а именно: он может выполнять типичную функцию этого класса предметов – хорошо резать [Там же: 36 и след.]. Как видно из вышесказанного, функция замещения соотносит значение с внеязыковой действительностью и, следовательно, может быть квалифицирована в качестве номинативной функции. См. также [Вольф 1985: 33–34].

Дополнительное основание для отождествления функции представления (номинации) и замещения мы находим и в определениях знака вообще, встречающихся в философской литературе; знак – это «<...> явление (материальная вещь, процесс, свойство, действие, психологический феномен), которое, не обладая структурным соответствием или сходством с другим каким-либо явлением, способно *представлять или замещать* (курсив наш – Э. А.) его в определённых процессах» [Губанов 1982: 76].

Обе функции – функция выражения и функция замещения – в речевых актах обычно совмещаются, т. е. оценочные структуры выражают определённое психическое состояние говорящего и одновременно замещают определённые эмпирические свойства объекта оценки, которые входят в ассоциативно-смысловое поле оценочной структуры и при необходимости легко «проявляются» в памяти носителей языка.

Фразеологизмы можно отнести к таким оценочным структурам, которые содержат оценку в широком смысле – квалификацию, связанную с представлением субъекта оценки об отношении данного предмета к существующим в данном социуме нормам. Такая квалификация ориентирует на определённые дескриптивные (т. е. описывающие то, что имеет место в действительности) признаки, которые приписываются предмету [Вольф 1981: 392; Арутюнова 1984]. См. также мнение А. В. Кунина о соотношении категории ценности и языковой оценки: оценка определяется им как «объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно. <...> Оценка носит объективный характер в той мере, в какой она детерминирована свойствами объекта внеязыковой действительности» [Кунин 1980б: 169 и след.].

Фразеологические единицы (идиомы) основных семантико-грамматических разрядов являются, с нашей точки зрения, классически-

ми оценочными структурами: они идентифицируют предметы, называют объективно присущие им признаки и свойства и одновременно выражают оценки говорящего. Например, называя человека *белой вороной*, говорящий прежде всего обозначает (идентифицирует) его именно как человека, со всеми человеческими «атрибутами», отличающими его от других живых существ, и, сверх того, сообщает, что он отличается от других людей в каких-то своих характеристиках, не соответствующих существующим стандартам ('человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них'). Одновременно этот же оборот *белая ворона* выражает осуждение, неодобрение двоякого рода – субъективное (говорящего) и объективное (группы людей, к которой причисляет себя говорящий и которой принадлежат нормы, стандарты оценок).

Функции выражения и замещения в оценочных структурах могут быть разведены. Субъективное отношение к предмету оценки (функция выражения) может выступать на первый план в содержании некоторых фразеологических единиц с прагматическим значением – в модальных и междометных фразеологизмах, выражающих эмоциональную оценку предмета говорящим, не «подкреплённую» объективными свойствами предмета. Так, фразеологическая единица *черт побери!* выражает лишь эмоциональное состояние говорящего. Предмет оценки не включен в её содержание, он может быть назван и охарактеризован другими элементами высказывания (дискурса). Модальная рамка оценки [Вольф 1985: 11–12] в таких случаях является неполной: в ней представлены субъект оценки и оценочное отношение, но отсутствует объект оценки. Тем не менее такие фразеологические единицы можно квалифицировать в качестве номинаций при условии допущения их номинативной специфичности: они соотносят высказывание с говорящим как «элементом» внеязыковой действительности. См. также мнение В. Г. Гака, считающего, что «модально-эмоциональные явления также получают языковое обозначение» и, следовательно, языковые единицы модального и междометного характера играют огромную роль в познавательной деятельности человека и отражающей деятельности его сознания, в связи с чем они могут быть квалифицированы в качестве номинаций в широком понимании термина [Гак 1977б: 234].

Номинативная функция наиболее отчётливо проявляется у субстантивных фразеологических единиц в силу особого положения

субстантива в системе языковых номинаций. У фразеологизмов других семантико-грамматических разрядов номинативное предназначение несколько затуманено, что обусловлено спецификой обозначаемых ими денотатов. Предмет фразеологической (идиоматической) номинации – сфера психических процессов и состояний (волевых, эмоциональных и ментальных) человека – настолько сложен и многогранен, что не всегда поддается четкой стандартизации, нормализации с позиций логики, морали, эстетики, философии и др. Полная неисследованность понятия образца или стандарта (основания оценки), по мнению Ивина А. А., является одним из следствий недооценки функции замещения оценочных выражений. По нашему мнению, однако, посылку и следствие здесь следует поменять местами: недооценка номинативной функции несубстантивных фразеологизмов (глагольных, адъективных, наречных) объясняется именно трудностями выявления и унификации основания оценок – тех моральных, эстетических и прочих норм, которыми руководствуется говорящий при оценке предметов внеязыковой действительности.

Таким образом, обращение к понятиям и категориям формальной аксиологии подкрепляет квалификацию основных семантико-грамматических разрядов идиом (глагольных, субстантивных, адъективных, адвербиальных) как бифункциональных языковых знаков, способных соотноситься с предметами объективной действительности и одновременно приписывать им какие-то признаки, характеризовать их в каком-то отношении.

Глава 5

ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕОГРАФИИ

Как было сказано выше, при порождении новых фразеологических единиц или при использовании в речи уже готовых единиц творящий текст человек обращается к семантическим, тематическим или – шире – ассоциативным полям и именно так – путем «перебора» вариантов – ищет нужную в данной коммуникативно-речевой ситуации языковую единицу. Семантические и тематические поля являются той когнитивной «упаковкой», в которой систематизируются и хранятся знания говорящего, накопленные им в процессах практической и познавательно-классифицирующей деятельности.

5.1. Фразеологическая идеография: предмет и задачи

Проблемы системной организации единиц разных уровней языка и языка в целом находятся сегодня в центре внимания исследователей. Помимо традиционно выделяемых парадигматических категорий: синонимии, антонимии, омонимии, паронимии и др., – в последние годы внимание исследователей привлекают такие крупные системные явления, как семантические, тематические, ассоциативные поля. Предложен новый системный параметр языка – эпидигматические отношения – связь слова с другими словами по линии ассоциативно-смысловых, словообразовательных и фонетических сближений. Деривационные в широком смысле отношения образуют, по мнению Д. Н. Шмелёва, третий – «глубинный» – системный параметр значения, в дополнение к «вертикальному», парадигматическому, и «горизонтальному», синтагматическому, параметрам [Шмелёв 1973: 191–198, 1977: 225–227].

Названные системные разделы словаря, которые принято называть группами, полями, сферами, представляют интерес не только для лексикологии и общей семантики, но и для лексикографии – как разделы идеографических словарей. Термин «идеография» приме-

нительно к лексикографии стал употребляться в научной литературе сравнительно недавно. Идеография – это теория и практика составления словарей особого типа, в которых слова располагаются не по алфавиту, а по смысловой близости. Словари, составленные по такому принципу, называются идеографическими или идеологическими [Караулов 1976; Морковкин 1970, 1977].

В словарях идеографического типа фактически находит свое отражение не один системный параметр языка – поле (группа), а сочетание нескольких параметров, которые находятся в отношениях дополнительности: синонимия, антонимия, полисемия (парадигматика) и семантическая и грамматическая валентность (синтагматика). Названные системные параметры языка одновременно выступают в качестве параметров идеографического словаря. (О понятиях лексикографического параметра и лексикографической параметризации языка см. [Караулов 1981; Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ 1981]).

Специфика семантического пространства определённого языка проявляется в особом членении объективной действительности с помощью различных (по структуре и системному рангу) языковых единиц на предметные области. Количество и номенклатура таких областей в разных языках может различаться, но выделяется основной фонд таких областей – универсальные сферы опыта и знаний, свойственные всем или большинству языков. Перечень таких сфер дан в известной схеме понятийного членения универсума Р. Халлига и В. фон Вартбурга, которую исследователи (В. В. Морковкин, Ю. С. Степанов и др.) считают в целом убедительной и достаточно эффективной при практическом применении к живому языку. Критическая оценка такого мнения содержится в работе [Бертельс 1982: 54]. Бертельс А. Е. считает, что схема типа составленной Р. Халлигом и В. фон Вартбургом «слишком априорна и не может, без насилия над материалом, приложена к словам других (кроме французского) языков и других эпох». Анализ схем идеографической классификации лексики, лёгших в основу наиболее известных идеографических словарей (Касареса, Молинера, Майера, Дорнзайфа, Халлига – Вартбурга и др.) дан в [Караулов 1976: 246–259].

Сегодняшний этап развития идеографии, когда на повестке дня стоит вопрос о создании тезауруса современного русского языка (первый вариант такого словаря – «Русский семантический сло-

варь» – уже создан [1983]), потребовал от исследователей более критической оценки существующих синоптических схем и построенных на их основе идеографических словарей. В условиях неразработанности целостной общенаучной картины мира авторы коллективной монографии «Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ» предложили оригинальную (предварительную) схему основных компонентов знания об окружающем мире, которая может лечь в основу синоптической схемы русского тезауруса [1981: 40–50]. Представляется, что данная схема наиболее адекватно отражает сегодняшние общенаучные знания о мире и потому может быть положена в основу идеографической характеристики лексики и фразеологии современного русского языка.

Каждая предметная область покрывается специфическим набором языковых средств разных типов номинации: лексической (прямой и косвенной), фразеологической, предикатной (пропозитивной) – или их различными комбинациями. Известно, например, что лексика покрывает практически всё семантическое пространство, а фразеология – преимущественно сферы психических проявлений человека (эмоциональные состояния и реакции, мышление-сознание и др.), межличностных отношений и социально-этических оценок. При этом размеры и конфигурация «ячеек» лексической и фразеологической номинативных «сетей», как правило, различны, что обуславливает нахождение лексики и фразеологии в отношениях номинативной дополнительности. Изучением семантического картирования языка занимается так называемая полевая лингвистика [Щур 1974; Караулов 1976].

Сказанное выше позволяет толковать содержание понятия «идеография» шире, чем это принято в научной литературе. Под идеографией, учитывая промежуточный, смежный характер её предмета (между лексикологией и лексикографией), можно понимать такой раздел языкознания, который изучает специфику семантического пространства языка, проявляющуюся в своеобразном членении объективной действительности с помощью значимых единиц разных уровней, и её отражение в идеографических словарях.

Наиболее полно в идеографическом аспекте описана сегодня лексика современного русского языка [Караулов 1976: 35–57]. Что касается фразеологии, то ей «повезло» в этом отношении гораздо меньше. Фразеологический материал русского языка до недавнего време-

ни анализировался, как правило, совместно с лексикой, в том числе и в сопоставительном плане [Васильев 1971а, 1971б, 1981а, 1981б; Тихонова 1971; Ротова 1985 и др.]. Объяснение такому положению вещей можно найти в следующих моментах: 1) Фразеологические единицы традиционно рассматривались не в качестве самостоятельных виртуальных единиц, а в лоне лексики – как специфические комбинации лексических единиц. Рецидивы такого отношения к фразеологическому компоненту языка, до сих пор встречающиеся в научной и учебной литературе, следует расценивать по меньшей мере как анахронизм [Кузнецова 1982: 131 и след.]. 2) Фразеологизмы, как единицы со сложной, кумулятивной семантикой, облигаторно «отягчённой» прагматическими интенциями говорящего, труднее, чем слова, поддаются идеографическому описанию. Несмотря на эти трудности, обусловленные различием (в плане содержания и в плане выражения) лексических и фразеологических единиц, а также спецификой (количественной и качественной) лексической и фразеологической систем [Эмирова 1971б], фразеология, по нашему глубокому убеждению, должна стать объектом отдельного идеографического описания, что позволит в перспективе заложить теоретические основы фразеологического идеографического словаря. Наше мнение подтверждается и результатами исследований последних лет, в которых фразеология современного русского языка представлена в качестве объекта самостоятельного идеографического описания [Эмирова 1977а, 1977б, 1978, 1979; Мокиенко 1980; Федоров 1980; Ивашко 1981; Кашина 1981; Подюков 1982; Штефан 1984], в том числе и в сопоставительном аспекте [Покровская 1977; Райхштейн 1980; Демьянович 1980; Кравцова 1981; Солодуха 1982а, 1982б, 1984; Солодуб 1985а, 1985б; Байрамова 1982, 1983; Арсентьева 1984 и др.]. Появились и первые фразеологические словари идеографического типа [СРФИ 1976, 1978; Яранцев 1981]. (См. рецензию [Эмирова 1977б] на словарь Яранцева Р. И.). Разработаны принципы составления учебного двуязычного фразеологического словаря идеографического характера для студентов национальной (узбекской) высшей школы [Юлдашева 1985].

Подробнее остановимся на оригинальном подходе к идеографическому описанию русской фразеологии, который наблюдается в отечественном языкознании последних лет в лингвострановедении – разделе лингводидактики, сочетающем обучение языку с изу-

чением соответствующей культуры и истории. Согласно лингвострановедческой теории слова в содержание самостоятельных значимых языковых единиц (слов и фразеологизмов) входит национально-культурный компонент, отражающий особенности экономики, истории, общественного устройства, географии, всех видов искусства, науки, быта, обычаев народа – носителя соответствующего языка [Верещагин, Костомаров 1980, 1982, 1983; Костомаров, Верещагин 1982; Мокиенко 1982; Райхштейн 1982].

Лингвострановедческая (культурно-историческая) информация содержится, по единодушному мнению исследователей, во внутренней мотивировке фразеологизмов – в буквальном, прямом значении свободных словосочетаний – прототипов фразеологизмов и составляющих их слов. Единственным способом извлечения такой информации является этимологизация, историко-этимологическое комментирование устойчивых словесных комплексов. Собственно фразеологическое, сигнификативное, значение лишено национально-культурного компонента.

С учётом такой специфики семантики фразеологических единиц исследователями предлагаются следующие способы идеографической компоновки фразеологического материала в учебных словарях лингвострановедческой ориентации:

1) Группировка фразеологических единиц по принципу принадлежности их прототипов к единой тематической сфере. При таком принципе презентации языкового материала выделяются тематические группы фразеологизмов, отражающих, например, историю отечественной книжности, письменности (*начинать с азов, не знать ни аза, ходить фертom, приписать иждицу, от доски до доски, писать мыслете*), традиционную метрическую систему (*мерить на свой аршин, косая сажень в плечах, семи пядей во лбу, коломенская верста*), подробности повседневного быта (*ободрать как липку, с три короба, пристал как банный лист, задать баню*). Фразеологизмы могут информировать иноязычного читателя (слушателя) о типичных представителях русской фауны (*дразнить гусей, куры не клюют, ни бе ни ме, жевать жвачку, медведь на ухо наступил, глухая тетеря*) и флоры (*с бору да с сосенки, через пень колоду*), о деталях традиционного русского стола (*как на дрожжах, тёртый калач, дешевле пареной репы, снимать сливки*) и т. д. [Верещагин, Костомаров 1980, 1982].

2) Сведёние лингвострановедческой информации, содержащейся в отдельных статьях фразеологического словаря, построенного по принципу алфавитного расположения стержневых компонентов фразеологических единиц (прежде всего существительных), в особый тематико-идеографический указатель, представляющий собой обобщённую типологию внутренней формы описываемой в словаре фразеологии. Он призван помочь более эффективно и целенаправленно использовать материал словаря при работе над конкретными разговорными темами. Такой словарь составляется В. П. Фелициной и В. М. Мокиенко. Относительно небольшой объём словника данного словаря (около 400 фразеологических единиц) определил и ограниченную – в количественном и качественном отношениях – рубрификацию тематико-идеографического указателя. В нём 7 рубрик: 1) природа, животный и растительный мир; 2) анатомия человека и жесты; 3) бытовые представления; 4) история; 5) социальные отношения; 6) духовная культура; 7) фольклор, народная речь, юмор. Отдельные рубрики – 3, 5, 6 – разделены на подрубрики. Например, рубрика 5 имеет следующую структуру: а) семья и родственные отношения (*свой брат, седьмая вода на киселе*); б) этикет (*милости просим, бить челом, с лёгким паром*); в) профессии (*тянуть канитель, звонить во все колокола, тянуть ляжку, закручивать гайку, сбрасывать со счетов*).

Как видно из примеров, оба способа тематической компоновки фразеологического материала в словарях лингвострановедческого типа базируются на историко-этимологическом комментировании, на семантизации генетических прототипов фразеологизмов и их словных компонентов. Заметим, что обращение лингвострановедов к словосочетанию – прототипу фразеологизма как единственный способ извлечения и представления национально-культурного компонента в содержании фразеологической единицы выдвигает на первый план словный компонент фразеологизма. Это обстоятельство может рассматриваться в качестве дополнительной аргументации в давнем и длящемся по сей день споре о языковом статусе компонента фразеологической единицы – в пользу его словного характера. Ср. мнения по этому вопросу в работах [Молотков 1977; Жуков 1978].

Отмечая несомненные достоинства такого способа семантического препарирования фразеологии, диктуемого практическими задачами, стоящими перед лингвострановедением, и давая ему в целом

положительную оценку, мы, тем не менее, хотим обратить внимание на то, что обсуждаемый вариант идеографической стратификации современной русской фразеологии не отражает сущности проблемы во всей её сложности и полноте и даже может в какой-то степени способствовать искажению объективной идеографической картины (картины мира) в сфере фразеологии. Известно, что лингвострановедческая информация, связанная с отражением во фразеологии специфически русских национальных реалий, содержится не во всех фразеологических единицах. Вне сферы интересов лингвострановедения остаётся значительный пласт фразеологизмов, связанных, например, с номинацией и оценкой различных проявлений психической деятельности и состояния человека (чувства и эмоции, мышление, память, особенности темперамента), межличностных, социальных отношений, т. е. таких параметров человеческой личности, которые носят по преимуществу общечеловеческий, универсальный характер.

Думается, что предложенное в лингвострановедении тематическое описание фразеологии не отражает всего семантического пространства, занимаемого фразеологией в семантической системе современного русского языка, и может в лучшем случае рассматриваться как материал, дополняющий тематическое членение лексики в диахронии (объект исторической лексикологии) и синхронии. Семантическое пространство современной русской фразеологии, находящейся в отношениях дополнительности с лексикой, представляет, по нашему мнению, самодостаточную ценность, так как отражает – в силу кумулятивного характера фразеологической семантики – те коллективные знания о феноменах окружающей нас действительности и их интеллектуально-эмоциональную оценку, детерминированную социальной практикой людей, которые не всегда могут быть адекватно переданы лексическими средствами. Особый интерес в идеографическом плане, как нам кажется, представляют те участки действительности, которые, будучи уже покрыты лексикой, вторично покрываются фразеологией. Такое «двойное покрытие» может быть показателем значимости соответствующих участков действительности в жизнедеятельности отдельного человека (в его биологической и социальной ипостасях) или социума (социальной группы, этноса или человеческой популяции в целом). В любом случае фразеология должна быть самостоятельным объектом идео-

графического описания, которое в ортодоксальном своем варианте (инварианте) предполагает обращение к регулярным современным значениям системно упорядоченных фразеологических единиц.

Таким образом, фразеологическая идеография может быть определена как стыковой участок современного языкознания – идеография + фразеология + фразеография, предметом которого является изучение фразеологической «картины мира» – отражения во фразеологической семантике связей и отношений, существующих в самой объективной действительности, а также разработка теории составления фразеологических словарей идеографического типа, в том числе – типологии таких словарей с учётом их назначения (тезаурус, учебный) и адресата (для изучающих русский язык в качестве родного и неродного языка). Объект фразеологической идеографии – это системно организованные регулярные значения фразеологических единиц.

Задачи, стоящие перед фразеологической идеографией, вытекают из специфики её предмета: дать объективную картину семантического пространства фразеологии, разработать теоретические основы фразеологического идеографического словаря и в конечном итоге воплотить их в практику словаростроения. Мы отдаем себе полный отчёт в том, что эти задачи не под силу одному исследователю, они требуют коллективных научных усилий.

5.2. Два варианта идеографической классификации фразеологических единиц

На современном этапе изучения и систематизации фразеологии и состояния академической и учебной фразеографии представляется целесообразным ставить перед собой не программу-максимум – глобальный охват и описание всех семантических групп, реально существующих во фразеологии, а программу-минимум: вычленение (как индуктивно, эмпирически, так и дедуктивно) из фразеологического континуума наиболее «ярких», бросающихся в глаза понятийно-семантических областей, покрываемых фразеологией, их инвентаризация и характеристика их внутренней структуры (ядро и периферия, отношения между ядерными и маргинальными элементами, валентная характеристика элементов, их экспрессивно-стилистическая коннотация и др.).

Ниже мы предлагаем два варианта идеографической стратификации русской фразеологии – в пределах одного семантико-грамматического (частеречного) разряда и на всём массиве идиоматики.

Первая классификация построена индуктивным путём – на основе анализа языковых данных, вторая – дедуктивно: на основе результатов первой классификации были выбраны и заданы «сверху» два семантических поля – фразеология, характеризующая сферу человеческих эмоций, и фразеология, описывающая и оценивающая познавательную деятельность человека.

Формирование семантических групп проводилось с учётом семантических компонентов, вычленимых из словарных дефиниций: на первом шаге учитывались категориальные признаки (субстанция, признак), свойственные частеречным разрядам идиом, на втором – семантические признаки, свойственные классам объектов (например, значения лица, не-лица, конкретного предмета, абстрактного предмета, покрываемые значением субстанции), на следующем – дифференциальные признаки, отличающие значение данной идиомы от значения «соседних» по группе единиц.

Исследователи фразеологии обратили внимание на избирательный – антропоцентрический – характер фразеологической семантики: идиоматика «покрывает» преимущественно те участки действительности, которые связаны с человеком, его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических особенностей личности и т. д. Анализ основных семантико-грамматических разрядов фразеологии достаточно полно проявляет указанную ориентацию фразеологической семантики.

5.2.1. Основные семантико-грамматические разряды идиом в идеографическом аспекте

Кардинальные семантико-грамматические разряды – субстантивные, глагольные, адъективные и наречные фразеологизмы – обладают в целом теми же ономаσιологическими характеристиками, что и слова: субстантивные фразеологизмы имеют в основе своего значения понятие субстанции как предметно представленного признака; глагольные, адъективные и наречные идиомы реализуют значение признака в таких его разновидностях, как признак предмета и признак признака. Однако репрезентация основных ономаσιологических категорий в идиоматике по сравнению с лексикой специфична. Семантическое пространство грамматических разрядов в идиомати-

ке – структурированная совокупность значений единиц одной части речи, представленная парадигматическими группами, полями, – как правило, ограничено, ущербно по сравнению с аналогичными лексическими разрядами: оно не отражает всей «палитры» действий и состояний человека в реальном мире. Рассмотрим подробнее семантическое пространство субстантивных и глагольных идиом.

5.2.1.1. Субстантивные фразеологические единицы

Категория субстанции в субстантивных фразеологизмах репрезентируется двумя субкатегориями – лица и предмета (предметности).

Основная масса субстантивных единиц со значением лица называется и характеризует социальный облик человека, его духовно-нравственные и интеллектуальные качества. Выделены следующие тематико-семантические группы:

1) Социальное происхождение человека: *голубая кровь* ‘человек дворянского, аристократического происхождения’, *белая кость* ‘человек знатного происхождения или принадлежащий к привилегированному сословию в дореволюционной России’, *черная кость* ‘человек незнатного происхождения или принадлежащий к непривилегированному сословию в дореволюционной России’, *серая скотинка* ‘пренебрежительное название солдат в дореволюционной России’, *жеребьячья порода* ‘презрительное прозвище попов’ и др.

2) Семейное положение и родственные отношения человека: *соломный вдовец* ‘мужчина, временно оставшийся без жены или не живущий с ней’; *старая дева, Христова невеста* ‘немолодая женщина, не бывшая замужем’; *дражайшая половина* ‘супруга или супруг’; *подруга жизни* ‘жена, супруга’; *плоть и кровь* ‘родной ребенок’; *седьмая вода на киселе* ‘очень дальний родственник’ и др.

3) Социальное положение человека и его оценка, основанная на его социально значимых качествах: *большая рука, гог в магог* ‘человек влиятельный, сильный, всемогущий’; *важная птица, птица высокого полета* ‘человек, занимающий высокое служебное или общественное положение, обладающий весом, властью, большим влиянием’; *сильная рука* ‘влиятельный покровитель’. Антонимичное значение имеет синонимический ряд: *ноль без палочки* ‘ничего не стоящий, не значащий человек’; *птица низкого полета, мелкая сошка* ‘человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение, невлиятельный, неавторитетный; *последняя спица в*

колеснице ‘человек, играющий самую ничтожную, незначительную роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле’. См. также: *дутый пузырь, мыльный пузырь (2), калиф на час, шишка на ровном месте, отставной козы барабанищик, ни пава ни ворона, ворона в павлиньих перьях* и др.

4) Характеристика человека по его отношению к работе, деятельности: *мастер на все руки, маг и волшебник, золотые руки, канцелярская крыса, крапивное семя, приказная строка, чернильная душа* и др.

5) Фразеологические единицы, называющие и оценивающие человека по чертам его характера и моральному облику: хитрость, лицемерие – *лиса патрикеевна, гусь лапчатый, продувная бестия, двуликий янус, волк в овечьей шкуре*; нерешительность, нерасторопность, бесхитростность – *святая простота, горе луковое, буриданов осел*; робость, застенчивость – *заячья душа, божья коровка, красная девица*; болтливость – *бесструнная балалайка, базарная баба*; отчаянность, бесшабашность – *бедовая голова, буйная голова, забубённая голова, шальная голова* и др. См. также: *стреляная птица, стреляный воробей, травленный волк, тёртый калач* и др.

6) Фразеологические единицы со значением лица, характеризующие человека со стороны его интеллектуальных возможностей и способностей. Здесь выделяются единицы с положительной эмоционально-оценочной окраской: *светлая голова, живая летопись, ходячая энциклопедия, ходячий университет*. Однако основная масса фразеологических единиц негативно характеризует умственные способности человека: *дурья голова, олух царя небесного, дубина стоеросовая, голова садовая, голова еловая, дырявая голова, мешок с соломой* и др.

7) Внешние, физические качества и свойства человека характеризует группа единиц: *каланча пожарная, коломенская верста, глухая тетеря, тепличное растение, драная кошка, слепая курица, сонная тетеря, синий чулок* и др. Ср. [Солодуб 1985б: 16–19].

Основная масса фразеологических единиц со значением лица не дифференцирована по признаку пола: *заячья душа, божья коровка, базарная баба, бесструнная балалайка, ненасытная утроба, слепая курица, белая кость, ноль без палочки, дутый пузырь, последняя спица в колеснице, горе луковое, тёртый калач, святая простота, кисейная барышня, переезжая сваха, отрезанный ломоть, заблудшая*

овца, абсолютный ноль, козел отпущения, жеребьячья порода и др. Значение лица мужского или женского пола в приведённых выше фразеологизмах определяется их соотнесённостью с элементами широкого контекста, не обязательно непосредственно сочетающимися с ними. См. актуализацию фразеологических единиц со значением лица мужского пола: Бабушка характерна, а он *балалайка бесструнная* – никакого толку и не жди от них [А. Островский]. Хоть бы ты <...> усостыдил бы его, *утробу ненасытную* [А. Куприн]. Ну, уж, батюшка мой, ты совсем *мокрая курица*, осовел, жених, – говорила ему Ольга Леонтьевна <...> [А. Толстой]. О нём, правда, и не вспоминали; в конце концов это была *мелкая сошка* [Э. Казакевич]. Канунников, видевший в людях только недостатки, называл Степанова *чернильной душой* [А. Рыбаков]. Михайло Ларивонч – *тёртый калач*: он и турка объегорил! [Л. Толстой]. Ах, *простота, святая простота!* Вы и не подозреваете, молодой человек, насколько вы наивны [Н. Ляшко]. – Что делать, Вася! Сын – *отрезанный ломоть* [И. Тургенев]. *Валаамовой ослицей* оказался лакей Смердяков [Ф. Достоевский]. *Козлом отпущения* являлся именно этот последний Луганин [Мамин-Сибиряк]. Игорь – *тепличное растение*, а Колька ясен, чист и свеж [В. Панова]. Не ожидал тебя здесь встретить, ты ведь стал *важная птица* теперь <...> [А. Арбузов] и др.

См. актуализацию фразеологических единиц со значением лица женского пола: Эта девушка не провинциалка. Одета оригинально, говорит хорошо, убежденно, – видно, *не последняя спица в колеснице* [В. Рудный]. Из этой ещё что вздумаешь, то и сделаешь; а та – *тёртый калач* [И. Тургенев]. <...>Наденька для меня – *отрезанный ломоть* <...> [А. Серафимович] и др.

Значение лица мужского и женского пола может быть выражено лексически и морфологически – лексическим значением и системой флексий компонентов: *маменькин сынок – маменькина дочка*. Ср. также фразеологические единицы со значением лица женского пола: *ваша сестра, наша сестра, подруга жизни, соломенная вдова, раба божья, старая дева, Христова невеста*; фразеологические единицы со значением лица мужского пола: *раб божий, наш брат, маменькин сынок, заплечных дел мастер, шут гороховый, олух царя небесного* и др. Гиперонимическими номинациями по отношению к приведённым выше группам единиц со значением лиц женского и мужского пола являются фразеологические единицы *слабый пол* и *сильный*

пол, фразеологическое значение которых мотивировано ассоциативно-семантическим ореолом адъективных компонентов – *слабый* и *сильный*.

В отдельных случаях значение лица реализуется в словообразовательном значении имени существительного, выраженном стандартными суффиксами. Ср.: *искатель приключений, соломенный вдовец; искательница приключений* и др. Уникально проявляется оппозиция по полу в единицах *казанская сирота / казанский сирота*, в которых существительное со значением общего рода *сирота* конкретизируется в узком фразеологическом контексте специальными морфологическими показателями – флексиями адъективного компонента. Ср.: Нечего Лазаря-то петь! – перебила его Фленушка. – Как есть настоящий *казанский сирота* [П. Мельников-Печерский]. А княжна Нина прикидывалась *казанской сиротой* [М. Салтыков-Щедрин]. Ну, ну, рассказывай. Что ты там наделал. Ты *казанскую сироту* из себя не строй! [К. Седых].

Можно выделить и небольшую группу фразеологизмов со значением собирательности, называющих и характеризующих людей независимо от биологического пола: *злые языки* ‘любители пересудов, сплетники, клеветники’, *панургово стадо* ‘толпа, рабски, безрассудно следующая за своим вожаком; бессмысленные подражатели’, *тяжёлая артиллерия* ‘неповоротливые, медлительные люди’ и др. К этой же группе примыкают единицы, дифференцированные по признаку пола (resp. грамматического рода): *ваша сестра* ‘все вы, женщины’, *наша сестра* ‘все мы, женщины’. Что касается фразеологических единиц *наш брат* ‘мы и нам подобные’ и *ваш брат* ‘вы и вам подобные’, то они могут употребляться говорящим безотносительно к биологическому полу. В этом при желании можно усмотреть скрытое проявление андроцентрической ориентации русского языка.

Фразеологические единицы со значением предметности гораздо труднее поддаются рубрикации в номинативном аспекте. Довольно отчётливо они распадаются на две неравнообъёмные группы – единицы с абстрактным и конкретным значениями.

Фразеологические единицы первой группы выражают абстрактные понятия, связанные с онтологическими (философскими) категориями субстанции, времени и др. Так, абстрактное значение начала какого-либо процесса, состояния выражают фразеологические единицы: *путевка в жизнь* ‘то, что открывает дорогу кому-либо или

чему-либо', *первое слово* 'самое начало, исходное (в деле, в работе и т. п.)', *проба пера* 'первый литературный опыт', *первая ласточка* 'самые ранние, самые первые признаки появления, наступления чего-либо' и др.

Различные временные отрезки обозначают единицы *смертный час* 'время непосредственно перед смертью, кончиной', *вчерашний день* 'прошлое, прошедшее', *завтрашний день* 'будущее, ближайшее будущее', *чёрный день* 'трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастья', *морковкино заговенье* 'время, которое никогда не наступит, неопределённо отдалённое время', *второе пришествие* 'отдалённое будущее время', *час пик* 'время наивысшего напряжения, загруженности в работе транспорта, предприятия и т. п.', *мёртвый (тихий) час* 'время отдыха в больнице, домах отдыха и т. п.'. К этой же группе примыкают единицы *золотая свадьба*, *бриллиантовая свадьба*, *медовый месяц* и др.

Основу, суть какого-либо явления называют фразеологические единицы *хлеб насущный* (2) 'самое важное, существенное, жизненно необходимое', *краеугольный камень* 'основа, важнейшая, существенная часть, главная идея', *золотой фонд* 'самое лучшее, самое ценное, самое значительное, основное в чем-либо', *первое слово* (2) 'самое главное, существенное' и др.

Названиями психологических явлений и процессов являются фразеологические единицы, обозначающие различные эмоции, чувства (*скрежет зубовный*, *искра божья* (2), *мировая скорбь*), волевые качества личности (*присутствие духа*, *аннибалова клятва*), мыслительные операции (*задняя мысль*, *заколдованный круг*, *колумбово яйцо*), индивидуальные особенности, содержание и форму речи (*дар слова*, *живое слово*, *крепкое словцо*, *набор слов*, *эзоповский язык*, *красное словцо*, *аттическая соль*, *суды да пересуды*, *бабьи сказки*, *плетение словес*, *тары-бары растабары*) и др.

Абстрактная семантика фразеологических субстантивов находит нерегулярное выражение в лексических значениях имен существительных, а также в их словообразовательных значениях, выраженных формально – суффиксами отвлечённого действия *-ениј-*, *-ствиј-*, *-к(а)*, отвлечённого признака *-ость* и др.

«В остатке» – довольно большая группа фразеологических единиц с абстрактным значением, которая не поддается семантической рубрикации: *мамаево нашествие*, *мамаево побоище*, *избиение мла-*

денцев, мыльный пузырь (I), колосс на глиняных ногах, фиговый листок, камень преткновения, красивый жест, скачка с препятствиями, китайская стена, подводные камни, история с географией, золотая середина, узкое место, музейная редкость и др.

Анализ субстантивных фразеологических единиц в номинативном аспекте показал, что группировка имён во фразеологии по сравнению с лексикой носит более узкий, избирательный характер. Это обусловлено прежде всего эмотивно-оценочным характером фразеологической семантики, особым «набором» присущих фразеологическим единицам языковых функций – номинативной (обозначения) и прагматических (экспрессивного выражения, эмоционального воздействия и др.).

В подклассе идиоматических субстантивов отсутствуют группы имён, обозначающих вещества, животных. Абстрактные имена отражают не все семиологические подтипы, отмеченные в научной литературе (ср. [Уфимцева 1974: 100–114]). В целом семантика субстантивных фразеологических единиц максимально ориентирована на человека во всех его ипостасях и проявлениях.

5.2.1.2. Глагольные фразеологические единицы

Ярко выраженный антропоцентризм характерен также для семантики основной части глагольных фразеологических единиц. Мы не предлагаем здесь подробной классификации глагольных идиом в идеографическом (номинативном) аспекте, так как часть нашего материала вошла в фундаментальные работы Л. М. Васильева [1971а, 1971б, 1981а, 1981б], в которых предложена многомерная классификация глаголов чувств, мысли, речи, звучания, поведения и др.

Предложенная ниже краткая семантическая рубрикация глагольных идиом, учитывающая классификации Л. М. Васильева, опирается на каталог психических функций (процессов) и свойств личности, разработанный в общей психологии, и призвана проиллюстрировать в сжатом виде выдвинутое выше положение об антропоцентрической ориентации семантики глагольных идиом.

Среди глагольных идиом выделяется группа единиц, называющих и характеризующих различные познавательные процессы человека: 1) восприятия – зрительные (*навострить глаза, впиваться глазами, мерить глазами, вскидывать глазами, бить в глаза, бросаться в глаза, исчезать из глаз, вертеться на глазах, мозолить*

глаза), слуховые (*навести слух, приклонять ухо*), вкусовые (*глотать слюнки*), обонятельные (*бросаться в нос*); 2) память во всём многообразии её видов (эмоциональная, образная, словесно-логическая и др.) и процессов – запоминание, воспроизведение, забывание и сохранение (*врезаться в память, зарубить на стенке, мотать на ус, взбрехать в голову, вертеться в голове, вертеться на языке* и др.); 3) мышление в его различных проявлениях и процессах (*ломать голову, шевелить мозгами, набираться ума, входить в разум, братья за ум, лишаться ума, впасть в детство, видеть на три аршина в землю, не видеть дальше своего носа* и др.); 4) речь (в устной и письменной формах) со стороны её внешнего проявления и содержания (*драть горло, жевать мочалку, ломать копы, надувать в уши, вешать собак, бить в колокола, заправлять арапа, болтать языком, играть словами* и др.).

Эмоциональную и волевую стороны деятельности человека характеризуют глагольные фразеологические единицы: 1) эмоциональные состояния, связанные с переживанием отрицательных и положительных эмоций (*выворачивать душу, брать за душу, выводить из себя, надувать губы, держать сердце, лезть в бутылку, вгонять в краску, обливаться слезами, надирать животики* и др.); 2) волевые качества личности (*идти своей дорогой, гнуть свою линию, брать себя в руки, владеть собой* и др.).

Группа глагольных фразеологических единиц связана с общей характеристикой деятельности человека и социальных (межличностных) отношений. Отрицательная поведенческая характеристика личности отражена в следующих семантических группах фразеологических единиц: со значением ‘обманывать’ (*втирать очки, метать пелли, водить за нос, играть в прятки, обводить вокруг пальца, брать на арапа, морочить голову* и др.); со значением ‘напиваться’ (*заливать глаза, заглядывать в бутылку, закладывать за галстук* и др.); со значением ‘лицемерить, льстить’ (*ломать комедию, курить фимиам, извиваться ужом, втираться в доверие*) и др.

Социальные (межличностные) отношения характеризуются также идиомами со значениями ‘притеснять, эксплуатировать’ (*выжимать соки, высасывать кровь, брать за горло, наступать на горло, гнуть в бараний рог, брать за бока, взвалить на плечи, возить воду, вгонять в пот* и др.), ‘приобретать вес, власть’ (*брать силу, входить в силу, идти в гору*) и др.

К названным выше примыкают фразеологические единицы со значением физического воздействия – ‘побить’ (*намять холку, намять бока, дать березовой каше, дать прикурить, всыпать горячих* и др.); со значением ‘убивать’ (*вышибать душу, выпускать кишки, лить кровь, выводить в расход*) и др. К этой же группе фразеологических единиц, характеризующих деятельность и поведение человека в широком смысле, можно отнести семантические группы со значениями ‘убегать’ (*давать стрекача, задавать лататы, давать драла, сматывать удочки* и др.), ‘догонять’ (*висеть на хвосте, висеть на плечах, наступать на пятки*) и др. [Эмирова 1979].

Как видно даже из краткой характеристики глагольных фразеологизмов, они обладают, как правило, абстрактным значением и отражают различные психические функции человека – познавательную деятельность, память, эмоционально-волевые состояния, а также некоторые негативного характера межличностные отношения и действия. В отличие от глаголов-лексем глагольные идиомы, как правило, не способны с помощью разного типа аффиксов передавать свойственные глаголам-лексемам грамматические значения способов действия – начинательности, прерывистости, однократности, многократности и др. Такие значения могут передаваться в высказывании с помощью полужнаменательных слов *начинать, продолжать, повторять* и др.

5.2.2. Фразеология, характеризующая различные психические функции человека

Фразеологическая семантика, как показал идеографический анализ основных семантико-грамматических разрядов идиом (субстантивных и глагольных), ориентирована на человека: основная масса единиц характеризует различные психические параметры личности (темперамент, волю, интеллект), в том числе выражает эмоции человека и описывает его эмоциональные состояния. Указанная специфика идиоматики – её антропоцентричность – дала нам основание выделить – дедуктивно – в отдельную группу разные в семантико-грамматическом (частеречном) отношении идиомы, характеризующие сферу человеческой психики. Данная группа единиц довольно отчетливо делится на два поля – фразеологию сферы человеческих эмоций и фразеологию, характеризующую когнитивную-мыслительную деятельность человека.

5.2.2.1. Фразеология сферы человеческих эмоций

Общий семантический признак рассматриваемой группы фразеологических единиц имеет экстралингвистическую природу – все они обозначают и выражают различные человеческие эмоции. Для такой группы языковых единиц Г. С. Щур предлагает термин *функциональное поле* [Щур 1974: 28]: они не имеют общего значения, но для них характерна общая функция в том смысле, что они используются для обозначения и характеристики различных проявлений эмоциональной жизни человека. Дальнейшее структурирование поля базировалась на внутриязыковых, семантических, основах – вычленились семантические поля, связанные с выражением различных отрицательных (возмущение, гнев, тревога, горе, страх, ужас, отчаяние, смущение, стыд) и положительных (удивление, радость, восторг, восхищение, любовь, успокоение) эмоций.

В структурном отношении поле состоит обычно из ядра (иногда – нескольких ядерных групп) – это, как правило, синонимичные единицы с общим категориально-грамматическим значением – и периферии, представленной единицами иного семантико-грамматического статуса и / или иным объёмом значения.

В основу предлагаемой нами группировки фразеологических единиц по отдельным положительным и отрицательным эмоциям положена разработанная в психологии рубрикация эмоций (моральные, интеллектуальные, эстетические чувства) и эмоциональных состояний (настроение, аффекты и др.) [Шингаров 1971; Лук 1972; Общая психология 1981]. Формирование семантических полей проводилось на основе архисемы, которая выбиралась из словарной дефиниции. Например, фразеологическая единица *открывать Америку* имеет в словаре эмоционально-экспрессивную помету *ирон.*, однако толкование значения ‘говорить, объявлять о том, что всем и давно известно’ не связано с обозначением или выражением эмоций, поэтому такая единица не является объектом нашего анализа. Архисема данной единицы выражена компонентом *говорить*, в связи с чем её следует квалифицировать в качестве элемента поля глаголов речи.

В одно семантическое поле могут объединяться фразеологические единицы, обладающие разным категориально-грамматическим значением, но имеющие общий семантический компонент. Например, элементами поля «любовь» являются не только глагольные единицы (*сводить с ума, отдавать сердце*), но и предикативные (*без памяти*) и др.

В связи с тем, что в психологии нет и не может быть точного «каталога» чувств, так как нюансы и вариации чувств бесконечны, в одно семантическое поле включались единицы, которые обозначают несколько смежных эмоций, находящихся в градуальных отношениях, т. е. выражающих разную степень интенсивности одного и того же чувства (например, поле испуга, страха, ужаса; поле недоумения, удивления и др.).

Инвариантная семантика части фразеологических единиц представляет собой синтез, нерасчленённую совокупность компонентов, выражающих несколько эмоций. При реализации такой единицы в речи происходит актуализация одного или нескольких смысловых компонентов, смежных по значению. Например, фразеологическая единица *хрен в пятку (в голову)* толкуется в словаре как ‘выражение удивления, восхищения, возмущения, негодования’. В разных текстах могут актуализироваться разные компоненты названного совокупного значения данной единицы. Синкретичными являются также значения фразеологизмов *невзвидеть света* ‘остро ощутить боль, гнев, страх и т. п.’, *глаза на лоб лезут* ‘кто-либо приходит в состояние крайнего удивления, недоумения; испытывает сильную боль, испуг’. При рубрикации фразеологического материала на семантические поля такие фразеологизмы могут быть элементами разных полей. К разным же полям будут отнесены разные семантические варианты одной фразеологической единицы.

Особое положение в структуре поля эмоций занимают две группы фразеологических единиц: 1) единицы с синкретичной семантикой и 2) единицы, выражающие высшую степень проявления различных эмоций; обе группы единиц располагаются как бы над остальными полями и частично покрывают их.

Первая группа представлена более чем 30 фразеологическими единицами. Как уже отмечалось выше, инвариантная семантика их синкретична, представляет собой соединение компонентов, выражающих различные эмоции – как смежные, рядоположные и градуальные, так и полярные, или амбивалентные (в терминологии психологии). В основном это междометные фразеологизмы с компонентами *вот, чёрт* и др., выражающие удивление, восхищение, разочарование, возмущение. *Вот те (тебе) и на! Вот те (тебе) и раз! Вот так клюква! Вот так фунт! Вот так штука! Вот поди ж ты! Новое дело! Скажи(-те) на милость! Чёрт возьми! Чёрт знает что (такое)! Чёрт-те что! Что за чёрт! Дуй тебя чёрт!* и др.

Здесь же выделяются фразеологические единицы, обозначающие амбивалентные эмоции: в семантике таких фразеологических единиц наличествуют противоположные по значению компоненты. Это весьма своеобразное явление условно можно назвать синкретичной энантиосемией в отличие от нормальной энантиосемии – явления противоположности значений в системе многозначной языковой единицы: *Чёрт возьми!* – выражение возмущения, негодования, восхищения. *Мать честная!* – выражение избытка чувств, изумления, испуга, радости. *Бог (боже) ты мой!* – выражение удивления, восторга, негодования. *Хрен в пятку (в голову)!* – выражение удивления, восхищения, восторга, возмущения, негодования. *Едят тебя мухи!* – выражение досады, возмущения, негодования, восхищения, удивления или восторга и др.

Особняком стоит также группа фразеологических единиц, обозначающих высшую степень проявления эмоций. При этом часть таких единиц обозначает высокую степень интенсивности любых чувств, как положительных, так и отрицательных (характер эмоций определяется контекстом): *дух захватывает* ‘тяжело, трудно дышать от избытка чувств, сильных переживаний’; *бросает (кидает) в жар* ‘кто-либо в сильном волнении, в крайне возбуждённом состоянии’; *перевёртывать (всю) душу* ‘очень глубоко волновать, потрясать’; *брать (хватать) за душу* ‘сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить, вызывать щемящую тоску, боль или радость, умиление и т. д.’; *до глубины души* ‘очень сильно (волновать, потрясать, поражать)’ и др.

Остальные фразеологические единицы этой группы обозначают высшую степень проявления таких отрицательных эмоций, как страх, испуг (*душа уходит в пятки, кровь стынет, волосы становятся дыбом*), раздражение, иступление, гнев (*лезть на стену, вне себя, вожжа под хвост попала, кровь бросилась в голову, с безумных глаз, как на угольях, как на иголках*) и др.

Анализ фразеологического материала позволил выделить следующие поля: 1) ФЕ, выражающие отрицательные эмоции – возмущения, гнева; тревоги, горя; страха, ужаса; отчаяния; смущения, стыда; 2) ФЕ, выражающие положительные эмоции – удивления; радости, восторга, восхищения; любви; успокоения. Не подпадает под эту рубрику группа единиц, обозначающих чувство возбуждения, волнения, связанное с выражением как положительных так и отрицательных эмоций.

Основная масса фразеологических единиц выражает различные отрицательные эмоции (наши материалы дают соотношение 3:1). Самое большое в количественном отношении поле представлено фразеологическими единицами, обозначающими и выражающими чувства недовольства, возмущения, гнева, злости (около 50 единиц). Дальнейшая дифференциация этих эмоций представляется затруднительной в силу синкретичности значений таких единиц, отражающих разную степень интенсивности одной и той же эмоции. Ср.: *Чтоб пусто было!* – выражение досады, недовольства, злости; *Чёрт знает что такое!* – выражение возмущения, негодования, крайнего недоумения по поводу чего-либо и др. Эта нерасчленённость эмоций находит свое выражение и в словарных дефинициях лексем, входящих в название поля, которые (дефиниции) оформляются *idem per idem*: *возмущение* – ‘сильный гнев, негодование’; *негодование* – ‘возмущение, крайнее недовольство’; *гнев* – ‘чувство возмущения, негодования’ и др.

В анализируемом поле отчетливо выделяются (в категориально-грамматическом отношении) два ядра: 1) междометные единицы, выражающие раздражение, возмущение, негодование, злобу, и 2) глагольные, обозначающие эти же эмоции. Междометные фразеологизмы (21 единица) представляют собой сверхсловные комплексы, индифферентные в структурно-грамматическом отношении к окружающему контексту: *Ёлки-палки! Фу-ты (ну-ты)! Бог мой! Хрен в пятку! Скажи(-те) пожалуйста! Что за чёрт! Тьфу (ты) пропасть! Чёрт-те что! Чёрт возьми!* Некоторые из них, сохраняя своё категориальное значение, соотносятся с контекстом с помощью соответствующих ситуации местоимений: *Дуй тебя (его, её, вас, их) горой! Чтоб ему (ей, им) пусто было! Чтоб и духу твоего (её, их) не было! Чтоб тебе (ему, ей, им) повылазило!* Отдельные единицы этой группы имеют двойственный грамматический статус: могут выступать и в функции изолированных междометий, и в функции элементов предложения – простого или сложного: *чёрт-те что, кой чёрт, где это видано, чёрт знает что, на кой (какой) чёрт* и др.: *На кой чёрт ты это говоришь? Происходит чёрт-те что!*

Как видно из примеров, в составе таких фразеологических единиц часты просторечные и бранные слова, вульгаризмы, что предопределяет сниженную эмоционально-экспрессивную окраску данной группы фразеологических единиц.

Вторую ядерную группу в составе рассматриваемого поля возмущения, гнева составляют глагольные идиомы (18 единиц), обозначающие разную степень интенсивности этих эмоций. Ср.: *метать перуны* ‘гневаться, сердиться на кого-либо’ и *лезть на стенку* ‘приходить в крайнее раздражение, иступление’ и др. Основная часть данных фразеологизмов (12 единиц) характеризуют активное эмоциональное состояние агенса, субъекта действия: *рвать и метать, метать перуны* (книжн.), *метать громы и молнии, лезть на стенку* (прост.), *лезть в бутылку* (прост.), *срывать сердце на ком* (разг.), *невзвидеть света белого* (разг.), *метать икру* (груб.-прост.), *выводить из себя* и др. Как видно из скобочных помет, здесь преобладают стилистические синонимы. В качестве идеографических синонимов могут быть квалифицированы фразеологизмы *портить себе кровь* ‘нервничать, раздражаться, огорчаться’, *рвать и метать* ‘раздражаться, неистовствовать, быть в состоянии негодования, озлобления и т. п.’, *держат сердце на кого* ‘сердиться, гневаться, таить обиду, злобу’ и др. Остальные фразеологические единицы этой группы имеют каузативное значение – обозначают действия субъекта, направленные на то, чтобы вызвать соответствующее эмоциональное состояние у объекта действия: *действовать на нервы кому* ‘раздражать, расстраивать кого-либо’, *играть на нервах кого* ‘намеренно раздражать, нервировать кого-либо’, *трепать нервы кому* ‘расстраивать, раздражать, изводить, заставлять нервничать кого-либо’, *портить кровь кому* ‘причинять неприятности, огорчения, раздражать кого-либо’, *выводить из себя кого* ‘приводить в состояние крайнего раздражения’, *сводить с ума кого* (I) ‘приводить в состояние крайнего раздражения, волнения, потери способности здраво рассуждать’ и др. На периферии поля находятся адвербиальные единицы: *под горячую руку, со скрежетом зубовным, в сердцах, с сердцем, с безумных глаз* и др.

Из двух ядерных групп состоит и семантическое поле тревоги, горя (27 единиц): в первую входят предикативные фразеологические единицы, характеризующие названное душевное состояние (*скребёт на душе, душа не на месте, душа болит, сердце кровью обливается, сердце разрывается, ад крошечный на душе, камень на сердце, сердце перевёртывается, нож в сердце* и др.); вторая группа представлена глагольными единицами (*рвать на себе волосы, принимать близко к сердцу, надирать душу, лить слезы, берeditь рану* и

др.). Маргинальные элементы данного поля – адвербиальные единицы *с замиранием сердца, с тяжёлым сердцем* и др.

Поле удивления (33 единицы) также состоит из двух ядерных групп. Самая большая в количественном отношении группа представлена междометными единицами (25): *Подумать только! Новое дело! Едят тебя мухи! Ну и ну! Вот те и на! Вот те и раз! Вот так так! Вот так фунт! Вот поди ж ты!* и др. Вторая группа представлена глагольными фразеологическими единицами, обозначающими состояние удивления: *не верить своим глазам, хлопать глазами, делать большие глаза, разводить руками, не верить своим ушам, диву даваться*. На периферии поля находятся фразеологические единицы иного категориального значения: *глаза на лоб лезут, ума помраченье* и др.

Представляется возможной более детальная характеристика названных единиц с точки зрения их семантики (отношения между единицами ядерной группы, характер их соотнесённости с агенсом и пациенсом и др.), формы (включение в контекст, характер парадигмы и др.), а также экспрессивно-стилистических характеристик.

Аналогичным образом можно охарактеризовать остальные семантические группы фразеологизмов, связанных с обозначением и выражением других эмоций: страха, ужаса; смущения, стыда; радости, восторга, восхищения, успокоения и др. (Ср. [Покровская 1977; Кашина 1981; Ротова 1985]).

Думается, что в результате такого анализа фразеология сферы эмоций предстанет в более «зримом» виде, как система взаимосвязанных семантических групп, полей – рядоположных, частично пересекающихся и накладывающихся друг на друга.

Анализ фразеологических единиц, связанных с выражением и обозначением эмоций, показал, что в них нашли отражение не высшие социальные чувства, а преимущественно так называемые низшие эмоции в широком объёме градации их интенсивности [Лук А.Н. 1972]. При этом обращает на себя внимание, что во внутренней форме анализируемых фразеологических единиц отразились физиологические механизмы различных эмоций, а также их внешние (жестово-мимические, моторные и др.) проявления: *мурашки по коже поползли, кровь (краска) бросилась в лицо, ни кровинки на лице нет, сердце падает (обрывается), с легким сердцем, с тяжёлым сердцем, глаза на лоб лезут, глаза на мокром месте, в печёнках сидит* и др. Сказанным выше обусловлена и частотность в составе таких

фразеологизмов слов, называющих те органы или части тела, которые «ответственны» за определенные эмоции, – *сердце, голова, глаза, кровь, печень, кожа* и др.

Последние научные достижения в области физиологии эмоций подтверждают положение о дифференциации физиологических сдвигов в организме человека, сопровождающих эмоции. Выявлено, что любая эмоциональная реакция характеризуется своим типом взаимодействия симпатических и парасимпатических влияний [Симонов 1981: 74]. Например, для грусти более характерны сдвиги сердечно-сосудистой системы, для веселья – изменения дыхания [Там же: 73]. Эти положения иллюстрируются, с известными допущениями, внутренней формой фразеологических единиц: *кровь кипит, кровь бросилась в голову* – повышение артериального давления, вызванное сильным возбуждением; *в жар бросает* – повышение температуры тела, связанное с сильным волнением, крайне возбуждённым состоянием; *сердце разрывается (на части)* – возрастание частоты сердечных сокращений в состоянии стресса и т. п. По мнению исследователей, лингвистический анализ языковых единиц, связанных со сферой человеческих эмоций, может позволить более точно определить шкалу психологических понятий, например, понятие *эмоциональное состояние*, отсутствующих в самой психологии [Галунов и др. 1978].

5.2.2.2. Фразеология сферы когнитивной деятельности человека

К фразеологии сферы когнитивной деятельности человека относятся фразеологические единицы, обозначающие и характеризующие различные познавательные процессы личности: ощущения, восприятия, память, воображение, мышление и речь. Эта группа фразеологических единиц русского языка, несмотря на особую значимость их семантики (познавательные процессы, как известно, являются важнейшими психическими функциями человеческой личности), не была до сих пор объектом специального научного исследования. В работах [Покровская 1977; Солодуб 1985] такие фразеологизмы составляют лишь часть анализируемого материала – в сравнении с украинским языком; в работе [Журкова 1980] анализируется фразеологический фрагмент семантического поля «мышление» в современном немецком языке в сопоставлении с русским языком. См. также [Антропова 1978; Семко 1974].

Анализируемое семантическое поле включает в свой состав около 400 разных в категориально-грамматическом (частеречном) отношении фразеологических единиц, извлечённых из различных лексикографических и фразеографических пособий. В основу предлагаемой ниже рубрики положена классификация познавательных процессов человека, разработанная в психологии; учтены также результаты семантического анализа глаголов психической деятельности и речи, изложенные в работах Л. М. Васильева [1971б, 1981а, 1981б].

Фразеология познавательной деятельности человека разделена на следующие группы: 1. фразеологические единицы, называющие различные ощущения; 2. фразеологические единицы, характеризующие процессы восприятия; 3. фразеологические единицы, обозначающие различные процессы памяти; 4. фразеологические единицы, характеризующие процесс воображения; 5. фразеологические единицы, характеризующие ментальную деятельность; 6. фразеологические единицы, характеризующие речевую деятельность.

1. Первую группу образуют фразеологические единицы, обозначающие внешние, внутренние и смешанного характера ощущения. Различные внешне-внутренние (вибрационные, мышечно-суставные и статико-динамические) ощущения передаются фразеологическими единицами: *зуб на зуб не попадает* 'кто-либо дрожит от сильного холода или сильного страха', *мурашки бегают по спине, мороз по коже дерёт* 'ощущается озноб, вызываемый чувством сильного волнения, физической боли', *голова идёт крутом, голова кружится* 'кто-либо испытывает головокружение от усталости, переутомления'; *в глазах темнеет* 'кому-либо становится дурно, плохо, обычно от усталости, слабости, волнения'; *как свинцом налита* 'об ощущении тяжести в голове, руках, ногах'; *кровавый пот* 'полное изнурение, изнеможение от непосильной работы' и др.

Различные внешние ощущения – зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные – характеризуются фразеологическими единицами: *бросать взгляд* 'быстро посмотреть', *вскидывать глазами* 'устремлять взгляд снизу вверх, резать глаза' 'производить неприятное зрительное ощущение', *терять из вида, упускать из виду* 'переставать видеть', *уху режет* 'производит резкое, неприятное впечатление на слух', *пальчики оближешь* 'очень вкусен, аппетитен, доставляет огромное удовольствие', *бросаться в нос* 'остро чувствоваться (о резком или неприятном запахе)' и др.

В категориально-грамматическом отношении основная масса рассмотренных идиом относится к предикативным и глагольным единицам и построена по семантической модели «кто-либо испытывает какое-либо ощущение».

2. Фразеологические единицы, характеризующие различные восприятия, дают целостный образ предмета, отражают предмет в совокупности его свойств. Активизация восприятия связана с вниманием – сосредоточенностью и направленностью сознания на воспринимаемый предмет. Поэтому в содержание основной массы фразеологических единиц данной группы входит элемент, связанный с характеристикой внимания: восприятия характеризуются со стороны полноты, целенаправленности, осмысленности и др.

Ядром исследуемого поля являются фразеологические единицы, отражающие процесс зрительного восприятия. Целенаправленный процесс зрительного восприятия обозначается рядом синонимичных глагольных единиц со значением ‘пристально, внимательно, неотрывно смотреть на кого-либо или что-либо’: *не отрывать глаз, не выпускать из виду, не сводить глаз, впиваться глазами, есть глазами, пялить глаза, задерживать взгляд* и др. Сюда же примыкают предикативные фразеологические единицы *взгляд не отрывается, глаза не отрываются* со значением ‘кто-либо очень внимательно, пристально смотрит на кого-либо или что-либо’.

На периферии данного семантического поля находятся фразеологизмы, отличающиеся от ядерных категориально-грамматической характеристикой, а также объёмом и оттенками значений. Кратковременность, фрагментарность зрительного восприятия передаётся единицами *краем глаза, хоть одним глазом* ‘мельком, очень краткое время (видеть, посмотреть)’, *одним глазом* ‘между делом (наблюдать, присматривать)’ и др.

Целенаправленный характер процесса слухового восприятия отражён в глагольных единицах *прослушать уши* ‘очень долго и напряжённо вслушиваться’, *приклонять ухо* ‘внимательно слушать что-либо, прислушиваться к чему-либо’, *превращаться в слух* ‘внимательно слушать’. Неполноту, фрагментарность слухового восприятия отражают фразеологизмы *пропускать мимо ушей, хлопать ушами, краем уха* и др.

При анализе материала данного поля обращают на себя внимание лексико-семантические и структурно-грамматические параллели

фразеологических единиц, характеризующих зрительные и слуховые восприятия: *во все глаза – во все уши; проглядеть глаза – прослушать уши; растерять глаза – растерять уши; хлопать глазами – хлопать ушами; краем глаза – краем уха* и др. Думается, здесь мы сталкиваемся с проявлением закона аналогии одновременно на лексико-семантическом и грамматическом уровнях, обусловленной тесными связями между частями единой перцептивной системы человеческого организма.

Характерной лексической особенностью семантических полей восприятия и ощущения является наличие в составе значительной части единиц лексических соматизмов *глаз, ухо*, которые называют анализатор и, следовательно, сигнализируют о виде ощущения и восприятия.

3. Значительна по объёму группа фразеологических единиц, обозначающих различные процессы памяти. Как известно, ощущения и восприятия в той или иной степени закрепляются, сохраняются, запоминаются (или не запоминаются) и при благоприятных условиях воспроизводятся. С памятью связаны все без исключения познавательные процессы, все виды ментальной деятельности человека.

Процесс закрепления в памяти результатов чувственной и мыслительной деятельности сознания, процесс запоминания, сохранения в памяти отражён в глагольных фразеологических единицах *зарубить на носу, зарубить на стенке* ‘запомнить крепко-накрепко, навсегда’, *врезаться в память* ‘прочно, крепко запомниться’, *мотать на ус* ‘принимать к сведению, крепко запоминать что-либо’, *держат в мыслях, держать в уме* ‘постоянно помнить, думать о ком-либо или чем-либо’. Тот же процесс закрепления в памяти отражён во фразеологизмах, отличающихся от ядерной группы единиц грамматической характеристикой и объёмом семантики: *на свежую память, сидеть гвоздём в голове, вечная память* и др.

Процесс забывания отражается в содержании глагольных фразеологических единиц, антонимичных предыдущим: *захлестнуло в памяти* ‘совсем забылось’, *вылетать из головы* ‘совершенно забываться’, *отдавать в архив* ‘предавать забвению’, *из ума вон, былшем поросло* ‘совсем, навсегда забылось (забыто)’ и др.

В это же поле входит группа фразеологических единиц, отражающих процесс воспроизведения в памяти ранее усвоенного: *всплывать в памяти* ‘вспоминаться’, *вертеться в голове* ‘никак не вспо-

минаться', *по памяти* 'не обращаясь к тексту, помня что-либо', *не в память* 'никак не вспоминается', *дай бог памяти* 'выражение желания, усилия вспомнить что-либо' и др.

4. Фразеологические единицы, относящиеся к полю воображения, характеризуют в основном пассивное воображение; это синонимичные глагольные единицы со значением 'предаваться несбыточным мечтам, бесплодным фантазиям': *строить воздушные замки, витать в облаках, витать в эмпиреях*. Преднамеренное пассивное воображение характеризуется также антонимичной парой *смотреть сквозь розовые очки* 'не замечать недостатков, идеализировать кого-то' и *делать трагедию* 'представлять себе что-либо слишком мрачным, безысходным, безнадежным'. Идиома *заглядывать вперед* 'стараться представить себе будущее, задумываться о будущем' характеризует активное творческое воображение.

5. Наиболее обширным по количеству входящих в него единиц является поле, характеризующее мышление. Это объясняется, по-видимому, тем, что мышление является высшим познавательным процессом личности, которое базируется на ощущении, восприятии, памяти и, с другой стороны, тесно связано с воображением и речью.

Фразеологические единицы, входящие в рассматриваемое семантическое поле, подразделяются на две группы:

а) Фразеологические единицы, отражающие мышление как процесс. Сюда относятся глагольные единицы, которые обозначают процесс мышления, направленного на объект, и отражают различные мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение и др.).

Целенаправленное мышление характеризуется фразеологически единицами *собираться с мыслями* 'сосредоточиваться на чем-либо, пытаясь обдумать, решить что-либо', *смотреть в корень* 'вникать в суть чего-либо, обращать внимание на самое главное', *углубляться в себя* 'предаваться глубоким размышлениям о чем-либо, не замечая окружающего'. Сюда же относятся фразеологизмы, которые имеют в своем значении оттенок оценочности: *мерить на один аршин* 'подходить к оценке различных людей, явлений одинаково, без учета индивидуальных особенностей', *мерить на аршин* (чей, какой) 'судить, оценивать с какой-либо точки зрения', *смотреть другими глазами* 'с иной позиции оценивать кого-либо или что-либо', *смотреть в глаза правде* 'резко оценивать действительное положение вещей' и др.

Следует выделить в отдельную группу фразеологические единицы с каузативным значением, также характеризующие целенаправленное мышление: *наставлять на путь* ‘воздействуя каким-либо образом, побуждать изменить поведение в хорошую сторону’, *наставлять на ум* ‘давая разумные советы, учить чему-нибудь хорошему, поучать’, *выбивать дурь из головы* ‘строгими мерами воздействия образумливать кого-либо’, *открывать глаза* ‘выводить кого-либо из заблуждения, помогать правильно понять истинное положение вещей’, *вводить в курс* ‘знакомить кого-либо детально или в общих чертах с чем-либо’. К этой же группе примыкают антонимичные фразеологические единицы с каузативным значением: *сбивать с панталыку*, *сбивать с пути*, *сбивать с толку* ‘воздействуя каким-либо образом, побуждать изменить поведение в плохую сторону, запутывать’, *сбивать с пахвей* ‘приводить в замешательство, в заблуждение, запутывать’ и др.

Аналитико-синтетические мыслительные операции отражены в содержании фразеологических единиц *перебирать в уме* ‘вспоминая, обдумывая, представлять последовательно, одно за другим’, *перебирать по нитке*, *разбирать по косточкам* ‘очень подробно анализировать, осмысливать’, *проводить грань* ‘устанавливать какие-либо различия’, *приводить к общему знаменателю*, *ставить на одну доску*, *стричь под одну гребёнку*, *подгонять под один колер* ‘уничтожать различия, уравнивать в каком-либо отношении’ и др.

Активный волевой акт формирования в процессе мышления каких-либо намерений, решений и результаты такой мыслительной деятельности отражены во фразеологических единицах *собираться с духом*, *набираться духу*, *собираться с силами* ‘перебарывая в себе страх, робость, неуверенность, решаться на что-либо’, *благоу часть избирать* ‘принимать наиболее удобное, выгодное для себя решение’, *разрубить гордиев узел* ‘разрешать сложный, запутанный вопрос’ и др.

б) Фразеологические единицы, обозначающие интеллектуальные качества и ментальные состояния человека, обусловленные индивидуальными особенностями мышления. Эта группа очень обширна по объёму и разнообразна по характеру семантики входящих в неё единиц. Здесь прежде всего выделяются две группы единиц с антонимичными значениями, характеризующих умственные способности человека с позитивной и негативной сторон.

Группа фразеологических единиц, положительно характеризующих умственные способности человека, представлена небольшим числом именных предикатов: *светлая голова* ‘очень умный, ясно, логически мыслящий человек’, *ума палата*, *голова на плечах*, *голова варит* ‘кто-либо умён, сообразителен, догадлив’, *с головой*, *с царем в голове*, *семи пядей во лбу* ‘очень умный, мудрый, догадливый’, *головой выше*, *на голову выше* ‘намного умнее, опытнее, осведомлённее’ и др.

Гораздо шире по объёму группа синонимических именных фразеологических единиц, характеризующих умственные способности человека с негативной стороны. Значение ‘глупый, бестолковый, тупой человек; глупый, несообразительный’ выражается единицами *голова еловая*, *голова садовая*, *дурья голова*, *дырявая голова*, *мякинная голова*, *пустая голова*, *медный лоб*, *набитый дурак*, *петый дурак*, *мешок с соломой*, *олух царя небесного*, *богом обиженный*, *не все дома*, *пороха не выдумает*, *винтиков не хватает*, *без царя в голове* и др.

Следующую группу образуют фразеологические единицы, обозначающие и характеризующие различные ментальные состояния человека преимущественно с негативной стороны. Утрата способности нормально мыслить и, следовательно, патологическое психическое состояние обозначается группой синонимичных глагольных единиц: *лишиться ума*, *сходить с ума*, *мешаться в уме*, *терять рассудок* ‘становиться сумасшедшим’, *впасть в детство*, *выживать из ума* ‘глупеть, терять рассудок от старости’ и др. Ср. *ум за разум заходит* ‘теряется способность трезво, разумно рассуждать’.

Нормальное умственное состояние человека характеризуется единицами *в своём уме*, *в полном рассудке*. К ним примыкают фразеологизмы *хвататься за ум*, ‘становиться благоразумнее, образумливаться’, *входить в разум* ‘становиться умнее’, *приходить в рассудок* ‘обретать возможность здраво рассуждать’ и др.

6. Большая группа фразеологических единиц характеризует речь со стороны внешней формы (акустико-физиологической), содержания, форм и видов речевой деятельности.

а) Акустико-физиологическую характеристику речи передают глагольные фразеологические единицы, со значением ‘говорить громко’: *распускать горло*, *драть горло*, *разевать глотку*. К ним примыкают наречные единицы: *во всю глотку*, *во весь рот*, *во всю*

ивановскую и др. Именные единицы *лужёная глотка, медная глотка* характеризуют речевой процесс со стороны силы (громкости) и со стороны долготы (длительности) ‘кто-либо обладает способностью громко, долго петь, кричать и т. п.’. Сема ‘долго’ присутствует в содержании фразеологических единиц *висеть на телефоне, оседлать своего любимого конька, слаб на язык, длинный язык* и др. Значение ‘тихо, невнятно’ передается адвербиальными единицами *под нос, сквозь зубы* (говорить, шептать).

б) Индивидуальные позитивные особенности речи (устной и письменной) характеризуются следующими единицами: *владеть словом, владеть пером* ‘обладать способностью выразительно, красноречиво говорить, писать’, *заливаться соловьём* ‘говорить красноречиво, с увлечением’, *играть словами* ‘острить, каламбурить’, *дар слова* ‘способность говорить свободно, выразительно, красноречиво’, *бойкое перо* ‘кто-либо с лёгкостью пишет, излагает письменно свои мысли’, *острый язык* ‘кто-либо остроумен, язвителен в разговоре’, *как по писаному* ‘бойко, гладко (говорить, рассказывать)’, *остёр на язык* ‘остроумен, язвителен’, *боек на язык* находчив в разговоре, красноречив’ и др.

Отрицательные индивидуальные особенности речи передаются синонимичными глагольными фразеологическими единицами: *жевать жвачку (мочалку), разводит разводы, крутить шарманку, дудеть в одну дуду* ‘нудно, надоедливо, бестолково говорить (писать) одно и то же’, (не мочь) *связать двух слов* ‘(не мочь, не уметь) связано сказать что-либо, изложить свои мысли’, *плетение словес* ‘многословный, запутанный, вычурный стиль речи’, *язык заплетается* ‘кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо’ и др.

в) Большая группа фразеологических единиц характеризует речь со стороны её содержания. Синонимический ряд образуют глагольные фразеологизмы со значением ‘врать, говорить, рассказывать небывлицы’: *заправлять арапа, лить пули, лить колокола, подпускать турусы на колёсах (1), водить за нос, метать петли, кривить душой* и др. Значение ‘наговаривать, сплетничать, клеветать’ имеют единицы *вешать собак, обливать грязью, перемывать косточки*. Значителен также синонимический ряд со значением ‘болтать, вести пустые разговоры’: *чесать язык (языком), чесать зубы, переливать из пустого в порожнее, судить да рядить, точить лясы, разводит антимонии (1), разводит турусы на колёсах (2), разводит тары-ба-*

ры растабары, бобы разводить, городить окоlesiцу, болтать языком, нести ахинею, нести окоlesiцу и др.

г) Отдельную группу составляют фразеологические единицы со значением ‘молчать (замолчать)’ с различными смысловыми оттенками: *играть в молчанку, придерживать язык, молчать в тряпочку, хлопнуть глазами (I), держать язык за зубами; закусить язык, знать про себя, проглотить язык, закрывать клапан*. К ним примыкают фразеологические единицы *связывать язык, как воды в рот набрал* и др.

Значительное количество идиом, относящихся к сфере когнитивной деятельности человека, не поддаётся чёткой семантической рубрикации. Процесс речепроизводства со стороны причины, цели, эмоциональной окрашенности и др. характеризуется глагольными фразеологизмами *играть в загадки, ходить вокруг да около, разводить вавилоны, метать бисер перед свиньями, говорить на ветер, бросать на ветер, петь дифирамбы, поднимать на щит, возносить до небес, разделявать под орех (I), открывать душу, изливать душу, склонять во всех надеждах, прохаживаться на счёт, ставить вопрос ребром, бросать в лицо, рубить сплеча (I), поднимать на смех, кликать клич, бросаться словами, давать слово* и др.

Таковы предварительные наблюдения над семантической стратификацией фразеологических единиц, называющих и характеризующих различные познавательные процессы личности. Общей основой содержания единиц всех выделенных групп является их отношение к когнитивно-мыслительной сфере деятельности человека, различие же между ними обусловлено различными характеристиками самой познавательной деятельности.

Следует еще раз обратить внимание на особенности лексического состава анализированных фразеологических единиц. Семантическая характеристика отдельных групп тесно связана с конституирующими фразеологические единицы лексическими элементами и во многом определяется ими: это в основном соматизмы (или их метонимические «заменители»), символизирующие тот или иной познавательный процесс. Так, элементами полей ощущения и восприятия являются фразеологические единицы, которые включают в свой состав компоненты *глаз (взгляд), ухо (слух)*, обозначающие вид анализатора. Семантические поля мышления, памяти представлены фразеологизмами с компонентами *голова, мозг, ум, разум, мысль*; поле речи – фразеологическими единицами с компонентами

рот, язык, горло, глотка, зубы, губы, голос, слово и др. (О символической функции некоторых слов в составе фразеологических единиц см. [Эмирова 1972: 38–42; Гвоздарев 1977: 160–165].)

* * *

Думается, что такой «перекрёстный» анализ содержания фразеологии – по семантико-грамматическим разрядам и по семантическим полям, группам, подгруппам – может дать в распоряжение исследователя более полную и адекватную картину семантического членения универсума фразеологическими средствами, поможет составить точную «карту» понятийного содержания фразеологии в отличие от лексики, а также выявить те участки объективной действительности, которые покрываются только фразеологией. Такой анализ, как нам кажется, может пролить свет и на когнитивные основы процессов образования и употребления фразеологических единиц.

Результаты идеографического (геср. ономасиологического) описания русской идиоматики, несомненно, представляют интерес для теории общей фразеологии, а также могут быть использованы в практике изучения и преподавания русской фразеологии во всех звеньях (начальном, среднем, высшем) и во всех аудиториях (русской, иноязычной) современной школы.

Как видно из проведённого анализа, мы не всегда последовательно пользовались термином *языковое поле* (семантическое, фразеологическое), часто заменяя его эквивалентным в нашем контексте термином *группа*. Хотя полевой анализ, как нам кажется, позволяет более адекватно описать связь языка с действительностью, наш материал не всегда чётко укладывался в рамки поля. Исследователи, работающие в русле полевого анализа, неоднократно отмечали размытость, нечёткость границ языковых полей, их способность пересекаться со смежными семантическими областями, частично накладываться на них. Думается, невозможность строгой дифференциации семантического пространства языка на отдельные фрагменты, области, сферы является объективной языковой данностью, обусловленной семантической непрерывностью словаря, в том числе и идиоматики: слово или фразеологическая единица связаны многочисленными нитями со значимыми единицами своего или смежных уровней [Караулов 1976: 75–77]. Это разнообразные системные связи и отношения – парадигматические (синонимия, антонимия,

паронимия, омонимия, гиперо-гипонимия и др.), синтагматические (валентность – грамматическая, лексико-семантическая, лексические солидарности (по Э. Косериу), связанность значения) и эпидигматические в широком смысле.

Разнообразные семантические связи между языковыми единицами в конечном счёте отражают многообразие связей и отношений между предметами и явлениями объективного мира и познающего их сознания-мышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование языка в аспекте выполнения им его основной – коммуникативной – функции раскрывает существенные характеристики языка как специфически человеческого феномена. Всё в языковой системе, в том числе и на таком её участке, как фразеология (идиоматика), детерминировано основной функцией языка – быть средством накопления и трансляции знаний об окружающем мире и их эмоционально-оценочной квалификации. Эмоциональное восприятие окружающей среды, по мнению учёных, в человеческом сознании перерабатывается в понятийное восприятие, «включается в речевое мышление и формируется соответственно в языковых знаках» [Колшанский 1984: 14].

«Лингвистика, ориентирующаяся на теорию языка прежде всего в коммуникативном аспекте, – коммуникативная лингвистика – *при всей её неразработанности* (курсив – наш. Э. А.) имеет то преимущество, что она <...> ставит перед собой цель описать язык во всех его звеньях, однозначно выполняющих свои функции в процессе речевого общения» [Колшанский 1984: 4]. Сегодня, в условиях неразработанности коммуникативной лингвистики как особого раздела науки о языке, возможны различные подходы к анализу языковых единиц в коммуникативном аспекте [Гак 1985; Стернин 1985]. Настоящая монография содержит один из возможных вариантов описания фразеологической семантики в указанном аспекте.

На материале русской идиоматики намечена и в первом приближении разработана новая интегральная предметная область, для характеристики которой привлекались не только собственно лингвистические категории (языковые значения, их типология, модальность, часть речи, семантическое поле и др.), но и понятия сопредельных наук – психолингвистики, социолингвистики, семиотики, логики, психологии, философии, нейрологии и др.

Данная область научного анализа фразеологии, которая открывает новое перспективное направление в развитии теории общей и русской фразеологии, концентрирует в себе научные проблемы, находящиеся в отношениях тесной взаимосвязи и дополнительности: специфика значения фразеологических единиц (идиом) и его структура, обусловленные их коммуникативно-прагматической предназначенностью в языке; типология фразеологических значений в ком-

муникативном освещении; проблемы первичного фразообразования и воспроизводства в речи фразеологических единиц; идеографическая стратификация современной русской фразеологии и др.

Охарактеризована структура фразеологического значения, коррелирующая с выполняемыми фразеологизмами языковыми функциями: сообщения (коммуникативной), обобщения (сигнификативной и кумулятивной), символической, прагматическими и др. Предложена нетривиальная структуризация прагматического компонента фразеологического значения, в котором выделены и охарактеризованы элементы экспрессивного выражения, эмоционального воздействия, контактоустанавливающий (фатический), эстетический и др.

Показано, что идиоматика языка является специфическим прагматическим средством, обслуживающим коммуникативную деятельность человека. Универсальной понятийно-семантической категорией функционирующего языка является, как известно, модальность, представленная своими двумя разновидностями – объективной и субъективной модальностями. Идиомы, как мы пытались показать в работе, являются средством выражения модальных значений во всём их комплексе: будучи ядром пропозиции, они симультанно выражают отношение содержания высказывания к действительности (в категориях наклонения глагольного или связочного компонента) и оценочное отношение говорящего к сообщаемому. Последнее эксплицируется разнообразными языковыми средствами: эмоционально-оценочными коннотациями фразеологических единиц, их внутренней формой, звукописью, интонационным рисунком и др., а также специальным разрядом идиом с прагматическим значением (модальные и междометные единицы).

Основная масса идиом современного русского языка, как показано в работе, имеет признаковое, предикатное значение: они обозначают не предметы реальной действительности, а их признаки. В монографии разработана комплексная типология фразеологических (идиоматических) предикатов, которая является первой классификацией такого рода на материале русской идиоматики.

Разработана и предложена нетрадиционная категориально-грамматическая (частеречная) классификация русских идиом: субстантивные с идентифицирующим значением, предикатные и идиомы с прагматическим значением. Данная классификация построена с учётом специфики содержания фразеологизмов-идиом, обусловленной выполняемыми ими языковыми-речевыми функциями.

В настоящей работе предложены новые аспекты анализа фразеологической семантики, находящиеся в отношениях тесной взаимосвязи, – фразеологическая ономаσιология и фразеологическая идеография (термины наши). Предметной областью фразеологической ономаσιологии являются проблемы первичного фразеобразования (в синхронии), а также воспроизводства готовых фразеологизмов в речи, сопровождаемого их различного рода трансформациями. При решении этих проблем мы обращались к данным логики, психологии, нейрологии и др., которые позволили комплексно и, следовательно, более адекватно характеризовать изучаемые языковые явления.

В фокусе внимания фразеологической идеографии находятся вопросы соотношения фразеологической семантики с объективной действительностью. Очерчена предметная область фразеологической идеографии, определены её задачи и перспективы развития; предложены два варианта идеографической стратификации русской идиоматики: выявлены, структурированы и охарактеризованы семантические группы в пределах отдельных категориально-грамматических (частеречных) разрядов (субстантивных, глагольных) и комплексные фразеосемантические поля, конституируемые фразеологическими единицами разных семантико-грамматических разрядов. Впервые в отечественном языкознании вычленено из континуума русской идиоматики и охарактеризовано фразеосемантическое поле когнитивной деятельности человека.

Разработанная в данной монографии новая предметная область – коммуникативно-прагматический анализ фразеологизмов-идиом – тесно сопрягается с предметом когитологии – активно развивающейся сегодня интегральной науки, изучающей познавательную деятельность человека с помощью категорий гуманитарных и естественных наук, объектом исследования которых является думающий и чувствующий человек, – лингвистики, логики, психологии, философии, нейрологии и др.

Думается, что основные положения разработанной в данной монографии предметной области русской фразеологии могут быть применены к анализу фразеологии других национальных языков, в том числе и в сопоставительно-типологическом плане. Исследование фразеологического материала в коммуникативно-прагматическом аспекте представляет, несомненно, большой интерес для типологической лингвистики, так как позволяет выявить типологические осо-

бенности русской фразеологии (специфическое и универсальное), которые особенно ярко обнаруживаются в сопоставительно-типологических исследованиях. Результаты анализа фразеологии в коммуникативно-прагматическом аспекте имеют непосредственный выход в прикладную лингвистику – в практику преподавания фразеологии в средней и высшей школе, в теорию и практику фразеографии, в том числе и учебной, в культуру речи, в теорию и практику перевода и др.

Основные теоретические положения работы корреспондируют с приоритетными направлениями развития лингвистических исследований последних лет: 1) повышение внимания к человеческому фактору в языке, возрастание интереса к коммуникативно-прагматическим аспектам языка; 2) расширение и углубление представлений о системно-структурных особенностях языка, специфике его как знакового образования; 3) углубление знаний о языке как базовом орудии формирования и развития общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамец И. В. Фразеология в лирике Александра Блока: Лекции по спецкурсу. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1981. – 68 с.

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.

Агрикола Э. Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря // ВЯ. – М., 1984. – № 2. – С. 72–78.

Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент: Фан, 1973. – 405 с.

Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 86–123.

Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. – Изд. 3, исправл. – М.: Русский язык, 1983. – 181 с.

Алпатов В. М. О лексическом и грамматическом значении // Проблемы значения в современной лингвистике: Тезисы симпозиума / Тбилиси, 16–18 мая 1977. – Тбилиси, 1977. – С. 5–8.

Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. – М.: Наука, 1981. – 96 с.

Антропова Л. И. Лексико-фразеологическое поле с общим значением 'поричать' в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1978. – 25 с.

Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967. – 251 с.

Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 16 с.

Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. – М., 1972. – С. 269–337.

Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова // НДВШ ФН. – М., 1973а. – № 3. – С. 42–54.

Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973б. – Т. 32. – Вып. I. – С. 84–89.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 334 с.

Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований. – М., 1977. – С. 304–357.

Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978а. – Т. 37. – № 3. – С. 251–262.

Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978б. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.

Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 156–249.

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–366.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. – М., 1982. – С. 5–40.

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М., 1984. – С. 5–23.

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. – М., 1985. – С. 3–42.

Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – 358 с.

Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // ВЯ. – М., 1977. – № 3. – С. 47–54.

Ахманова О. С., Магидова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // ВЯ. – М., 1978. – № 3. – С. 43–48.

Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. 1977. – Л., 1979. – 4–19.

Бабкин А. М. Русская фразеология, её развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 364 с.

Байрамова Л. К. Фразеология произведений В. И. Ленина и принципы её перевода: (по материалам переводов на татарский язык). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 104 с.

Байрамова Л. К. Фразеология в произведениях В. И. Ленина и принципы её перевода на татарский язык: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1983. – 34 с.

Балут С. Устойчивые сочетания с глаголами движения в русском и польском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 21 с.

Беляева Е. Б. Структурно-семантический анализ предложно-именных фразеологизмов русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 16 с.

Бенвенист, Эмиль. Общая лингвистика / Под ред. Степанова Ю. С. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

Бертельс А. Е. Разделы словаря, семантические поля и тематические группы слов // ВЯ. – 1982. – № 4. – С. 52–63.

Богданов В. В. Фреймы и фреймовые грамматики // Функционально-семантические параметры слова и предложения. – Барнаул, 1984. – С. 3–13.

Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (Основы эмотивной стилистики текста). – Ташкент: Фан, 1981. – 116 с.

Болотов В. И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1986. – 36 с.

Бондаренко В. Т. Предикативные фразеологические единицы с грамматическим значением состояния в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1975. – 23 с.

Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий: (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // ВЯ. – 1967. – № 2. – С. 18–31.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.

Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 16–29.

Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. – Л.: Наука, 1967. – 192 с.

Будагов Р. А. Язык – реальность – язык. – М.: Наука, 1983. – 262 с.

Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 333–342.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.

Бурмистрович Ю. Я. Некоторые вопросы фразеологии с точки зрения ономазиологии: (К проблеме возникновения фразеологизмов) // Научные труды Курского гос. пед. ин-та. – 1974. – Т. 2 (114). – Проблемы ономазиологии. I. – С. 146–164.

Бурмистрович Ю. Я. Образование фразеологизмов как ономазиологический процесс, осуществляемый по модели: (на материале субстантивных фразем русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1982. – 22 с.

Бушуй А. М., Салохиддинов Г. С. Устойчивые словесные комплексы в русско-иноязычных словарях. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1980. – 110 с.

Бушуй А. М. Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Самарканд, 1983. – 32 с.

Бушуй А. М. Лексикографическое описание фразеологии. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1982. – 114 с.

Быстрова Е. А. Русская фразеология в национальной школе // Русская фразеология в национальной школе. – М., 1976. – С. 3–64.

Быстрова Е. А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной школе: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1981. – 51 с.

Васильев Л. М. Семантические классы русского глагола: (глаголы чувства, мысли, речи и поведения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1971а. – 38 с.

Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа, 1971б. – С. 38–310.

Васильев Л. М. Значение и его отношение к действительности, системе языка и акту коммуникации // Исследования по семантике: Лексическая и грамматическая семантика. – Уфа, 1980. – С. 3–16.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981а. – 184 с.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола: (Глаголы речи, звучания и поведения). – Уфа: Изд-во БГУ, 1981б. – 71 с.

Васильев Л. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизма как критерии отграничения фразеологизмов от нефразеологических сочетаний // Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка. – Челябинск, 1985. – С. 3–9.

Василюк Ф. Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.

Вейн А. Мозг и творчество // Наука и жизнь. – 1983. – № 4. – С. 115–121.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике (Языковые универсалии). – Вып. V. – М., 1970. – С. 163–249.

Верещагин Е. М. У истоков славянской философской терминологии: Ментализация как приём терминотворчества // ВЯ. – 1982. – № 2. – С. 105–114.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Рус. язык, 1980. – 320 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – М., 1982. – С. 89–98.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.

Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук. – Л., 1946. – С. 45–69.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. – 1953. – № 5. – С. 3–29.

Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высшая школа. – 1972. – 614 с.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980. – 238 с.

Винокур Т. Г. Стилиевой состав высказывания в отношении к говорящему и слушающему // Русский язык: функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М., 1984. – С. 135–153.

Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: На материале иберо-романских языков. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

Вольф Е. М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – №4. – С. 391–397.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Вопросы социальной лингвистики. – Л.: Наука, 1969. – 418 с.

Всесоюзная конференция «Коммуникативные единицы языка»: Тезисы докладов / М., 12–13 дек. 1984. – М.: МГПИИЯ, 1984. – 150 с.

Габинская О. А. Первоначальная и повторная лексическая объективация // Проблемы ономазиологии. III. – Научные труды Курского гос. пед. ин-та, 1976. – Т. 62 (155). – С. 51–67.

Габинская О. А. Типология причин словотворчества. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. – 153 с.

Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка в аспекте теории отражения: Учеб. пособие по спецкурсу для филологов. – Пермь, 1974. – 255 с.

Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. – 195 с.

Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле отношения в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982. – 42 с.

Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: (на материале французского языка в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1968. – 55 с.

Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тезисы докладов научн. конф. Часть I. – М., 1971а. – С. 95–98.

Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. – М., 1971б. – С. 78–95.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. – М., 1972а. – С. 367–395.

Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. – М., 1972б. – С. 144–157.

Гак В. Г. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака // Труды Самаркандского ун-та. – 1976. – Вып. 277. – Вопросы фразеологии. VII. – С. 5–13.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977а. – 264 с.

Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977б. – С. 230–293.

Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. – 1982. – № 5. – С. 11–17.

Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 5–15.

Галунов В. И., Манеров В. Х., Устинович Е. А. Возможность семантического анализа некоторых психологических категорий // Вопросы семантики. – Калининград, 1978. – С. 124–135.

Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. Пособие по курсу общего языкознания. – М.: Высшая школа, 1974. – 175 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – 103 с.

Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 184 с.

Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1978. – 35 с.

Гвоздарев Ю. А. Слова-символы в русской фразеологии // Проблемы лексики и фразеологии. – Л., 1975. – С. 37–44.

Гешвинд Н. Специализация человеческого мозга // Мозг. – М., 1982. – С. 219–240.

Гинзбург Р. С. К вопросу о типологии значения // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов секционных заседаний. – М., 1974. – С. 147–151.

Говердовский В. И. О предпосылках создания коннотационного словаря // Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях. – Кишинёв, 1982. – С. 211–214.

Гоголицына Н. Л. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики лица в русском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 21 с.

Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1973. – 24 с.

Голев Н. Д. Ономазиология как наука о номинации. Ст. 2: О некоторых общих вопросах лексики и семантики в связи с разграничением ономазиологического и семасиологического подходов // Русское слово в языке и речи. – Вып. 2. – Кемерово, 1977. – С. 13–22.

Голев Н. Д. О некоторых принципах выделения ономазиологии и её категорий // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. VII. – Новосибирск, 1978. – С. 3–13.

Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 351 с.

Горский Д. П. Логика. – М.: Учпедгиз, 1963. – 159 с.

Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 719 с.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Губанов Н. И. Проблема образного и знакового в чувственном отображении // Вопросы философии. – 1982. – № 5. – С. 76–84.

Гулыга Е. В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова // НДВШ ФН. – 1967. – № 2. – С. 62–72.

Гусейнов Ф. Г. Русская фразеология: (Основные тенденции развития в XIX в.): Учебное пособие. – Баку, 1977а. – 119 с.

Гусейнов Ф. Г. Развитие русской фразеологии в XIX веке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1977б. – 45с.

Девкин В. Д. О градуальном словаре // Фразеологическая система языка. – Вып. IV. – Челябинск, 1978. – С. 54–62.

Демьянович Н. И. Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках (сопоставительный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 26 с.

Денисов П. Н. Основные проблемы теории лексикографии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1976. – 43 с.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Рус. язык, 1980. – 253 с.

Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1979. – 192 с.

Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980. – 25 с.

Добровольский Д. О. Прагматические правила и фразеологическое значение // Проблемы прагмалингвистики: Сб. научн. трудов / МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 213. – М., 1983. – С. 3–11.

Долинин К. А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – 343 с.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973. – 285 с.

Дридзе Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов: (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976. – С. 34–45.

Дудко В. А. Метафорическая номинация: (Логико-гносеологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Минск, 1984. – 19 с.

Ефимова Н. А. Фразеологическая антропонимия в современном английском языке и её семантические особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979. – 24 с.

Жуков В. П. О знаковости компонентов фразеологизма // ВЯ. – 1975. – № 6. – С. 36–45.

Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

Жуков В. П., Жуков А. В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка: Учебное пособие к спецкурсу. – Л., 1980. – 97 с.

Жулинская Л. К. Устойчивые глагольно-именные сочетания, обозначающие процессы речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 24 с.

Журавлёв А. П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 160 с.

Забавников Б. Н. Методологические аспекты коммуникативно-ориентированной грамматики // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 69–76.

Закономерности словопроизводственного процесса в ономаσιологическом аспекте // Научные труды Курского гос. пед. ин-та. – Т. 205. – Курск, 1980. – 115 с.

Залевская А. А. Психологические основания принципов организации лексикона человека: (на материале межъязыкового сопоставления результа-

тов ассоциативных экспериментов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1980. – 42 с.

Залыгин С. П. Южноамериканский вариант: Роман, рассказы. – М.: Современник, 1974. – 415 с.

Зарубина Н. Д. Языковые сигналы структуры связного текста и их использование в смысловом восприятии // Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976. – С. 79–83.

Звегинцев В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. Вып. X. – М., 1981. – С. 5–32.

Звегинцев В. А. Язык и знание // Вопросы философии. – 1982. – № 1. – С. 71–80.

Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983. – С. 172–210.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Золотова Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 87–92.

Золотова Л. М. К проблеме семантической мотивированности фразеологизмов современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 24 с.

Иванов Вяч. Вс. Чёт и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Советское радио, 1973. – 185 с.

Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 110 с.

Ивин А. А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.

Ионова И. А. Фразеологические единицы с адъективным значением в современном русском языке: (К вопросу о соотносённости фразеологических единиц с частями речи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 23 с.

Капанадзе Л. А. Номинация // Русская разговорная речь. – М., 1973. – С. 403–463.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография: (Опыт теории лингвистических словарей-тезаурусов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975. – 47 с.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. – М.: Наука, 1980. – 207 с.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы // ВЯ. – 1984. – № 4. – С. 3–12.

Кашина И. В. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния лица в современном русском языке: (структурно-семантическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 24 с.

Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент: Фан, 1979. – 228 с.

Киселёва Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.

Кобозева И. М. О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // ВЯ. – 1985. – № 6. – С. 95–103,

Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 99–146.

Колшанский Г. В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979а. – Т. 38. – № 4. – С. 318–322.

Колшанский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики // ВЯ. – 1979б. – № 6. – С. 51–62.

Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

Колшанский Г. В. Прагматическая характеристика вербальной коммуникации // Лингвистика и методика в высшей школе: Сб. научн. трудов / МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 205. – 1983. – С. 3–12.

Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие по спецкурсу для филологов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972. – 124 с.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: проблемы, методы, опыты. – Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1978. – 143 с.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Об употреблении термина «денотат» // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981. – С. 5–10.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Фразеология // Лексическая семантика. Фразеология: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970–1973 гг. (Материалы для обсуждения). – М.: Наука, 1982. – С. 51–62.

Копыленко М. М., Попова З. Д. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1983. – С. 149–155.

Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. Отбор и семантизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре // Словари и лингвострановедение. – М., 1982. – С. 98–108,

Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость: (к формализации в языкознании). – Л.: Наука, 1975. – 163 с.

Кравцова С. И. Фразеологические единицы со значением количества в русском языке: (в сопоставлении с украинским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1981. – 26 с.

Костючук Л. Я. Псковская фразеология в её прошлом и настоящем: (в связи с общими вопросами фразеологии): Учебное пособие к спецкурсу. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1983. – 82 с.

Крик Ф. Мысли о мозге // Мозг. – М., 1982. – С. 257–275.

Кубрякова Е. С. Об определении границ ономазиологических исследований // Проблемы ономазиологии: Научные труды Курского гос. пед. ин-та. – Т. 175. – 1977а. – С. 23–26.

Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: (Виды наименований). – М., 1977б. – С. 222–303.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономазиологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 115 с.

Кубрякова Е. С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980а. – С. 81–155.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности и словообразование как его важнейший компонент // Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках: Сб. научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 164. – 1980б. – С. 40–47.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

Кубрякова Е. С. Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики // Коммуникативные единицы языка: Тезисы докладов всесоюзной конф. – М., 1984. – С. 72–75.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 152 с.

Кунин А. В. К вопросу о лексикографической разработке русской фразеологии // Современная русская лексикография. 1976. – Л, 1977. – С. 177–180.

Кунин А. В. Фразеологическая деривация в английском языке // Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках: Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 164. – 1980а. – С. 155–162.

Кунин А. В. Механизмы окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 168. – 1980б. – С. 158–185.

Кунин А. В. О фразеологической номинации // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 211. – 1983. – С. 88–100.

Куркова Л. С. Фразеологический фрагмент семантического поля «мышление» в современном немецком языке в сопоставлении с русским языком: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 25 с.

Леви В. Искусство быть другим. – М.: Знание, 1981. – 206 с.

Леонтьев А. А. Языкознание и психология. – М.: Наука, 1966. – 80 с.

Леонтьев А. А. Язык, речь и речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

Ломов А. Г. Фразеология в рукописях А. Н. Островского (I часть): Тексты лекций. – Самарканд, 1982а. – 60 с.

Ломов А. Г. Проблемы фразеологической стилистики русского языка. Часть I. – Самарканд, 1982б. – 58 с.

Ломов А. Г. Фразеология в творческой лаборатории А. Н. Островского. – Ташкент: Фан, 1987. – 96 с.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

Лук А. Н. Эмоции и чувства. – М.: Знание, 1972. – 80 с.

Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 253 с.

Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.

Мартынов В. В. Функциональная грамматика и категории языка // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 155–161.

Маслов Ю. С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 284–294.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1975. – 327 с.

202. Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967а. – С. 226–238.

203. Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967б. – С. 444–523.

204. Межжерина С. А. О месте имён существительных с синтаксически несвободным значением в лексической системе русского языка // РЯШ. – М., 1974. – № 6. – С. 82–86.

205. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: Учебное пособие по спецкурсу. – Ярославль, 1979. – 79 с.

Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц как лингвистическая проблема: Автореф. дис. .. д-ра филол. наук. – Л., 1982. – 40 с.

Мелерович А. М. О семантической и грамматической характеристике слов-компонентов в составе фразеологических единиц // Фразеологизм и слово в русском языке. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 19–25.

Мецлер А. А. О лингвистическом статусе категории модальности // НДВШ ФН. – 1982. – № 4. – С. 66–72.

Мигирин В. Н. Верен ли постулат о существовании лексического и грамматического значения и какова его конструктивная ценность в грамматике // Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях. – Кишинёв, 1982. – С. 89–94.

Минский М. Фреймы как представления знаний / Пер. с англ. Н. Гринбаума / Под ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

Мозг / Под ред. д-ра мед. наук П. В. Симонова. – М.: Мир, 1982. – 279 с.

Мокиенко В. М. Противоречия фразеологии и её динамика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1976. – 32 с.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М.: Выс. школа, 1980. – 207 с.

Мокиенко В. М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – М., 1982. – С. 108–121.

Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – С. 7–23.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л. Наука, 1977. – 284 с.

Монтень, Мишель. Опыты. – Кн. 3. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 495 с.

Морковкин В. В. Идеографические словари. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 71 с.

Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики: (Анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 166 с.

Моррис, Чарлз Уильям. Основания теории знаков // Семиотика. – М., 1983. – С. 37–89.

Надирашвили Ш. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 170 с.

Назарова Т. В. Несвободные глагольно-субстантивные сочетания, обозначающие процессы чувствования в русском литературном языке (субъектные конструкции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 20 с.

Назарян А. Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция? // НДВШ ФН. – 1983. – № 6. – С. 34–40.

Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.

Насилов Д. М. Уровни семантической абстракции и соотношение языковой и внеязыковой семантики в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1986. – С. 120–131.

Никитевич В. М. Субстантив в составе номинативных рядов: (К проблеме деривационной грамматики): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. – 56 с.

Никитин М. В. О семантике метафоры // ВЯ. – 1979. – № 1. – С. 91–102.

Никитин М. В. Предисловие // F. R. Palmer. Semantics a new outline. – Moscow: Vyssšaja Scola. – 1982. – С. 6–8.

Никитин М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.

Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М., 1978. – С. 5–39.

Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // ВЯ. – 1984. – № 3. – С. 111–119.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М.: Выс. школа, 1982. – 272 с.

Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.

Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (Проблемы референции). – Вып. XIII – М.: Радуга, 1982. – 432 с.

Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – 501 с.

Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 151 с.

Общая психология / Под ред. проф. А. В. Петровского. – Изд. втор., доп. и перер. – М.: Просвещение, 1976 – 479 с.

Общая психология / Под ред. В. В. Богословского, А. Г. Ковалёва, А. А. Степанова. – М.: Просвещение, 1981. – 383 с.

Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

Павилёнис Р. И. Логико-методологические проблемы анализа языка: семантика и прагматика // Вопросы философии. – 1982. – № 11. – С. 82–91.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

Пазухин Р. В. Язык, функция, коммуникация // ВЯ. – М., 1979. – № 2. – С. 42–50.

Палевская М. Ф. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. – Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1972. – 307 с.

Палевская М. Ф. Основные модели фразеологических единиц в русском языке XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1977. – 39 с.

Панасенко Е. Г. Предикативные фразеологические сочетания в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону. – 1981. – 25 с.

Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.

Подюков И. А. Экспрессивно-стилистическая характеристика диалектных фразеологических единиц: (на материале говоров Северного Прикамья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 18 с.

Покровская Э. Н. Фразеологические единицы со значением психического состояния человека в русском языке (в сопоставлении с украинским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1977. – 21 с.

Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.

Попов Р. Н. Методы исследования фразеологического состава языка: Учебное пособие. – Курск, 1976. – 75 с.

Попов Р. Н. О лексемном характере компонентов фразеологических единиц // *Wiss. Z. Karl-Marx-Univ. Leipzig, Ges.-u. Sprachwiss. R. Jg.* 1979. – №. 4. – С. 567–577.

Попова З. Д. Фразеология и символика вещей // *Проблемы русской фразеологии.* – Тула, 1979. – С. 3–8.

Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. – М.: Наука, 1973. – 457 с.

Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1967. – 559 с.

Прасад Г. Н. Фразеологизмы модели «глагол + существительное, называющее части тела», связанные с деятельностью и состоянием человека (на материале русского языка и языка хинди): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 22 с.

Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – 380 с.

Проблемы значения в современной лингвистике: Тезисы симпозиума. Тбилиси, 16–18 мая 1977. – Тбилиси, 1977. – 88 с.

Проблемы ономазиологии. I: Научные труды / Курский гос. пед. ин-т. – Т. 21 (114). – Орел, 1974. – 215 с.

Проблемы ономазиологии. III: Научные труды / Курский гос. пед. ин-т. – Т. 62 (155). – 135 с.

Проблемы ономазиологии. IV: Научные труды / Курский гос. пед. ин-т. – Т. 175. – 160 с.

Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 185. – 198 с.

Психолингвистика: Сб. статей / Сост. А. М. Шахнарович. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1974. – 147 с.

Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – 285 с.

Психология эмоций: Тексты / Под ред. В. К. Виллонаса, Ю. Б. Гиппенрейтера. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 287 с.

Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980 – 141 с.

Райхштейн А. Д. Лингвострановедческий аспект устойчивых словесных комплексов // *Словари и лингвострановедение.* – М., 1982. – С. 142–153.

Распопов И. П. Несколько замечаний о так называемой семантической структуре предложения // ВЯ. – М., 1981. – № 4. – С. 24–34.

Рогожникова Р. П. Об эквивалентах слова в русском языке // ВЯ. – М., 1977. – № 5. – С. 110–116.

Ройзензон Л. И., Абрамец И. В. Совмещённая омонимия в сфере фразеологии // ВЯ. – 1969. – № 2. – С. 54–63.

Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учебное пособие. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1973. – 223 с.

Ройзензон Л. И., Эмирова А. М. К теории составления двуязычных фразеологических словарей // Вопросы фразеологии: IX. – Самарканд, 1975. – С. 142–150.

Ройзензон Л. И. Русская фразеология: Учебное пособие. – Самарканд: Изд-во Сам.ГУ, 1977. – 121 с.

Ротова М. С. Лексико-фразеологическое поле обозначений смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1985. – 21 с.

Русская грамматика: В 2-х томах. – Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с. Т. II. Синтаксис. – 710 с. – М.: Наука, 1980.

Русский речевой этикет: (Пособие для студентов). – Изд. 3-е, испр. – М.: Рус. язык, 1983. – 181 с.

Савенкова Л. Б. Фразеологические единицы русского языка, основанные на метонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1984. – 27 с.

Селиверстова О. Н., Ишевская Н. А. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 86–157.

Семантическая типология признаков слов в современном русском языке: Методическая разработка к спецкурсу / Автор-составитель Н. Е. Сулименко. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1981. – 58 с.

Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 366 с.

Семко М. К. Семасиологическое исследование лексико-фразеологического поля, связанного с понятием Description (на материале английских публицистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 22 с.

Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 9–95.

Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М.: Наука, 1983. – 319 с.

Сидоренко М. И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: Учебное пособие к спецкурсу. – Л., 1982. – 108 с.

Симонов П. В. Эмоциональный мозг: Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. – М.: Наука, 1981. – 215 с.

Смысловое восприятие речевого сообщения: (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – 226 с.

Советское языкознание в канун нового пятилетия // ВЯ. – 1986. – № 2. – С. 3–6.

Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – 292 с.

Солодуб Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). – М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1985а. – 110 с.

Солодуб Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985б. – 31 с.

Солодухо Э. М. Сопоставительно-исторический и синхронно-сопоставительный анализ интернациональных оппозиций типа слово – сверхсловный комплекс. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982а. – 47 с.

Солодухо Э. М. Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности. – Казань, 1982б. – 40 с.

Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 53 с.

Спивак Д. Л. Язык в условиях изменённых состояний сознания // ВЯ. – 1983. – № 5. – С. 43–49.

Спивак Д. Л. Лингвистика изменённых состояний сознания: проблемы и перспективы // ВЯ. – 1985. – № 1. – С. 50–57.

Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – 296 с.

Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 142 с.

Степанов Г. В. Тенденции развития советского языкознания // ИЯШ. – 1985. – № 3. – С. 11–13.

Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразования: Вступительная статья // Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 5–16.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. – 2 изд., перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиология: (Виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 294–358.

Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39. – № 4. – С. 311–323.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981а. – 360 с.

Степанов Ю. С. В поисках прагматики: (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981б. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.

Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. – М., 1983. – С. 5–35.

Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 171 с.

Тарасов Е. Ф. Деятельность, общение, речь: (К формированию деятельностной концепции речи) // Всесоюз. науч. конф. «Коммуникативные единицы языка». М. 12–13 дек. 1984: Тезисы докладов. – М., 1984. – С. 116–119.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 17–41.

Телия В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 244–266.

Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация: (Виды наименований). – М., 1977а. – С. 129–221.

Телия В. Н. К проблеме номинативного аспекта исследования лексической семантики // Проблемы значения в современной лингвистике: Тезисы симпозиума. – Тбилиси, 1977б. – С. 69–72.

Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. – М., 1980а. – С. 250–319.

Телия В. Н. О дополнительности слово- и фразообразовательных способов номинации в сфере обозначения непредметных сущностей // Вопросы словообразования и фразообразования в германских языках: Сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 164. – 1980б. – С. 170–178.

Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Телия В. Н. Фразеология // Русский язык. Энциклопедия. – Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 609.

Теоретические проблемы семантики и её отражения в одноязычных словарях. – Кишинёв: Штиинца, 1982. – 248 с.

Теория речевой деятельности: (Проблемы психолингвистики). – М.: Наука, 1968. – 272 с.

Тепляков И. М. Фразеологические средства выражения понятия неопределенно-большого множества в современном чешском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1983. – 23 с.

Тихонов А. Н. Фразеология // Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология: Учебное пособие для студентов. – М., 1987. – С. 115–136.

Тихонова М. Ю. Лексико-фразеологическая микросистема «много» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1971. – 27 с.

Токарева В. Длинный день: Повесть // Новый мир. – 1986. – № 2. – С. 79–114.

Торопова Н. А. К исследованию логических частиц // ВЯ. – 1978. – № 5. – С. 82–92.

Торопцев И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии // Проблемы ономазиологии. I. – Орел, 1974. – С. 3–75.

Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 148 с.

Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. – Киев – Одесса: Вища школа, 1976. – 176 с.

Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 184 с.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика и принципы её описания в русском языке. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Умарходжаев М. И. Очерки по современной фразеологии. – Ташкент: Фан, 1977. – 133 с.

Уфимцева А. А. Понятие языкового знака // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 96–139.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.

Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация: (Виды наименований). – М., 1977а. – С. 5–85.

Уфимцева А. А. Ономазиологический аспект изучения слова // Проблемы значения в современной лингвистике: Тезисы симпозиума. – Тбилиси, 1977б. – С. 72–74.

Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980. – С. 5–80.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Фёдоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX вв. – Новосибирск: Наука, 1973а. – 171 с.

Фёдоров А. И. Русская фразеология и её изучение по источникам: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1973б. – 328 с.

Фёдоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, 1980. – 191 с.

Филин Ф. П. О специальных теориях в языкознании // ВЯ. – 1978. – № 2. – С. 17–25.

Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. – М.: Знание, 1982. – 156 с.

Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. – Изд. 2-е. – М.: Рус. язык, 1984. – 193 с.

Хартунг, Вольфдитрих. О смысле и содержании марксистско-ленинской концепции языка // Актуальные проблемы языкознания в ГДР. – М., 1979. – С. 27–47.

Хьюбел Д. Мозг // Мозг. – М., 1982. – С. 9–30.

Чахоян Л. П. Коммуникативно-семантическая теория высказывания (На материале новоанглийского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л, 1980. – 31 с.

Чемоданов Н. С. В борьбе за материалистическое языкознание // Актуальные проблемы языкознания в ГДР. – М., 1979. – С. 5–12.

Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: Учебное пособие. – Челябинск, 1974. – 99 с.

Чепасова А. М. Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья первая) // Вопросы фразеологии современного русского языка. – Челябинск, 1975. – С. 3–30.

Чепасова А. М. Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья вторая) // Фразеологическая система языка. 2. – Челябинск, 1976. – С. 55–72.

Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов: Учебное пособие к спецкурсу. – Челябинск, 1983. – 93 с.

Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1985. – 28 с.

Чернышёва И. И. Актуальные проблемы фразеологии // ВЯ. – 1977. – № 5. – С. 34–42.

Чернышёва И. И. Фразеобразование как особая область вторичной номинации // Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках: Сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 164. – 1980. – С. 179–187.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – Изд. 3, испр. и дополн. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Шанский Н. М., Быстрова Е. А. Лексикографическая разработка русской фразеологии в учебных целях // Теория и практика составления учебных словарей. – М., 1978. – С. 16–43.

Шведова Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. – М. 1985. – С. 30–36.

Швейцер А. Д. Современная социалингвистика: (Теория, проблемы, методы). – М.: Наука, 1977. – 176 с.

Швырёв В. С. Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат, 1984. – 231 с.

Шендельс Е. И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений // ВЯ. – 1982. – № 4. – С. 78–82.

Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. – М.: Наука, 1971. – 223 с.

Ширшов И. А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // ВЯ. – 1979. – № 5. – С. 109–122.

Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Сов. писатель, 1963. – 383 с.

Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Шмелёв Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М.: Наука, 1976. – 150 с.

Шмелёв Д. Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

Шмелёв Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 3–44.

Шрам А. Н. Семасиология и ономасиология // Вопросы семантики. – Калининград, 1978. – С. 11–19.

Штефан, Бригитте. Фразеологические единицы со значение «предельность» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1984. – 19 с.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 39–59.

Щукина Н. Ф. Структуризация лексико-семантического поля субъектно-модальных состояний в аспекте языкового сознания (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1982. – 24 с.

Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Эмирова А. М. О тематически стержневых словах в составе некоторых фразеологических единиц // Актуальные вопросы фразеологии. – Самарканд, 1968. – С. 61–65.

Эмирова А. М. Фразеологическая синонимия // Вопросы содержания и методы преподавания русского языка. – Самарканд, 1969. – С. 68–74.

Эмирова А. М. К вопросу об омонимии в области фразеологии // Вопросы русской фразеологии. – Самарканд, 1970. – С. 55–62.

Эмирова А. М. Об антонимии в сфере фразеологии // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. 1. – Новгород, 1971а. – С. 171–175.

Эмирова А. М. О специфике синтагматических и парадигматических отношений во фразеологии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Ш. – Самарканд, 1971б. – С. 63–67.

Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии: (Опыт семантического анализа фразеологических единиц). Учебное пособие для филологов. – Самарканд, 1972. – 98 с.

Эмирова А. М. Структурные и семантические характеристики одного фразеологического поля // Вопросы фразеологии. XI. – Самарканд, 1977а. – С. 11–15.

Эмирова А. М. К теории фразеографии (Рец. на «Справочник по русской фразеологии для иностранцев» / Сост. Р. И. Яранцев) // Вопросы фразеологии. XI. – Самарканд, 1977б. – С. 97–100.

Эмирова А. М. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности // Вопросы русской и славянской фразеологии: XIII. – Самарканд, 1978а. – С. 17–26.

Эмирова А. М. Структура и семантика фразеологического поля эмоций // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. – Самарканд, 1978б. – С. 46–52.

Эмирова А. М. К теоретическим основам фразеологической идеографии // Вопросы фразеологии. – Вып. XIV. – Самарканд, 1979. – С. 50–61.

Эмирова А. М. Ономаσιологическая характеристика основных семантико-грамматических разрядов русской фразеологии // Вопросы фразеологии русского языка. – Самарканд, 1981. – С. 4–15.

Эмирова А. М. Фразеология в поэтической речи // Вопросы фразеологической стилистики. – Самарканд, 1983. – С. 89–94.

Эмирова А. М. Рец.: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77, 78, 79 / Под ред. Котеловой Н. З. // Филологические науки. НДВШ. – Москва, 1984а. – № 5. – С. 82–83.

Эмирова А. М. К вопросу о номинативной сущности фразеологических (идиоматических) предикатов // Вопросы языкознания. – М., 1984б. – № 6. – С. 114–118.

Эмирова А. М. Типология фразеологических предикатов (К постановке проблемы) // Исследования по семантике: Семантика слова и фразеологизма. – Уфа, 1986. – С. 110–115.

Эмирова А. М. Фразеология // Лексическая семантика. Фразеология: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1984–1987 гг. (Материалы для обсуждения). – М.: Наука, 1988 (в печати).

Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Монография. – Ташкент: Фан, 1988. – 92 с.

Эмирова А. М. Биобиблиографический справочник. К 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымчупедгиз», 2008. – 114 с.

Юлдашева Р. Ж. Принципы составления и пути использования учебного двуязычного фразеологического словаря идеографического характера: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1985. – 16 с.

Языковая номинация: (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977а. – 260 с.

Языковая номинация: (Виды наименований). – М.: Наука, 1977б. – 360 с.

Coseriu E. Lexikalische Solidarität // Poetica. 1967. Bd. 1, № 3.

Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 5. Aufl. Berlin, 1959.

Eckert R. Zur historischen Phraseologie (an russischen Material) // Aktuelle Probleme Phraseologie / Symposium 27–29.09.1984 in Zürich. Züricher Germanistische Studien. – Band 9. – Berlin. Frankfurt am Mein. New York. Paris: Verlag Peter Lang. – S. 203–224.

Eckert R. Russische Phraseme und Phraseotexteme mit *хлеб-соль*: Zur Definition des Objektbereiches und der Einheiten der Phraseologie // Linguistische Studien. № 120. Reihe A. Arbeitsberichte. – Berlin, 1984. – S. 1–30.

Eckert R. Zur historischen Phraseologie der slavischen und baltischen Sprache // Acta Baltico-Slavica. XVII. – Berlin, 1986. – S. 103–116.

Eckert R. Synchronische und diachronische Phraseologieforschung // Beiträge zur allgemeinen und germanistischen Phraseologieforschung. – Oulu, 1987. – S. 37–50.

Günter K. Prädikativphraseme im Deutschen und Russischen // Linguistische Studien. № 120. Reihe A. Arbeitsberichte. – Berlin, 1984. – S. 31–66.

Hallig R. und Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexicografie. 2. Auflage. Berlin, 1963.

Henschel N. Die minimalphraseme in confrontativer Sicht (am Material des Tschechischen, Slawakischen, Russischen und Deutschen) // Linguistische Studien. № 120. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1984. – S. 67–95.

Häusermann J. Phraseologie: Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse. – Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1977.

Kučař J. К общей характеристике номинаций // Travaux Linguistiques de Prague. 3. – Prague, 1968. – С. 119–129.

Palmer F. R. Semantics: A new outline. – Moscow: Vys. Škola, 1982. – 111 s.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. – Heidelberg, 1931.

Лексикографические источники

Андрейчина К., Влахов С., Димитрова С., Запрянова К. Русско-болгарский фразеологический словарь / Под ред. С. Влахова. – М.: Рус. язык; София: Наука и искусство, 1980. – 582 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стереот. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.

Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь русского языка: (Пособие для учащихся национальных школ). – Л.: Просвещение, 1984. – 270 с.

Васильев Л. М. Алфавитный список рассмотренных в работе слов и устойчивых словосочетаний // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа, 1971. – С. 299–310.

Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1980. – 430 с.

Кондаков Н. И. Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – 656 с.

Краткий толковый словарь русского языка. / Под ред. Розановой В. В. – 3-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1982. – 346 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 77 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1980. – 176 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 78 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1981. – 263 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 79 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1982. – 320 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 80 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 286 с.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 81 / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1986. – 287 с.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 543 с.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 805 с.

Обратный словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 944 с.

Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову: (Наречные, служебные, модальные единства). – М.: Русский язык, 1983. – 144 с.

Русский семантический словарь: (Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову). – М.: Наука, 1983. – 566 с.

Русско-армянский фразеологический словарь / Под ред. Р. Л. Мелкумяна и П. М. Погосяна. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1975. – 615 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 190 с.

Словарь русского языка: В 4-х томах. – Изд. 2, испр. и дополн. – М.: Русский язык, 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 томах. – М. –Л., 1948–1956.

Справочник по русской фразеологии для иностранцев: (Выражение эмоций) / Сост. Р. И. Яранцев. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 91 с.

Справочник по русской фразеологии для иностранцев: (Свойства и качества характера человека) / Сост. Р. И. Яранцев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 64 с.

Тагиев М. Т. Русско-азербайджанский фразеологический словарь. – Баку: Маариф, 1974. – 246 с.

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. Денисова П. Н., Морковкина В. В. – М.: Русский язык, 1978. – 686 с.

Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1980. – 238 с.

Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. д-ра филол. наук А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 544 с.

Шанский Н. М., Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка для национальной школы: (Учебное пособие по русскому языку для учащихся национальных школ). – М., 1979. – 263 с.

Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Краткий этимологический словарь фразеологии // РЯШ. – 1979. – № 1 и след.

Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.

Шкляр В. Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 253 с.

Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1981. – 304 с.

Список сокращений

- ВЯ – журнал «Вопросы языкознания»
Грамматика–70 – Грамматика современного русского литературного языка
Грамматика–80 – Русская грамматика: В 2-х томах
ИЯШ – журнал «Иностранные языки в школе»
НДВШ – журнал «Научные доклады высшей школы. Филологические науки»
НСЗ–71 – Новые слова и значения: Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов
НСЗ–84 – Новые слова и значения: Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов
РЯНШ – журнал «Русский язык в национальной школе»
РЯШ – журнал «Русский язык в школе»
СМ–77 – Новое в русской лексике: Словарные материалы–77
СМ–78 – Новое в русской лексике: Словарные материалы–78
СМ–79 – Новое в русской лексике: Словарные материалы–79
СМ–80 – Новое в русской лексике: Словарные материалы–80
СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х томах
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 томах
СРФИ–76 – Справочник по русской фразеологии для иностранцев: (Выражение эмоций)
СРФИ–78 – Справочник по русской фразеологии для иностранцев: (Свойства и качества характера человека)
СРФИ–81 – Словарь–справочник по русской фразеологии для иностранцев
УСК – устойчивые словесные комплексы
ФЕ – фразеологическая единица
ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири
ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

У истоков когнитивной лингвистики (Вместо предисловия)	3
Введение	6
Глава 1. Идиоматика русского языка как объект коммуникативной лингвистики	16
Глава 2. Природа фразеологического значения и его структура	25
2.1. Слово в составе идиомы.....	25
2.2. К вопросу о фразеологическом значении	39
2.3. Структура фразеологического значения	46
2.3.1. Языковые функции фразеологических единиц	47
2.3.2. Знаковое значение фразеологических единиц	57
2.3.3. Прагматический (коннотативный) компонент фразеологического значения	65
Глава 3. Семантико-грамматические (частеречные) разряды фразеологических единиц в коммуникативном аспекте	79
3.1. Субстантивные фразеологизмы с идентифицирующим значением.....	84
3.2. Фразеологические единицы с предикатным значением, их номинативная сущность	91
3.3. К типологии идиоматических предикатов	100
3.4. Фразеологизмы с прагматическим значением	108
3.4.1. Модальные фразеологические единицы	110
3.4.2. Междометные фразеологические единицы	113
Глава 4. Проблемы фразеологической ономазиологии	118
4.1. Процессы фразеобразования (ментально-психологический аспект)	119
4.2. Воспроизводство фразеологических единиц в речи как ономазиологический акт	141
4.3. Объект фразеологической номинации	149
Глава 5. Основы фразеологической идеографии	162
5.1. Фразеологическая идеография: предмет и задачи	162
5.2. Два варианта идеографической классификации фразеологических единиц	169

5.2.1. Основные семантико-грамматические разряды идиом в идеографическом аспекте	170
5.2.1.1. Субстантивные фразеологические единицы	171
5.2.1.2. Глагольные фразеологические единицы	176
5.2.2. Фразеология, характеризующая различные психические функции человека	178
5.2.2.1. Фразеология сферы человеческих эмоций	179
5.2.2.2. Фразеология сферы когнитивной деятельности человека	185
Заключение	196
Библиография	200
Лексикографические источники	221
Список сокращений	224

Научное издание

Эмирова Адиле Мемедовна

**РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

Монография

Подписано в печать 20.11.2020 г. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 14,2. Объём 14,25 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 19/11.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ ООО «Научный мир»

295015, Республика Крым, г. Симферополь,
ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: nauchniy-mir@yandex.ru

Отпечатано в ИП Подгорнов А.В.

295023, г. Симферополь, ул. Радионова, 17, кв. 23.

ЭМИРОВА А. М.

**РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ**